

Munich Personal RePEc Archive

The institutional approach in economics and to economics

Yefimov, Vladimir

Independent researcher

May 2009

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/48718/>
MPRA Paper No. 48718, posted 30 Jul 2013 22:02 UTC

Институциональный подход в экономической науке и к экономической науке

В.М. Ефимов

«Пародируя высказывание Маркса можно было бы сказать, что « философы (или экономисты) только и делали, что преобразовывали мир, сейчас речь идет о том, чтобы его понять » » [Callon et Latour, 1997, p. 45].

1. Три взгляда на экономическую науку

В первой половине XIX века Огюст Конт предложил выделять три стадии в интеллектуальной эволюции человечества : теологическую, которую он называл также фиктивной ; метафизическую или абстрактную ; и научную, реальную, положительную или позитивную [Конт 2003, сс. 54 - 80]. Он называет эти стадии состояниями (états), тем самым подчеркивая, что наступление новой стадии теоретических представлений не исключает предыдущих, а характеризуется доминантой этого состояния. По отношению к каждой отдельной области реальности в каждый исторический период каждое конкретное общество/сообщество может находиться преимущественно в том или ином из трех состояний. В трактовке Конта позитивное – это достоверное и полезное знание [Степин 2006, с. 15]. Во второй половине XIX века в своей знаменитой статье « Закрепление убеждения »¹ Чарльз Пирс говорит по существу о том же самом выделяя три метода фиксации определенного понимания² в трактовке некоторых вопросов внутри отдельных обществ/сообществ, а именно : метод авторитета, априорный метод и научный метод [Пирс 2000а, сс. 244 - 265]. И Конт и Пирс понимали под научным исследованием такое, которое основано на опыте, наблюдении и эксперименте.

Вот что Пирс пишет по поводу **метода авторитета**, который является методом закрепления определенного **теологического типа теоретизирования** : « Создадим институт, цель которого состоит в том, чтобы привлечь внимание людей к правильным учениям, (будем) постоянно повторять их и обучать им молодежь, в то же время этот институт должен обладать силой, достаточной для того, чтобы предотвратить изучение, защиту и изложение противоположных учений. Устраним из представлений людей все мыслимые причины умственных изменений. Будем держать их в невежестве, чтобы они не научились думать иначе, чем они думают. Привлечем на свою сторону их страсти, так чтобы они относились к индивидуальным и необычным мнениям с ненавистью и ужасом. Запугаем и заставим замолчать всех тех, кто отвергает

¹ Английское слово *belief* и французское слово *croiance*, которые Пирс использует в своих двух вариантах публикации этой статьи ([Peirce 1992, p. 109 - 123], [Peirce 2002, p. 214 – 235]) были переведены на русский язык как « верование » [Пирс 2000а] или как « убеждение » [Пирс 2000b]. Оба перевода по моему мнению не совсем точно отражают смысл, который вкладывал Пирс в эти слова. В « Большом англо-русском словаре » [Гальперин и Медникова 1987] дается три варианта перевода слова *belief*: 1. вера, доверие ; 2. вера, убеждение, включая религиозное верование и вероучение ; 3. мнение, убеждение, понимание. По контексту статьи можно понять, что речь скорее идет о « понимании ».

² Сейчас, после таких философов сторонников герменевтики, как Ганс-Георг Гадамер и Поль Рикер, а также социолога-экономиста Макса Вебера, понятие « понимание » теснейшим образом связывается с понятием « интерпретация ».

установленную веру <...> Этот метод с древнейших времен был одним из главных средств поддержания правильных теологических и политических учений и сохранения их универсального, или всеобщего характера» [Пирс 2000, сс. 249, 250]. Конечно таким институтом была средневековая католическая церковь с ее инквизицией. Таким институтом было также советское государство с его системой образования, средствами массовой информации и карательными органами. Но во многом таким же институтом сейчас является и институт экономической науки в США и Западной Европе.

Институт советской экономической науки, как и всего общественнознания, был важным элементом института советского государства и находился под непосредственным контролем ЦК, обкомов и райкомов КПСС и под неусыпным наблюдением КГБ. Советская экономическая наука в послевоенное время превращается под руководством Сталина в разновидность мирской (светской) теологии³. Марксизм-ленинизм служил в СССР официальной светской (мирской) атеистической религией. Связь русского коммунизма и православной традиции, что в свое время правильно подметил Н.А. Бердяев в своей книге « Истоки и смысл русского коммунизма », облегчила введение в Советском Союзе этой новой религии. Помогла этому и православные традиции подчиненности церкви государству и ее строго иерархической организации. Место Бога в этой религии занял коммунизм - светлое будущее человечества. Роль церкви как института играла КПСС. Пророком был Маркс, вместе с Энгельсом, отцами церкви – Ленин и Сталин, святыми текстами - их произведения. Церковные службы осуществлялись в виде идеологических собраний, в том числе партсобраний. Марксистско-ленинская философия (диалектический и исторический материализм), политическая экономия и научный коммунизм представляли собой теологию этой религии⁴. Эта религия активно влияла на экономическую науку на Западе, в частности через западноевропейские коммунистические партии. После ослабления, а затем и распада СССР, марксистки ориентированная экономическая наука практически полностью исчезает в западноевропейских университетах [Pouch 2001].

По моему мнению западная экономическая наука проделывает в XX веке эволюцию обратную той, которую описал Конт. Она прошла от достаточно развитого позитивного направления начала века, к все большей абстрактной метафизической составляющей в экономической мысли в середине века, и к абсолютной доминанте теологического взгляда на нее в конце века. Институт западной экономической науки формально не находится под тотальным контролем государства. Оно оказывает на него некоторые регулирующие воздействия, в том числе финансового порядка. Такие воздействия правящий класс активно осуществляет и непосредственно через свои частные фонды. Этого сейчас оказывается вполне достаточно для ориентации экономической науки во вполне определенном направлении. Институт экономической науки, как он существует на Западе, очень эффективно воплощает метод авторитета, о котором выше говорилось в приведенной цитате из Пирса. В институте экономической науки этот метод проявляется в учебных планах и программах, методе подбора студентов, правил конкурсов на замещение вакантных должностей преподавателей-исследователей, системы публикаций статей в научных журналах, учебников и

³ Я полагаю, что изучение Сталиным с восьмилетнего возраста в течении 11 лет теологии, 6 лет в Горьком духовном училище и 5 лет в Тифлисской православной духовной семинарии, по которой у него в отличие от других предметов были отличные оценки, не прошло для будущего « отца народов » даром. К.В.Островитянов, сыгравший вторую после Сталина роль в становлении советской политэкономии безусловно также хорошо знал методологию теологии, окончив в возрасте 20 лет Тамбовскую духовную семинарию.

⁴ Процесс формирования этой теологии в части политической экономии социализма очень хорошо описан в [Касьян 2008, с 209 - 226].

научных монографий, организации научных конференций, семинаров и школ. И действует этот институт по поддержанию главенства определенной экономической науки-теологии в западных университетах ничуть не менее эффективно, чем в прошлом в СССР институт советской экономической науки, оставляя вне ее всех инакомыслящих и принуждая шагать в ногу под страхом вполне ощутимых кар всех, кто находится внутри него. Интересно отметить, что как представители академической экономической профессии⁵, так и представители академической теологической профессии⁶ на Западе все больше и больше осознают, что они по существу занимаются родственными вещами.

Сейчас традиционная, то есть христианская, теология вошла в российские высшие учебные заведения и Минобрнауки РФ утвердил соответствующий Государственный образовательный стандарт по направлению «Теология»⁷ предусматривающее подготовку специалистов со степенями бакалавра и магистра теологии. Университетская теология понимается как «особая (преимущественно рационально-логическая), форма *христианского учительства*, осуществляемая в рамках государственного образовательного учреждения» [Назаров 2004, с. 9]. Появление теологии в качестве «университетской науки» происходит в 12 веке. С этого времени постепенно «предмет теологии претерпел на почве западной культуры качественные изменения: из преимущественно систематизации и комментирования текстов Откровения (что было характерно для всего раннего Средневековья) теология превращается в дедуктивную науку, претендующую на *рациональное* обоснование веры» [Назаров 2004, с. 11]. К апологетической и догматической функциям теологии добавляется критическая и логическая. Следует подчеркнуть, что в теологической литературе, в том числе, в учебниках, теология рассматривается как наука⁸, как особая область знания [Назаров 2004, с. 15].

⁵ См. «Экономика как религия. От Самуэльсона до чикагской школы и дальше» Роберта Нельсона [Nelson 2001], «Путеводитель по экономической теологии» Данкана Фоли [Foley 2006].

⁶ См. «Свести вместе еще раз экономическую науку и теологию» [Mofid & Braybrooke 2005], «Конкурирующие евангелия. Публичная теология и экономическая теория» Роберт Саймонса [Simons 1995].

⁷ Ранее эта дисциплина в России называлась «богословием», что было не чем иным как прямым переводом слова «теология». Введение термина и названия дисциплины «теология» означает продолжение традиции введения в русский язык названий дисциплин, как например, «философия», «психология», «биология», в своем оригинальном, непереводе виде. Автор одного из первых российских университетских учебников по теологии поясняет, что «для обозначения соответствующего комплекса университетских дисциплин «теология» подходит лучше (чем «богословие») в силу его терминологического соответствия и созвучия традиционным университетским наукам» [Назаров 2004, с. 9]. По существу этот же предмет преподаваемый в семинариях по-прежнему называется богословием (см., например, [Августин (Архимандрит) 2004]).

⁸ В учебнике Архимандрита Августина метод этой науки определяется как «положительный»: «Положительные доказательства в пользу христианства – это такие, которые прямо и непосредственно проясняют и укрепляют нашу веру, которыми устраняются и подрываются возможные и высказываемые против нее возражения» [Августин (Архимандрит) 2004, с. 3,4]. Такое понимание «положительного» вряд ли может соответствовать положительному (позитивному) состоянию теоретических представлений, как его понимал Конт с его обязательной эмпирической составляющей, как центральной. В Вестминстерском словаре теологических терминов имеется статья «научный метод», характеризующая его следующим образом: «Научный метод (*scientific method*) - процедуры используемые в различных науках для получения выводов. Хотя определения различаются, этот метод относится к процессу систематического исследования и проверки результатов. Теологи могут следовать, а могут и не следовать образцу научного метода» [Мак-Ким 2004, с. 228]. Опять же здесь по понятным причинам об эмпирической составляющей ни слова.

Насколько современная западная экономическая наука близка теологии по своей методологии и по своему духу? Вот, как отвечает на этот вопрос профессор экономики Мэрилендского университета Роберт Нэлсон в начале своей книги посвященной его развернутому рассмотрению: «Экономисты думают о себе как об ученых, но я буду оспаривать в этой книге, что они скорее теологи. Самые близкие предшественники нынешних членов профессии академических экономистов не ученые такие как Альберт Эйнштейн или Исаак Ньютон, правильнее было бы сказать, что мы экономисты являемся в действительности наследниками Фомы Аквинского и Мартина Лютера.» [Nelson 2001, с. XV]. По его мнению члены сообщества академических экономистов выполняют традиционную роль священнослужителей. Он считает, что мощная религия, которую они проповедают, представляет собой светскую (мирскую) религию, или правильнее сказать некоторое множество светских религий развитых в теориях ведущих экономических школ современности. «Под видом формального экономического теоретизирования экономисты читают некоторые религиозные проповеди-откровения. Правильно понятые эти проповеди-откровения есть не что иное, как обещания истинного пути к спасению в мире – пути к новому царствию небесному на земле» [Nelson 2001, сс. XX-XXI]. Автор характеризует свою книгу, как теологическую интерпретацию содержания современной экономической мысли, рассматривая экономический способ мышления не только как технический способ понимания экономических явлений, но также, как это имеет место для многих экономистов, а также не только экономистов, как источник окончательного понимания мира [Nelson 2001, с. XXV]. Р. Нельсон специально под этим углом зрения исследует в своей книге Новую институциональную экономическую теорию. Из пяти частей книги одна (четвертая) названная «Религия и новая институциональная экономическая теория» полностью посвящена этому. Вот один из выводов, который делает автор из своего анализа: «Экономисты не много бы потеряли вернувшись в своих методах исследования к подходам старых исторической и институциональной школ. Они могут подумать, что в этом случае они потеряли бы свои научные достоинства, но было бы правильнее сказать, что они покинули бы свое научное лицемерие.» [Nelson 2001, с. 229].

Если поставить задачу кратко охарактеризовать светскую религию, которой служит современная западная экономическая наука, то это можно было бы сделать наверное следующим образом. Богом в этой религии безусловно выступает Рынок. В соответствии с ней Рынок с одной стороны обеспечивает наивысшее материальное благосостояние общества, а с другой стороны служит гарантом свободы и демократии. Законы⁹ рынка представляют собой слово Божье и игнорирование их людьми неизбежно приводит к Его гневу с соответствующими негативными для них последствиями (карой Божьей). Гэри Беккер пытается убедить нас, что Бог-рынок присутствует и управляет во всех сферах нашей жизни включая политику и семью [Беккер 2003]. Верующие в этого Бога видят деятельность не только предпринимателей как максимизаторов своих доходов, но также и ученых, писателей, художников и других представителей творческих профессий. Что касается наемных работников, то их

⁹ Метафора «закон», взятое из юридической и религиозной практики, активно, и до недавнего времени достаточно успешно, использовалась в естествознании. Природа рассматривалась или как монарх или как Бог, которые диктуют свои законы. Метафора была плодотворна до тех пор пока системы изучаемые науками о природе были достаточно простыми. Использование этой метафоры в общественных науках, в том числе и в экономической, с самого начала плодотворным не было. Ее использование уводило исследователей от реальности, ложно ориентируя их внимание. Бессознательно или осознанно, но и Адам Смит и Иосиф Сталин апеллировали к понятию экономических законов независимых от воли людей не только по причине следования естественнонаучной традиции, но также и прежде всего с целью убедить читателя в естественности и неизбежности проповедуемого ими общественного порядка.

поведение объясняется как совокупность операций обмена и потребительского выбора максимизирующего их функции полезности. Наконец, Бог-рынок не терпит вмешательства государства, по крайней мере, в неоспоримую область своей компетенции, экономическую сферу, и оставляет ему роль ночного сторожа. Эта религия следует протестантской традиции, в соответствии с которой спасение достигается без помощи церкви и ее служителей, в тоже время эта религия, в отличии от коммунистической, не является атеистической и терпимо относится к членству своих адептов в религиозных сообществах. Более того протестантизм является по существу хорошим дополнением рыночной религии, что является одной из причин необыкновенного успеха евангелизма в современном мире.

Пророком рыночной религии безусловно является Адам Смит. Это его «экономический человек» (*homo economicus*) и «невидимая рука» (*invisible hand*) стали одними из основных понятий рыночной теологии. Однако «Богатство народов», как известно, не единственное произведение пророка. За 17 лет до публикации своего главного произведения в свет выходит его книга под названием «Теория нравственных чувств» [Смит 1997]. Со времен Шумпетера абсолютно разное видение человека в этих двух произведениях Смита получило название проблемы Адама Смита («*das Adam-Smith-Problem*»). В его раннем произведении человек наделен моралью, если он и стремится к богатству, то не столько для повышения своего благосостояния, сколько для того, чтобы быть признанным другими членами общества, что совсем не похоже на экономического человека «Богатства народов». Задолго до Шумпетера французский мыслитель конца XIX - начала XX веков, Габриэль Тард, в своей книге «Экономическая психология» формулирует проблему Адама Смита следующим образом: «Удивительно то, какую малую роль играет психология в экономических писаниях Смита, и полное отсутствие в них коллективной психологии. Однако это он, Смит, кто первым изучал *симпатию*, как источник и основу межумственной психологии. Как случилось так, что он не почувствовал ни необходимости, ни возможности использования своих тонких замечаний, которые он делал относительно взаимного стимулирования чувствительности одних другими для объяснения экономических отношений людей?» [Tarde 1902, V.1, p.135]. В этой же работе он предлагает такое теологическое решение проблемы Адама Смита: «Можно понять, что человек так расположенный видеть божественного художника за картиной человеческих событий и божественную мудрость за любым человеческим безумием, мог без всякой горечи смотреть на эгоизм, любовь самого себя, как наделенных священной функцией создавать и укреплять социальную гармонию. Так, когда он (Смит) основывал всю политическую экономию на этом принципе и когда он сводил *экономического человека* к интересу абстрагируясь от всяких чувств привязанности и самоотверженности, для него это было не результат эпикурейской и материалистической концепции, а наоборот было естественным следствием его набожности и его веры в Бога. За человеком эгоистом стоял благодетельный Бог и апология эгоизма первого была по правде говоря не чем иным, как гимном в прозе бесконечной доброте второго» [Tarde 1902, V.1, p. 137]¹⁰. Это и стояло за концепцией невидимой руки Смита, а его последователи негласно заменили предполагаемого просто Бога Богом-рынком.

Конечно работая над книгой «Богатство народов» Смит не ставил себе задачу создания новой религии, его труд следуя классификации Конта был **метафизическим или абстрактным**, а метод, который он использовал, по классификации Пирса, является **априорным**. Наиболее последовательно философское развитие и обоснование

¹⁰ Цитируется по [Latour et Lépinay 2008, pp.113, 114].

абстрактно-априорный подход к науке получил в доктрине Рене Декарта. Пирс понимал исторический контекст появления картезианства : « Когда Декарт приступил к преобразованию философии, самым первым шагом было теоретическое допущение скептицизма и отказ от практиковавшейся схоластами опоры на авторитет как на истину в последней инстанции. Затем он занялся поиском более естественного источника истинных принципов и счел, что нашел его в человеческом уме ; таким образом, он напрямую перешел от метода авторитета к априорному методу » [Пирс 2000а, с. 267]. Сейчас этот абстрактно-априорный подход господствует в экономической науке, но так было не всегда. За девять лет до появления « Богатства народов » Адама Смита, другой шотландец, Джеймс Стюарт, опубликовал книгу «Принципы исследования политической экономии» [Steuart 1767], которая « базировалась на концепции научного знания, в которой теоретическое начало было сознательно подчинено началу практическому < ... > Стюарт не претендовал на открытие универсальных экономических законов, для него важнее было, чтобы степень определенности знания соответствовала природе изучаемого предмета » [Ананьин, 2006, с. 358 – 361]¹¹. Другой современник Смита французско-итальянский ученый Фердинандо Галиани « всю свою жизнь питал нелюбовь к картезианскому рационализму – попытке выводить вечные истины, верные для всех эпох и всех мест, исключительно из силы разума и нескольких априорных постулатов. Вместо этого он делал упор на эволюционном развитии общества из которого могут быть выведены только исторически относительные истины » [Blaug 1986, p. 82]. В своей книге « Диалоги о хлебной торговле » [Galiani 1984], опубликованной в 1770 году, он « критикует физиократическую веру в свободную торговлю хлебом не столько вообще, сколько исторически, как политику, которая была неблагоприятной во Франции его времени » [Blaug 1986, p. 83].

В этом же ключе в XIX - начале XX веков проводили свои исследования представители исторической, а затем и институциональной школ. Во времена Адама Смита капитализм только возникал, буржуазия нуждалась в идеологии, которая бы направляла и представляла легитимной ее деятельность. Наукообразному представлению такой идеологии на основе априорно-абстрактного подхода и способствовал Адам Смит¹². XIX век был веком бурного развития капитализма сначала в Англии, а затем и в других странах Западной Европы. Вместе с буржуазией появляется и рабочий класс, положение которого было очень тяжелым. Морально и социально ответственные ученые-экономисты в Англии, Франции и особенно в Германии не могли относиться к этому безучастно. Маркс, пришедший в экономическую науку из журналистики и политики, используя в основном тот же априорно-абстрактный подход, что и Смит, развивает идеологию противоположную капиталистическо-либеральной. Во второй половине XIX – начале XX веков это не могло удовлетворить экономистов тяготеющих к реальному, положительную изучению функционирования и эволюции институтов, в частности института частной

¹¹ Смит нанес Стюарту смертельный удар игнорируя его и, как стало известно из частной переписки, Смит нарочито не ссылаясь на его труд, даже в том случае, когда его аргументы напрямую сталкивались с аргументами Стюарта [Blaug 1986, p. 241]. Заметим, что в настоящее время это излюбленный прием борьбы в научных сообществах экономистов с инакомыслящими.

¹² Смит « лично внес вклад в историю экономической науки и в доминирующее мировоззрение западного мира как выразитель идей свободной торговли, свободы предпринимательства, свободного движения людей и товаров, короче как выразитель идеологии *laissez-faire* и ничем неограниченного рынка. Некоторые могут сказать, что это совсем не то, что входило в его намерения. Без сомнения это не отражает полностью его намерения, однако также без сомнения, что это была важная часть его сложной проповеди. Назвать его рупором промышленной буржуазии было бы преуменьшить его, однако это было бы по отношению к нему не слишком несправедливо » [Blaug 1986, p. 235] .

собственности, прежде чем предложить пути их реформирования, а тем более низвержения. В Германии таким экономистом был Густав Шмоллер, в Англии Уильям Каннингем, во Франции Франсуа Симиан, а в США Ричард Эли и Джон Коммонс. Все они резко выступали против априорно-абстрактного подхода в экономической науке, а Шмоллер и Коммонс активно участвовали в разработке социально-экономических реформ¹³.

Максимум на что способен априорно-абстрактный подход в общественных науках это отражение определенных идеологий. Ориентированная на этот подход современная западная экономическая наука, опирается не столько на научный, как она утверждает, метод, а на метод риторики¹⁴ [McCloskey 1985, 1994]. Вопрос связи экономической науки с идеологиями обсуждается уже давно. Йозеф Шумпетер в своей «Истории экономического анализа» посвятил этому вопросу первый параграф в главе 4 (Социология экономической науки), который так и не был закончен, как и вся глава¹⁵. Во многих современных учебниках истории экономической мысли эта связь отрицается или замалчивается. Однако это не всегда было так. Известный французский учебник¹⁶ середины XX века Шарля Жида и Шарля Риста «История экономических доктрин» структурирован по идеологическому принципу. Еще более четко этот принцип выступает в другом популярном французском учебнике истории экономической мысли Анри Дэни впервые появившейся в 1966 году, а второе издание которого вышло в 2008 году [Denis 2008]. Как правило идеология не только дает определенное видение социальной реальности, но и связана с определенным социальным (социально-политико-экономическим) проектом.

Для экономистов, и не только для экономистов, очень характерно рассмотрение экономической науки не как деятельности направленной на изучение и понимание действительности, а как деятельность направленную на производство и обсуждение социально-экономических проектов¹⁷. Такой проект главенствующих сейчас в западных школах экономической науки – это усиленный в пользу собственников капиталов либеральный проект¹⁸ «Богатства народов». Этот проект вызывает

¹³ Обо всех вышеназванных экономистах, кроме Франсуа Симиана (*François Simiand*) (1873 – 1935), речь пойдет ниже. К сожалению этот оригинальный французский экономист-социолог начала XX века остался изолированным у себя в стране и малоизвестным вне ее. Ближайший сотрудник Эмиля Дюргейма, ответственный за экономическую социологию, (*Série D*), в его *Annales sociologiques* («Социологический ежегодник»), он проводил исследования в области заработной платы и денег. В своей достаточно объемной работе «Позитивный метод в экономической науке» [Simiand 2006, p. 31 – 144] он подвергает резкой критике «абстрактный метод» и практически отождествляет его с «идеологическим методом» (p. 61 - 63). Математическую экономику он характеризует как «идеологическую конструкцию» (p. 103 - 113). В последние годы во франкоязычном мире интерес к его творчеству несколько активизировался (см. [Gillard et Rosier 1996] и [Frobert 2000]). Некоторые его труды можно найти на на сайте <http://classiques.uqac.ca>).

¹⁴ Как известно риторика может быть и «черной» [Бредемайер 2005, 2006].

¹⁵ Второй и третий параграфы в плане этой незаконченной главы его книги «История экономического анализа» были названы им соответственно «Мотивы научных устремлений и механизмы развития науки» и «Научные кадры вообще и кадры экономической науки в частности». Со времен Шумпетера эти вопросы были затронуты в ряде исследований, на которые я отчасти буду опираться в разделе 4 данной статьи.

¹⁶ Последнее русское издание этой книги [Жид и Рист 1995], соответствовало 3-ему русскому изданию 1918 года. Во Франции в 2000 году было еще раз опубликовано шестое французское издание книги 1944 года.

¹⁷ В этом случае экономическая наука рассматривается по существу как ответвление социальной или политической философии.

¹⁸ Примерами произведений написанных лауреатами Нобелевской премии по экономике посвященных целиком популярному в последние десятилетия социально-экономическому проекту, который сейчас часто называют рыночным фундаментализмом, являются книги «Дорога к рабству» [Хайек 2005] и «Капитализм и свобода» [Фридман 2006].

протесты не только со стороны левых политических сил, но и определенной части обществоведов. Интересно, что их требования произвести реформу экономической науки часто превращаются в требование смены социально-экономического проекта, так как научная теория, а наука мыслится только как теория, отождествляется с неким социально-экономическим проектом. Относительная легкость *перехода от марксистской политической экономии к неоклассической экономической теории* в университетах России и Франции¹⁹ отчасти объясняется тем, что общества, а вместе с ними и академические сообщества, *разочаровались в одном социально-экономическом проекте и приняли другой проект*. Социальные проекты нужны, их нужно разрабатывать. Также как отдельный человек не может полноценно жить без мечты относительно его личной жизни, общество и его отдельные части (группы, классы) не могут полноценно существовать без социальной мечты выражающейся в социально-экономическом проекте. Также как в университете могут найти свое место теологии различных конфессий, в нем уместно иметь подразделения (например, кафедры) занимающиеся различными социально-экономическими проектами (либеральным, коммунистическим, православным и т.д.). Но путать социально-экономический проект с наукой очень опасно, так как это неизбежно ведет к *вымышленным мирам*²⁰, *смешению мечты и реальности*. Еще раз подчеркнем, что экономическая наука может и должна *поставлять информацию* для разработки различных социальных проектов, *но не заниматься их разработкой сама, в противном случае она перестает быть наукой*. Именно поэтому Густав Шмоллер вступая в 1897 году в должность ректора Берлинского университета в своем программном докладе посвященном экономической науке утверждал, что экономистам ориентированным на экономический либерализм или марксизм место не в университетах, а в политических партиях, дирекциях политических изданий, профсоюзах и союзах предпринимателей. По его мнению они не могут быть полезными профессорами и занимать кафедры [Schmoller 1998, s. 205]²¹.

Выше я попытался показать, что претензии экономистов на то, чтобы называться учеными в естественнонаучном смысле не очень-то оправданы. Ниже в раздел 4т 5 данной работы я попытаюсь показать, что институт экономической науки сам по себе, как он сформировался на протяжении примерно 150 лет, не способен вывести ее из теологической и абстрактной стадии/состояния и направить ее на применение научного, то есть прежде всего опытно-экспериментального метода. Едва возникнув одновременно с абстрактной классической политической экономией, действительно научное направление в экономической науке было довольно быстро

¹⁹ См. [Pouch 2001].

²⁰ Именно так, *les mondes imaginaires (imaginary worlds)*, назвали французские студенты миры, в которые их погружают курсы микро-макро экономики. Они требовали выхода (*sortons, to escape*) из этих миров и приближения экономического образования к реальности. Их открытое письмо было опубликовано 17 июня 2000 г. в газете *Le Monde*. Студенты обвиняли стандартную экономикс в аутизме, а как известно в общепринятой клинической психиатрической терминологии термин «аутизм» отражает утрату связи с реальностью. С содержанием протестного движения французских студентов и дискуссией, которую оно вызвало можно познакомиться в [Fullbrook 2003, 2004, 2007].

²¹ В этом докладе Густав Шмоллер в качестве экономистов прошлого положивших начало научному подходу в политической экономии называет уже упоминавшихся выше в этой статье Фердинандо Галиани и Джеймса Стюарта [Schmoller, 1998, s. 198]. В этом же докладе он так противопоставлял развиваемую его школой политическую экономию как либеральной, так и марксистской: « Политическая экономия (*Volkswirtschaftslehre*) сегодня пришла к исторической и этической концепции государства и общества, которая противостоит рационализму и материализму. От чистой экономики рынка и обмена, своего рода экономики бизнеса, которая угрожала стать орудием класса собственников, она снова стала великой моральной и политической наукой, которая, кроме производства благ, изучает их распределение, кроме явлений связанных со стоимостью, изучает экономические институты, и которая ставит в центр (сердце) науки, не мир благ и капитала, а снова человека » [Schmoller, 1998, s. 202, 203].

подавлено. **Научная стадия/состояние** с применением **научного метода** в экономической науке возникла вновь в конце XIX - начале XX веков в связи необходимостью решения в этот период серьезных внутренних проблем капитализма и экономисты этого направления были в это время достаточно влиятельными в Германии и США. Но уже в довоенное время, а особенно после Второй мировой войны на Западе произошел возврат к абстрактно-метафизическому состоянию экономической науки, а затем, начиная с 70-х годов XX века, усилилось ее превращение в разновидность светской (мирской) теологии. Однако экономисты практически поголовно уверены, что они занимаются наукой, причем, в отличии от большинства профессиональных теологов, они не сомневаются, что их деятельность очень близка к тому, чем занимаются ученые естественники.

Что такое наука ? На этот вопрос пытаются ответить по крайней три дисциплины : философия науки, история науки и социология науки. Члены сообществ академических экономистов не очень то интересуются первыми двумя из них и, как правило, совсем незнакомы с третьей. Мне представляется, что большинство из них даже особенно и не задумывается об этом. Им вполне достаточно иметь образцы некоторых теоретических построений, образцы, которые внутри сообщества, а вслед за ним и вне его широкой непрофессиональной публикой, называются научными и высоко оцениваются вплоть до присвоения Нобелевских премий по экономике. А в общем виде члены сообщества разделяют понятие научности очень близкое тому, как его понимают теологи (см. сноску 8), с той лишь разницей, что часть экономистов настаивает на количественном характере этой науки²². Именно этому « бытовому » пониманию научности и следует абсолютное большинство академических экономистов в своей научной деятельности.

Я подозреваю, что обычно члены сообществ академических экономистов всерьез не очень то задаются и вопросом о социальной полезности своей деятельности, однако бывают и исключения. С этой точки зрения представляет большой интерес статья-исповедь израильско-американского профессора экономики Ариэля Рубинштейна, перевод которой на русский язык был недавно опубликован в журнале « Вопросы экономики ». Сразу стоит заметить, что автор не является каким-то протестующим маргиналом, это очень уважаемый международным сообществом экономистов ученый, автор нескольких учебников и монографий, бывший президент Эконометрического общества. Да и статья, о которой идет речь, есть не что иное, как переработанная версия его президентского доклада 2004 года этому обществу. В этой статье он задает вопрос : « Ради чего работают экономисты-теоретики ? ». И сам же на него отвечает : « По сути дела, мы играем в игрушки, которые называются моделями. Мы можем позволить себе такую роскошь – оставаться детьми на протяжении всей нашей профессиональной жизни и даже неплохо зарабатывать при этом. Мы назвали себя экономистами, и публика наивно полагает, что мы повышаем эффективность экономики, способствуем более высоким темпам экономического роста или предотвращаем экономические катастрофы. Разумеется, можно оправдать такой имидж, воспроизводя некоторые из громко звучащих лозунгов, которые повторяются из раза в раз в наших грантовых заявках, но верим ли мы в эти лозунги ? » [Рубинштейн 2008, с. 62]. Откровенность автора действительно не знает границ и статья-исповедь полна всевозможных саморазоблачений : « Я считаю, что, как экономисту-теоретику, мне почти нечего сказать о реальном мире и что лишь очень немногие модели в экономической теории могут использоваться для серьезных консультаций <...> Как экономисты-теоретики, мы организуем наше мышление с помощью того, что мы называем моделями. Слово « модель » звучит научнее, чем

²² Один из лидеров Новой институциональной экономической теории прямо пишет в своей методологической статье, что основной целью (central goal) науки является измерение [Ménard 2001].

« басня » или « сказка », хотя большой разницы между ними я не вижу <...> Да, я действительно полагаю, что мы просто баснописцы, но разве это не чудесно ? » [Рубинштейн 2008, сс. 79, 80]. Рубинштейн говорит примерно тоже самое, что более 30 лет тому назад говорил Василий Леонтьев в своем президентском докладе Американской экономической ассоциации. Он характеризовал эту « модельно-басенную » ситуацию в экономической науке того времени, как « скандальную » и « бесчестную » [Леонтьев 1972, сс. 102, 103]. Единственная разница состоит в том, что в начале 70-х годов Леонтьев считал эту ситуацию ненормальной и призывал ее изменить, а Рубинштейн, через 30 лет, принадлежа уже другому поколению академических экономистов отобранных и воспитанных в соответствии с этой модельно-басенной парадигмой, судя по всему считает эту ситуацию вполне приемлемой. Вряд ли можно себе представить, чтобы такие физики-теоретики как Вернер Гейзенберг, Нильс Бор или Альберт Эйнштейн вдруг объявили, что им « почти нечего сказать о реальном мире »²³.

В рассматриваемой статье-исповеди можно найти и другие важные мысли-признания. Экономисты-теоретики, в том числе и многие из тех, кто сейчас причисляет себя к институционалистам, видят как одно из весомых оправданий своей деятельности, необходимость для эмпирического изучения действительности некоторых заранее (априори) разработанных моделей и теорий. Вот, что пишет Рубинштейн по этому поводу : « Неужели для того, чтобы отыскивать эмпирические взаимосвязи или тенденции, нам действительно так уж нужна экономическая теория ? Не лучше ли было бы двигаться в противоположном направлении, наблюдая реальный мир, пользуясь эмпирическими и экспериментальными данными, чтобы отыскать неожиданные взаимосвязи ? Лично я сомневаюсь, что для их отыскания нам нужны заранее разработанные теории » [Рубинштейн 2008, с. 71]. Далее автор, являющийся преподавателем микроэкономики, фактически признает идеолого-теологический характер современной экономической науки : « Я часть « машины », которая, как я подозреваю, влияет на студентов и вырабатывает в них такой образ мыслей, который мне самому не очень-то и нравится » (с. 75) И несмотря на то, что исповедующемуся экономисту-теоретику « почти нечего сказать о реальном мире » (с. 79) , он признает, что его « экономическая теория обладает реальным воздействием » (с. 79) : « Я не могу игнорировать тот факт, что наша работа в качестве преподавателей и исследователей влияет на умы студентов, причем так, что мне это, повторю, не очень нравится » (с. 79). По-видимому, сам факт появления этой исповеди связан именно с тем, что преподаваемая профессором Рубинштейном в качестве « теолога » « религия » ему не очень нравится. Судя по всему у большей части сообщества академических экономистов этой проблемы не возникает.

Итак современная экономическая наука крепко засела на абстрактно-метафизической или даже теологической стадиях теоретизирования. Примером современного стандартного дискурса среди экономистов относительно того, что есть наука может служить ответ группы профессоров экономики французских университетов на протест студентов-экономистов против учебных планов и программ, которые погружают их в « вымышленные миры » и призыв выйти из этих миров. Вот отрывок из ответа профессоров студентам опубликованного 31 октября 2000 г. в газете *Le Monde* : « Этот призыв обладает заслугой поднять подлинную проблему, а именно проблему научного подхода в экономике. Однако он рассматривает ее упрощенно, оспаривая использование (инструментальное) математики и сводится к предвзятым атакам против центральных элементов нашей дисциплины, а именно против так

²³ Мы обсудим в 4 и 5 разделах данной работы вопрос почему эта « скандальная » и « бесчестная » « модельно-басенная » ситуация в экономической науке сохраняется и даже усугубляется.

называемых « неоклассических » теорий. Такая постановка вопроса нам кажется спорной, по крайней мере в той мере, в которой она способствует снятию с экономики ее научного характера. Нам кажется действительно важным, чтобы экономика сохраняет метод соответствующий традиционному научному подходу, который может быть описан в виде последовательности следующих трех этапов рассуждений :

- ▶ идентификация и точное определение понятий и свойств, которые характеризуют экономическую деятельность (потребление, производство, капиталовложения...) и формулирование базовых гипотез относительно этих свойств;
- ▶ формулирование теорий, которые представляют собой формализацию функциональных связей между предварительно идентифицированными элементами ;
- ▶ проверка (верификация) этих теорий путем эксперимента. Если не доказано обратное, в экономике такой эксперимент *не может быть построен никак иначе* (выделено мною. В.Е.), как путем сопоставления с количественно выраженной историей на основе статистики и эконометрики »²⁴.

По существу тот же самый дискурс ведут и сторонники Новой институциональной экономической теории (см., например, [Ménard 2001] и [Шаститко 2003, с. 35]). Третий выше отмеченный этап в реальных исследованиях экономистами очень часто опускается. В сообществах экономистов эмпирические исследования не в почете и практикуются редко. Новая институциональная экономическая теория не является исключением : « В нашей области налицо недостаток эмпирической работы < ... > Когда Ли Элстон, Трайн Эггерстон и я работали над книгой, в которой хотели собрать эмпирические исследования в рамках новой институциональной экономики, у нас были большие трудности найти достаточное число таких исследований. И все потому, что их просто было мало сделано. » [North 2000, pp. 8, 9].

В соответствии с вышеприведенным пониманием научного подхода, экономическая наука может считаться наукой только в том случае, если она разрабатывает систему понятий, которые представляются в количественном виде в качестве переменных и параметров математических моделей. Для тех членов сообщества экономистов, которые не используют математические и статистические методы, понимание научного подхода сводится в значительной степени также к дедуктивной манипуляции абстрактными понятиями, но осуществляемой в соответствии с определенными правилами. В качестве примера попытки оправдания метафизически-абстрактного состояния экономической науки в ее неортодоксальном варианте приведем методологическую концепцию Жака Сапира, которую он называет процессуальным [Сапир 2001, с. 21] или методологическим реализмом [Sapir 2005, с. 11]. Прежде всего Сапир уверен, что « если для экономиста научным является только то утверждение, которое можно проверить, то ему редко когда удастся высказать какое-либо научное утверждение » [2001, с. 19]. Мой собственный исследовательский

²⁴ Эта трехшаговая схема есть не что иное как картезиански искаженный вариант экспериментально-математического метода впервые предложенного Ньютоном в связи с его классической механикой :

- 1) Упрощение явлений экспериментами таким образом, чтобы их характеристики менялись количественно и чтобы эти изменения можно было четко определить и измерить ;
- 2) Выработка математических предложений, обычно с помощью специального исчисления, которые выражали бы математически найденные связи ;
- 3) Проведение дополнительных экспериментов чтобы (а) проверить применимость этих выводов (дедукций) для новых областей и сведение их к наиболее общей форме, (б) в случае более сложных явлений выявить присутствие и определить значение дополнительных причин, и наконец, (в) если природа таких дополнительных причин остается неясной, расширение используемого математического аппарата с тем, чтобы трактовать их более эффективно [Burt 2003, p. 221, 222].

В отличие от Ньютона, у которого эксперименты присутствуют и на первом и на третьем шаге, в схеме французских профессоров, они имеют место только на третьем шаге. Отсюда радикальное отличие этих двух подходов.

опыт говорит не в пользу этой уверенности. Мои «утверждения» относительно институциональных процессов в российском селе [Yefimov 2003] основанные на многолетних «полевых» исследованиях в значительной степени подтверждаются исследованиями Татьяны Нефедовой ([Нефедова 2003], [Нефедова и Пэллот 2006]). В своем понимании реализма Сапир апеллирует не к экспериментальному контакту с реальностью, а к правилам исследовательской процедуры. Именно следование определенной исследовательской процедуре по его мнению может обеспечить научность деятельности академических экономистов²⁵. Исследуя в течении многих лет «полевые исследования» деятельности ученых Кнор Цетина показала, что в реальной исследовательской практике процедуры могут существенно варьироваться, например в физике высоких энергий и молекулярной биологии, образуя разные «эпистемические культуры», а научность связана именно с проверяемостью результатов исследования, которые оперативно осуществляются членами исследовательского сообщества работающих над теми же или сходными проблемами в разных научных учреждениях, расположенных нередко в разных концах мира [Knorr Cetina 1999]. Вместо подтверждения основанного на опыте, Сапир вводит три обязательных правила, которые в своей совокупности он и называет методологическим реализмом [Sapir 2005, с. 12, 13]. Первое правило состоит в необходимости разделения двух типов идеализации: игровой (*ludique*) и аналитической. Автор правила допускает использование идеализаций аналогичных тем, которые предлагаются в математизированной неоклассике, однако только для выявления необоснованности чего-то. Тем самым он открывает для себя возможность положительного участия в модельно-басенном дискурсе, что и составляет основное содержание его книги 2005 года. Что касается аналитической идеализации, то она «основывается на построении идеальных типов покоящихся на предварительно собранной информации (*des enquêtes réalisables*), представляющей собой все (*la totalité*) существующие в данный момент знания». «Второе правило относится к правильному выбору первичных предположений, которые представляют собой знания о свойствах и ограничениях накладываемых внешней средой. Эти знания могут быть признаны действительными на основе сбора информации, проверки источников, в некоторых случаях путем экспериментирования при стандартизированных протоколах.» Третье правило диктует необходимость избегать ввода в ход рассуждений какие-либо вторичные предположения, которые бы противоречили ранее введенным и тем самым обеспечивает связность используемых предположений. Третье правило относится как к игровым, так и к аналитическим идеализациям. Эти три правила «определяют методологию в широком смысле, а именно методологию общих правил проверки/верификации. «Нарушение хотя бы одного из этих правил делает рассуждение не поддающимся проверке.»

Таким образом проверке на базе подвергаются по методологии Жака Сапира только предположения, но никак не результаты/выводы исследования. Это вполне согласуется с рассмотрением экономической науки как поставщика или рамок обсуждения социально-экономических проектов. Автор декларирует существенное отличие предлагаемой им исследовательской процедуры от ортодоксальной процедуры приведенной в конце предыдущего раздела статьи, однако на мой взгляд они достаточно близки, так как не включают как центральный элемент проверяемости того, что исследователь утверждает относительно объекта исследования. Более того, Сапир по существу выступает против непосредственного контакта исследователя с акторами. Он считает, что представления (*les représentations*) не могут считаться реальностью. По

²⁵ Такое понимание научности роднит Сапира с теологами (см. сноску 8).

его мнению «определение (la délimitation) объекта не может вытекать из непосредственного опыта актора и никакая теория не может быть «выведена» из практического опыта» [Sapir 2005, с. 10]. Конечно Сапир прав, когда пишет, что «всякое человеческое свидетельство является частичным», но именно на базе этих свидетельств, сопоставляя и анализируя их с другой, в том числе количественной, имеющейся у нас информацией только и можно понять явления реальной жизни. Причем знание представлений (les représentations) акторов играют важнейшую роль в таком понимании, так как «идеи имеют значение» (*ideas matter*)²⁶. Ниже в этом следующих разделах обсуждая институционализм, мы вернемся к этому утверждению. В целом методология Сапира созвучна с мнением Маркса, что «при анализе экономических форм невозможно пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами: то и другое должна заменить сила абстракции». Я думаю, что Жак Сапир сформулировал методологию, которой в настоящее время, в явной или неявной форме, пользуется значительная часть экономистов не использующих математику.

В современных условиях полного господства мейнстрима, представители различных неортодоксальных направлений объединяются под лозунгом требования *плюрализма* в экономических исследованиях и преподавании²⁷. Ясно, что плюрализм автоматически не превратит экономическую науку в действительную науку, если составные части этой плюралистической науки находятся в метафизически-абстрактном или/и теологическом состояниях. Плюрализм нужен и может быть очень полезен для понимания действительности, если составные части этого плюрализма действительно ориентированы на это понимание, что сейчас не имеет места. Поэтому я считаю, что в настоящее время этот лозунг может принести больше вреда, чем пользы, дезориентируя потенциальных сторонников перемен в экономической науке. Это в полной мере относится и к институционализму. Первое, что нужно сделать, чтобы ситуация поменялась, это поменять дискурс относительно того, что такое наука вообще, в том числе естествознание, и что может называться экономической наукой.

2. Как сделать экономическую науку научной ?

Желание академических экономистов сохранить за своей деятельностью статус науки вполне понятен. Вопрос состоит в том, что нужно для того, чтобы этот статус соответствовал действительности. То, что естествознание с его огромными достижениями должно рассматриваться для экономической науки, если не как детальная модель, то, по крайней мере, как некий общий образец, также достаточно

²⁶ Американский психолог Джером Брунер, стоящий у истоков когнитивной науки, выступает против игнорирования исследователями того, что люди говорят относительно того, что они делают, и вообще того, что люди говорят, так как то, что они говорят вызывает то, что они на самом деле делают (*caused them to do what they did*). « Это касается также того, что люди говорят относительно того, что делают другие и почему они так делают. » [Bruner 1990, р. 16]. Отсюда следует какую же реальность нужно изучать : « В большинстве человеческих взаимодействий «реальности» являются результатами продолжительных и замысловатых процессов построения (смыслов) и достижения договоренностей (относительно смыслов), процессов глубоко врезанных в нашу культуру » [Bruner 1990, р. 24].

²⁷ К сожалению многообещающее движение французских студентов возникшее в 2000 году против аутизма в экономической науке выродилось в настоящее время исключительно в требование плюрализма [Foolbrook 2008]. Об этом свидетельствует содержание электронного журнала рожденного движением помещаемого на сайте www.paecon.net, а также моя продолжительная беседа осенью 2008 года с одним из лидеров движения Жилем Раво. Я был удивлен тому, что один из авторов лозунга-требования выхода из вымышленных миров был убежденным сторонником экономической науки как совокупности социально-экономических проектов. Как я отмечал выше это приводит к смешению мечты и реальности с неизбежным при этом исчезновением экономической науки как науки, образцом для которой могло бы служить современное естествознание.

очевидно. Только для того, чтобы этому образцу следовать, нужно понять, что же на самом деле обеспечило успех этого образца. Можно попытаться найти ответ на этот вопрос в истории естествознания, в частности физики. Обязательной составляющей ответа, который нам дает история, это непрерывный контакт исследователей либо непосредственно с изучаемым объектом, например, во времена Галилея, наблюдение в телескоп за планетами, либо использование данных собранных другими исследователями об этих объектах, например, информацию о траекториях этих планет. Позже при Ньютоне пассивное наблюдение было заменено экспериментом. Даже физики-теоретики, которые сами экспериментов не проводили, не могли проводить свои исследования без постоянной подпитки информацией о проводимых экспериментах. Эта экспериментальная черта естественнонаучных исследований подтверждается еще в большей мере социологией науки, которая изучает современное естествознание, например физику высоких температур [Trawek 1988], молекулярную биологию [Knorr Cetina 1999] или нейроэндокринологию [Latour and Woolgar 1979], как человеческую деятельность. Вообще двум известным современным исследователям естествознания Карин Кнор Цетиной [Knorr Cetina 1991] и Брюно Лятуру [Латур 2006а] есть, что сказать обществоведам и экономистам относительно того, что из себя представляет на практике естественнонаучное исследование и каким должно быть исследование в области общественных наук.

Вот совершенно великолепный отрывок из статьи Лятура посвященной целиком этим вопросам: «Контроль над объектами, беспристрастность, солидарность и нейтральность не являются обязательными признаками лабораторного уклада. Но не потому, что ученые и инженеры предвзяты, пристрастны, тенденциозны, эгоистичны, корыстны (хотя и это – часть процесса), а потому что объективность, с которой ученые и инженеры имеют дело, – совершенно иной природы. «Объективность» означает не особое качество сознания, не его внутреннюю правильность и чистоту, но присутствие объектов, когда они «способны» (“able”, слово этимологически очень сильное) *возражать (to object)* тому, что о них сказано <...> Лабораторный эксперимент создает для объектов редчайшие, ценные, локальные и искусственные условия, где они могут предстать в своем собственном праве перед утверждениями ученых <...> Разумеется, речь не идет о полном противопоставлении субъективного и объективного. Напротив, именно в лаборатории (в широком смысле), благодаря, а не вопреки, искусственности и ограниченности экспериментальной ситуации достигается величайшая степень близости между словами и вещами. Да, вещи можно сделать достойными языка. Но эти ситуации так нелегко найти, они – так необычны, если не сказать чудесны, что разработка нового протокола, изобретение нового инструмента, обнаружение нужной позиции, пробы, приема, эксперимента часто заслуживают Нобелевской премии. Нет ничего более трудного, чем отыскать способ, позволяющий объектам достойно противостоять нашим высказываниям о них. Парадокс состоит в том, что стремясь копировать естественные науки, сторонники количественного обществоведения упустили из виду именно эти свойства объектов, которые могли бы сделать их дисциплину по-настоящему объективной.» [Латур 2006а, сс. 351 - 352]. В обществознании вообще и в экономической науке в частности качественные методы исследования, такие как активные беседы-интервью, включенные наблюдения, исследование действием, позволяют исследователям достигать этой «близости» между объектом исследования и их высказываниями о нем, когда первые получают возможность реагировать, «противостоять» вторым. Именно *возможность получать реакции объекта на наши представления о нем*, сравнить первые со вторыми и исходя из этого скорректировать вторые, и является *отличительной чертой научного*

исследования, а не следование какому-то определенному методу²⁸ или процедуре. Вот ответ Лятура на вопрос о том, как общественным наукам, в том числе экономике, стать действительно наукой : « Если обществоведы хотят стать объективными, они должны найти такую редчайшую, ценную, локальную, чудесную ситуацию, в которой сумеют сделать предмет максимально способным возражать тому, что о нем сказано, в полную силу сопротивляться протоколу и ставить собственные вопросы, а не говорить *от лица ученых*, чьи интересы он не обязан разделять! Тогда поведение людей в руках обществоведов (т.е. при контактах с ними на основе качественных методов исследования. В.Е.) станет таким же *интересным*, как поведение вещей в руках «физиков» » [Латур 2006а, с. 353].

Кнор Цетина в статье опубликованной в журнале « История политической экономики » и адресованной прежде всего экономистам, так характеризует исследовательский процесс, изучению которого она посвятила многие годы : « Молекулярные генетики взаимодействуют с « миром » - конечно таким как он представлен в лаборатории, но это представление не мешает сопротивлению, а наоборот усиливает его. Они образуют часть поведенческого мира в котором « вещи » являются не пассивными получателями воздействий, а активно реагирующими элементами. В то время как ученые действуют на уровне организации экспериментальных данных, устанавливается некая система, которая предоставляет постоянные возможности для взаимной реконфигурации, подстройки и адаптации » [Кнор Цетина 1991, р. 120]. И далее, по-видимому, обращаясь непосредственно к нам экономистам, она пишет : « Это означает, что в этой системе существуют широкие возможности для науки непрерывно « реформироваться » и приобретать новую форму вокруг объектов, с которыми она сталкивается, независимо от того являются ли они культурными объектами или нет » (*Ibid.*). Что касается связи экспериментальной (« лабораторной ») науки с теорией, то на основании своих « полевых » исследований Кнор Цетина делает следующие выводы : « Большая часть лабораторной науки в молекулярной генетике ни прямым образом не основана на каких-либо теоретических представлениях, ни как кажется не очень то вовлечена в их построение. В молекулярной генетике теоретические утверждения могут в действительности быть *ad hoc* « рационализациями » собранных данных » (*Ibid.*).

Данный Лятуром и Кнор Цетиной образ реальной современной науки мало похож на образы к которым обычно апеллируют экономисты. Из вышеприведенных описаний следует, что *современная наука это прежде всего генерация и обработка данных об изучаемом объекте путем активного взаимодействия с ним на базе проведения экспериментов*. Именно это условие в большинстве случаев экономистами не выполняется. По отношению к данным экономисты ведут себя очень пассивно. Чаще всего экономисты удовлетворяются прессой и статистикой. Тем самым экономическая наука живет в условиях постоянного информационного голода и именно из-за отсутствия качественного информационного питания она в настоящее время находится по существу в состоянии клинической смерти. Дело в том, что пресса в большинстве случаев дает нам информацию только о самом факте наступления тех или иных событий и явлений, а не о том, как они произошли. С точки зрения картезианского мышления этого вполне достаточно, так как дальше включается мозг исследователя и он, и только он, в соответствии с этой доктриной, может разобраться в причинно-следственных связях. Статистика же предоставляет нам в основном ту

²⁸ Дезориентирующее и путанное понятие « научного метода » обсуждается в [Сачков 2003]. Идейные источники этого понятия излагаются в [Светлов 2008].

информацию, которая соответствует господствующему направлению в экономической науке, то есть информацию о спросе, предложении, инвестициях и т.д. Те же из исследователей, которые отваживаются собирать сами информацию для своего исследования, это относится в большей степени к социологам, чем к экономистам, делают это, как правило, исходя из одного из двух видений социально-экономической реальности, а именно механицизма, на котором основана современная господствующая экономическая теория или органицизма, с которым тесно связано современное господствующее направление экономической социологии. В рамках определенного *видения* даются ответы на следующие три вопроса : 1) « Что нужно исследовать ? », то есть как превратить объект исследования в предмет исследования²⁹; 2) « Как нужно исследовать ? », то есть какого типа методы нужно при этом использовать; 3) « Что ожидать в качестве результата исследования ? », например, законы, цепочки причинно-следственных связей, прогнозы будущего или понимание происходящего, в том числе понимание смыслов, которые вкладывают различные участники этого происходящего (акторы) в то, что происходит. Видение, явно или неявно, всегда связано с какими-то философскими позициями, например, с картезианством, позитивизмом, прагматизмом, герменевтикой, конструктивизмом и т. д.

Интерпретативная институциональная экономика [Ефимов 2007а, 2007б], дает свое собственное видение опирающееся на философию прагматизма и герменевтику, подкрепленных социальным конструктивизмом, а также на определенные традиции в обществоведении, которые отталкивались от этих философских направлений. В экономической науке традиции, которые продолжает интерпретативная институциональная экономика, тянутся от новой немецкой исторической школы Г. Шмоллера и американского институционализма Дж. Коммонса, причем второе есть не что иное как перенесения первого на американскую почву, которое было осуществлено Р. Эли. Среди представителей старого американского (традиционного, исходного, *original*) институционализма, только Дж. Коммонс (кстати ученик Р. Эли), а не Т. Веблен и У. Митчелл, может быть отнесен к развиваемой интерпретативной институциональной экономикой традиции³⁰. Наконец в интерпретативной институциональной экономике существенно чувствуются традиции Чикагской

²⁹ Например, досмитовская политическая экономия в качестве первого элемента видения использовала метафору организма, теория общего равновесия основана на механистическом видении экономики, а институциональный подход к исследованию социально-политико-экономических систем, с его центральным понятием института, как совокупности правил, неявно апеллирует к образу коллективной игры, типа футбола, что и определяет первый элемент его видения экономики.

³⁰ Жаль, что А. Московский, читая мою статью [Ефимов 2007а], не разглядел этого, а охарактеризовал введенное мною название « интерпретативная институциональная экономика », как « обозначение » « институциональной экономической теории, начало которой обычно датируют появлением книги Торстера Веблена « Теория праздного класса » и его же статьи « Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной » [Московский 2009, с. 112]. Что касается современного состояния этой « институциональной экономической теории », то, насколько мне известно, современные западные экономисты сторонники « традиционного » институционализма, среди которых наиболее известными являются У. Сэмьюэл, Ф. Мировски и Дж. Ходжсон, занимаются исключительно историей экономической мысли и методологией экономической науки, что, как мне представляется, не дает нам право охарактеризовать ее, как это делает Московский [там же, с. 113], как « активно развивающееся научное направление ». По-видимому А. Московский не заметил также мою резкую критику Дж. Ходжсона [Ефимов 2007а, сс. 55 - 57], как одного из представителей этого направления, которое тяготеет к старой (исходной) институциональной экономике онтологически, но полностью порвали с ее эпистемологической традицией, которая особенно четко была представлена Дж. Коммонсом. Такие « сторонники » исходной институциональной экономики объединены в Ассоциацию за эволюционную экономику (Association for Evolutionary Economics) с журналом *Journal of Economic Issues* издаваемом в США. В Европе с 2005 года издательством Кембриджского университета стал выпускаться Журнал институциональной экономики (*Journal of Institutional Economics*) того же направления.

социологической школы и интерпретативной антропологии К. Гирца [Ефимов 2007b, сс. 26 - 28]. На вопрос «Что нужно исследовать?», видение принятое в интерпретативной институциональной экономике отвечает – институты (формальные и неформальные правила) и идеи-ценности стоящие за ними. Это не значит, что это видение совсем отбрасывает рассмотрение интересов, просто интересы не анализируются отдельно от институтов и идей-ценностей. Что касается второго вопроса «Как нужно исследовать?», то это видение требует применения не столько количественных, сколько качественных методов исследования ([Штейнберг и др. 2009], [Paillé 2006], [Paillé et Mucchielli 2005], [Denzin and Lincoln 2005], [Семенова 1998], [Poupart et al. 1997]), среди которых центральное место занимают глубокое интервью³¹ ([Беланский 2001] [Kaufmann 2004]), обоснованная теория ([Bryant and Chamaz 2007], [Chamaz 2006], [Day 1999], [Страусс и Корбин 2001]) и исследование действием ([Greenwood and Levin 1998], [Reason and Bradbury 2006], [Stringer 1999], [Craig 2009]). Отталкиваясь от этого видения, в рамках интерпретативного институционального исследования изучению подлежат тексты. Сначала изучаются уже имеющиеся документы, например, тексты законов и других письменных отражений существующих формальных и неформальных правил, а также политические документы

³¹ По своему базовому образованию я – экономист-математик и я пришел к качественным методам исследования не потому, что не владел количественными, а потому, что понял их ограниченность. На самом деле мастерски владеть качественными методами ни чуть не легче, чем количественными. Еще будучи студентом второго курса отделения экономической кибернетики Экономического факультета МГУ я освоил модель равновесия конкурентной экономики Эрроу-Дебре [Карлин 1964, с. 328 - 333] и читал лекции по ней в рамках Экономико-математической школы перед будущими абитуриентами оиделения. Моя кандидатская диссертация была посвящена тем самым моделям-басням, о которых говорил в своей цитируемой выше статье-исповеди Ариан Рубинштейн. Так же как и он я в свое время очень радовался, когда удавалось сконструировать абстрактные формальные модели оптимизационного типа и из манипуляции с символами рождался какой-то смысл [Рубинштейн 2008, с. 63]. Однако будучи любопытным и очень мотивированным сделать что-то полезное, уже после защиты в 1971 году кандидатской диссертации я начал пытаться применить эти модели к конкретным объектам и здесь я очень быстро понял их басенный характер, что меня никак не могло удовлетворить. Какое-то очень короткое время у меня была надежда, что хоть и не на базе математики, а на базе компьютерной имитации все таки можно количественно исследовать экономику, однако знакомство с психологией, социальной психологией и социологией изучающих человеческое поведение я скоро пришел к выводу, количественные методы не очень-то способны его моделировать. Решением для меня было попытаться изучать жгучие проблемы советской экономики того времени с помощью специфических человеко-машинных имитационных систем, а именно имитационных игр, которые представляют собой что-то вроде « синхрофазотронов » для проведения лабораторных экономических экспериментов [Ефимов 1978, 1986, 1988]. В конце 70-х годов я уже был институционалистом и рассматривал метод имитационных игр (*gaming-simulation*) как институциональное моделирование (*institutional modeling*) [Yefimov 1981, p. 187]. Но для построения имитационных игр нужно было знать, как работает советское предприятие и я стал частым гостем на машиностроительных, металлургических и текстильных предприятиях. Нужно было знать также как функционирует Госплан и я стал частым посетителем в кабинете начальника одного из подразделов Госплана СССР С.Ф. Подчайнова. Для построения правил имитационной игры я изучал нормативные документы, такие как положения, методики и инструкции, а с другой стороны для построения других элементов экспериментальной установки пытался получить информацию об их реальной работе-функционировании беседуя с их работниками задавая им заранее подготовленные вопросы, но в тоже время стимулируя их делиться со мной информацией помимо задаваемых мной вопросов. В процессе работы над построением игры для изучения ряда явлений советской экономики, как дефицит, низкая производительность труда, длительные сроки строительства, медленный инновационный процесс, моим постоянным информантом/консультантом был С.Ф. Подчайнов. Значительно позже уже после защиты в 1989 году своей докторской диссертации я узнал, что в своих исследованиях я применял метод глубокого интервью, одного из качественных методов давно активно используемого в социологии. Позже в своих более чем десятилетних экспериментальных исследованиях советского и постсоветского сельского хозяйства [Yefimov 2003] я, наряду с применением метода глубокого интервью, стал применять метод исследования действием (*action research*).

содержащие идеи и убеждения стоящие за этими правилами. Затем нужно перейти к изучению дискурсов акторов, которые материализуются в транскриптах глубоких бесед-интервью. Изучение это нужно осуществлять не для верификации (подтверждения или опровержения) каких либо априорных теоретических построений, а для создания насыщенных описаний, которые содержат не только описание действий, которые изучаемое явление порождает, но и смыслы, которые акторы вкладывают в эти свои действия. Это и есть ответ на вопрос «Что ожидать в качестве результата исследования ?».

*Насыщенное описание осуществляется ни на языке используемых документов, ни на языке акторов, ни на языке каких-то априорных или созданных для других контекстов теорий, а на языке дисциплинарного подхода/видения существенно дополненного концепциями/понятиями сконструированными исследователем апостериори на базе изучения текстов при исследовании данного явления*³². Часть из этих концепций/понятий приговорена остаться контекстными, а часть могут стать кандидатами для ввода в более общий глоссарий дисциплины. Проведение глубоких бесед-интервью и приготовление их транскриптов в большинстве случаев является абсолютно необходимым, так как пресса крайне редко публикует развернутые интервью с экономическими акторами, а когда и публикует их, то оказывается, что велись они совсем не так, как того требует проводимое исследование. Я уверен, что в большинстве случаев исследователь нуждается для своего исследования вступить с актором в непосредственный вербальный контакт. Именно такой контакт и есть для экономической науки, как и для других социальных наук, то, что в естественных науках называется научным экспериментом³³. Работая с транскриптом бесед-интервью исследователь формирует концепции/понятия, которые в сжатой форме отражают изучаемое явление и образовав связную систему дают исследователю понимание этого явления. Будучи достаточно продвинутой разработанная связная система концепций/понятий может образовать теорию, но конечно теорию контекстную.

Далее эксперимент может быть продолжен путем обращения в прошлое. Анализ истории изучаемой части действительности проводится на базе исторических документов, представляющих собой законодательные акты и политические дискурсы, опять же не только и не столько для проверки (верификации) этой теории, а ее уточнения и расширения. Это расширение должно содержать понимание исторических истоков изучаемого явления. Как на первом, так и на втором этапе конечно используется количественная информация, но она служит скорее для идентификации проблемы, чем для ее решения, которое осуществляется на базе прежде всего информации качественного типа. Статистика и эконометрика для анализа временных рядов в таком исследовании либо вообще не используется, либо играет подчиненную роль. По моему мнению именно на этом пути экономическая наука получает шанс действительно стать научной, выйти из вымышленных миров и начать служить людям в их понимании социально-экономической реальности также эффективно, как это делают для людей естественные науки по отношению к природе³⁴.

³² «Обоснованная теория» (*Grounded Theory*) есть не что иное, как методика построения таких концепций/понятий, а затем и теорий, на базе анализа текстов. На мой взгляд перевод «обоснованная теория» не очень удачен и я предложил бы его заменить на «заземленное теоретизирование».

³³ «Хорошая история – это функциональный эквивалент лаборатории. Это здесь осуществляют тесты, опыты и имитации.» [Latour 2006, p. 217].

³⁴ Примером такого типа исследования может служить моя многолетняя работа по изучению преобразований в российском сельском хозяйстве ([Yefimov 2003], [Ефимов 2009]). Полевые исследования проводились в конце 80-х и на протяжении 90-х годов. Они позволили выявить и понять многие явления имеющие место в российском селе того времени, в том числе и необыкновенную

Думаю, что для абсолютного большинства экономистов вышеизложенное понимание экономического исследования незнакомо и вряд ли приемлемо. Последнее проистекает из глубоко укоренившегося в нашей дисциплине картезианства, ее погруженности в метафизически-абстрактное состояние с ее априорно-абстрактным подходом. Несмотря на многочисленные разногласия существующие между сторонниками мейнстрима и гетеродоксами, представители обеих сторон свято верят в одну и ту же догму: «теория это способ которым мы воспринимаем (perceive) « факты » и мы не можем воспринимать (perceive) « факты » без теории» [Фридман 1994]³⁵. Вполне понятно, что вера в эту догму обладает необыкновенно легитимирующей способностью для экономистов-теоретиков, у которых нет вкуса, да и желания изучать реальность, ведь в соответствии с этой догмой без них, то есть без теорий, которые они призваны создавать и совершенствовать, никакое эмпирическое исследование вообще невозможно, откуда проистекает, как они верят, их решающая роль для развития науки³⁶. *На самом деле в этой догме осуществляется подмена слова « видение » на слово « теория » с катастрофическими последствиями для экономической науки.* Что понимать под теорией напрямую зависит от видения, но, в отличие от видения, каждая конкретная теория должна прийти до, конечно по разному понимаемого, какого-то результата исследования, то есть понять/объяснить какое-то конкретное социально-экономико-политическое явление.

Как хорошо показали Брюно Латур и Карин Кнорр Цетина, экспериментальный характер естествознания определяет его лицо. На самом деле именно это и определило необыкновенный успех естественных наук и их колоссальное влияние на жизнь человечества. Универсальная электронная энциклопедия "Википедия"³⁷ дает следующее определение науки: «Особый вид человеческой познавательной деятельности, направленный на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний об окружающем мире. *Основой этой деятельности является сбор фактов, их систематизация, критический анализ и на этой базе синтез новых знаний или обобщений* (выделено мною, В.Е.), которые не только описывают наблюдаемые природные или общественные явления, но и позволяют построить причинно-следственные связи, и как следствие — прогнозировать»³⁸. Такое определение науки, которое согласуется с реалиями естествознания, не имеет ничего общего с приведенным в конце первого раздела этой статьи видением « традиционного научного подхода » французских профессоров-экономистов, который вместо сбора данных/фактов, начинается с « идентификации и точного определения понятий и свойств, которые характеризуют экономическую деятельность (потребление, производство, капиталовложения...) и формулирования базовых гипотез относительно этих свойств », после чего следует « формулирование теорий, которые представляют

устойчивость институтов унаследованных от советского периода. Последующее обращение к многовековой российской истории позволило значительно углубить понимание этой устойчивости.

³⁵ Такая методология приводит к тому, что исследователь остается слеп ко всему, что не вмещается в его теоретическую схему и таким образом путь к пониманию исследователем чего-то совершенно нового остается отрезанным.

³⁶ См. мою критику Джеффри Ходжсона в [Ефимов 2007а, с. 55 - 57].

³⁷ ru.wikipedia.org

³⁸ Я бы сделал две поправки в это в целом правильное определение. Первая касается причинно-следственных связей. В сложных явлениях, а все общественные явления являются сложными, причинно-следственные связи образуют клубок с многочисленными петлями обратных связей. Понимание явления, знаменитое веберовское *Verstehen*, и есть результат «распутывания» этого клубка, которое не обязательно возможно представить как *цепочку* причинно-следственных связей. Такое понимание общественных явлений позволяет осуществлять *прогнозирование* будущего, но, только в сценарном виде, так как конкретный исход в социальных явлениях всегда зависит от конкретных проявлений воли акторов.

собой формализацию функциональных связей между предварительно идентифицированными элементами». Только после всего этого профессора-экономисты готовы соприкоснуться с данными для «проверки (верификации) этих теорий <...> причем никак иначе, как путем сопоставления с количественно выраженной историей на основе статистики и эконометрики». Большое *карикатурное искажение* «традиционного научного подхода» трудно себе представить, но именно так работает значительная часть экономистов, да и многие социологи. Если принять во внимание, что «проверки (верификации) теорий» часто вообще не происходит, то описанный профессорами-экономистами подход представляет собой не «традиционный научный подход», а традиционный подход *теологии*, или в лучшем случае *философии*.

Что является аналогом естественнонаучного эксперимента в общественных науках? На этот вопрос те же французские профессора-экономисты, как мы уже видели выше, отвечают следующим образом: «Если не доказано обратное, в экономике такой эксперимент не может быть построен никак иначе, как путем сопоставления с количественно выраженной историей на основе статистики и эконометрики.» Всю данную работу можно рассматривать как попытку доказать обратное. Как я уже отмечал экспериментальный подход к исследованию предполагает прямой контакт с изучаемым предметом, институтами и непосредственно с ними связанными идеями/убеждениями/ценностями/верованиями. Если это контакт не с документами, а непосредственно с актерами, то как правило, при интерпретативном подходе исследователь вступает с ними в контакт в естественном для них, часто рабочем, окружении. Поместив их в искусственные условия мы делаем первый шаг к проведению исследований в лаборатории. Вторым шагом было бы создание некой экспериментальной установки, своего рода экономического синхрофазотрона или коллайдера, которая бы и представляла бы собой эти искусственные условия. Если бы эта установка динамически поставляла бы обратную связь на действия акторов в зависимости от их решений, которые в свою очередь зависели бы от правил их взаимодействия, то мы получили бы лабораторию для проведения экспериментов в области институциональной экономики. Такая установка (имитационная игра) была мною создана в 80-е годы для сравнительных лабораторно-экспериментальных исследований влияния на хозяйственную деятельность разных хозяйственных законодательств ([Ефимов 1986], [Ефимов 1988]). Построение этой установки, а также методики ее использования, основывалось на интерпретативной методологии: «Эксперименты с имитационными играми должны строиться и проводится совсем не так, как того требует классическая естественнонаучная традиция. В этих экспериментах коллектив участников (игроков) нужно рассматривать не только (и не столько) как заместителей соответствующих активных элементов (актеров), а как реальную социальную группу, возникновение лабораторной культуры³⁹ в которой не элиминируется, а используется. <...> В таких экспериментах в качестве игроков выступают либо непосредственно лица, заинтересованные в изучении функционирования экономической системы, либо эксперты, помогающие такому исследованию [Ефимов 1988, с 15]».

С одной стороны, игроки-участники должны подчинять свои взаимодействия и решения введенным экспериментатором формальным правилам (моделям законодательств), а с другой стороны, они привносят в эксперимент из своей реальной жизни идеи/убеждения/ценности/верования и неформальные правила и тем самым

³⁹ Примером проявления лабораторной культуры может служить знаменитый хауторнский (Hawthorne) эффект, то есть искажение результатов эксперимента под влиянием самого факта проведения эксперимента.

дают возможность проследить совместное влияние идей-ценностей и двух типов правил на результаты функционирования моделируемой компьютером экономической системы. Важнейшей частью эксперимента является так называемая деятельность по поводу игры⁴⁰, связанной с обсуждением и замечаниями по поводу изучаемой в эксперименте проблеме между игроками и между игроками и экспериментаторами, а также по поводу конструкции и организации эксперимента [Ефимов, 1978, с 151]. Я уже давно опубликовал статью в ставшем сейчас престижном международном журнале с изложением концепции интерпретативного лабораторного экспериментирования для институциональных исследований [Yefimov 1981], однако этот мой призыв остался неслышанным, а журнал погрузился в неоклассическую парадигму. Создатель так называемой экспериментальной экономики, которая стала очень популярной и сейчас рассматривается многими, как часть новой институциональной экономики⁴¹, профессор Принстонского университета, Вернон Смит⁴² (*Vernon L. Smith*), работает в противоположной, неоклассической парадигме.

Как уже указывалось выше, социолог науки Брюно Лятур называет в качестве решающего признака действительно объективного научного исследования способность объекта исследования *возражать (to object)* тому, что о нем сказано. Лабораторный эксперимент для него - это создание таких условий, когда «объекты могут предстать в своем собственном праве перед утверждениями ученых». Мишель Вевёрка (*Michel Wieviorka*) предлагает два способа организации таких условий в социальных исследованиях [Wieviorka 2008, pp. 103 – 110]. Первый способ это исследование действием⁴³ (*recherche-action*), а второй социологическое вмешательство (*intervention sociologique*). Первый способ широко используется, в том числе и автором этих строк⁴⁴, и по нему имеется обширная литература указанная мною выше. По существу это натурный эксперимент, но производимый не только для познавательных целей, но предполагающий преобразование совместными усилиями исследователей и акторов исследуемого объекта. Объект сопротивляется изменяющим воздействиям и это сопротивление создает прекрасные условия для его понимания, показывая те его стороны, которые без этого изменяющего воздействия остаются скрытыми. Вторым способом в основном пользовался Ален Турен (*Alain Touraine*) и его учениками, среди которых и М. Вевёрка⁴⁵. Он состоит в расширении традиционных углубленных интервью путем «возврата» результатов исследования полученных на базе анализа транскриптов интервью интервьюируемым, а возможно и другим акторам и совместное обсуждение этих результатов. Тем самым акторы приглашаются участвовать в исследовательском процессе. Вовлечение интервьюируемого актора в исследовательский процесс может осуществляться и непосредственно во время интервью, в этом случае интервью-беседа принимает активный характер. Беседы-интервью, которые проводил

⁴⁰ Понятие деятельности по поводу игры автор заимствовал из статьи Г.П. Щедровицкого и Р.Г. Надежиной «О двух типах отношений руководства в групповой деятельности детей» («Вопросы психологии», 1973, № 5).

⁴¹ См. [Staropoli and Robin 2008]

⁴² Недавно на русском языке была издана книга с комплексом его исследований, по совокупности которых ему в 2002 году была присуждена Нобелевская премия [Смит 2008].

⁴³ Иногда по-русски это переводится как «действенное исследование», что мне кажется менее удачным, чем «исследование действием».

⁴⁴ Создание фермерских хозяйств в Переславском районе Ярославской области в 1988 – 1990 годах [Yefimov 2003, pp. 162 - 168] и приватизация совхозов в Целиноградской (Акмолинской) области Казахстана в 1995 – 1997 годах [Yefimov 1997].

⁴⁵ Этот способ исследования был применен в исследовании в пост-советской России в 1991 – 1996 годах исследовательской группой во главе с Алексисом Береловичем и Мишелем Вевёркой [Berelowitch et Wieviorka 1998]. См. рецензию на эту книгу Поправко Н.В. в *Социологическом журнале*, №1-2 за 1997 год.

лично я были часто действительно активными и принимали форму спора между мной и актором⁴⁶. Именно наличие таких «возражений» позволяет нам претендовать на то, что то, чем мы занимаемся является наукой. Можно полностью согласиться с Вевёркой, который выступая на открытии III Всероссийского социологического конгресса в 2008 году сказал: «Проверка результатов нашей работы друг перед другом, среди наших коллег (*peer review*), является, несомненно, решающим обстоятельством нашей деятельности, однако нам нужно задумываться о том, как можно проверять наши результаты иными способами, которые я обозначил, для того, чтобы увидеть, как наше знание работает. И именно таким образом, на мой взгляд, можно связать социологию и общество»⁴⁷. Это утверждение верно и для других общественных наук, в том числе и для экономики. Такой связи между экономической наукой и обществом нет и в разделе 4 этой статьи/брошюры я попытаюсь проследить, почему это произошло с момента ее институционализации и до наших дней с локальными во времени и в пространстве исключениями в конце XIX и начале XX веков.

3. Институциональный подход к анализу экономики

Наверное первым экономистом-институционалистом был уже упоминавшийся выше Джеймс Стюарт. При определении политической экономии он отталкивается от исходного значения этого греческого слова: «Экономия в общем есть искусство осторожного и бережного удовлетворения нужд семьи. <...> И если экономика действует в семье, то политическая экономия – в государстве». Итак политическая экономия для него это – искусство. Он явно не оговорился, так как тут же дает следующее пояснение: «Великое искусство политической экономии состоит прежде всего в том, чтобы приспособить различные ее операции к духу, манерам, привычкам и обычаям народа, и после этого повлиять на эти обстоятельства таким образом, чтобы быть в состоянии ввести множество новых и более полезных институтов.» Таким образом, с помощью искусства политической экономии предполагается, с одной стороны, приспособить экономические операции осуществляемые в стране к духу, манерам, привычкам и обычаям народа этой страны, а, с другой стороны, на базе этого приспособления, введение новых институтов. Не правда ли такой подход к институциональному проектированию актуален и сейчас и следующую фразу из того же сочинения 1767 года было бы полезно прочитать тем, кто проводил экономические преобразования в России в 1990-е годы: «Если рассмотреть разнообразие, которое может быть найдено в различных странах, в области распределения собственности, субординации классов, одаренности народа, процедур различных форм правления, законов, климата и манер, то можно заключить, что политическая экономия в каждой стране должна быть различной, и что как бы универсальны ни верны были бы принципы, на практике они могут стать достаточно неэффективными без достаточной подготовки духа народа.»⁴⁸

⁴⁶ Все вышеперечисленные способы экспериментального исследования, лабораторные эксперименты на основе имитационных игр, исследование действием и социологическое вмешательство, противоречат догмам классической науки о недопустимости неконтролируемого влияния исследователя на объект изучения, однако уже в таком разделе неклассического естествознания как квантовая механика это требование не выполняется.

⁴⁷ <http://ras.fundamentalscience.ru/digest/showdigest.aspx?id=48f09bf9-2d65-45e2-98ab-78df3b3e6bbe&Language=ru&PageNum=2>

⁴⁸ После прочтения этой фразы становится понятным почему Г. Шмоллер рассматривал Джеймса Стюарта своим предшественником. Однако в отличие от Стюарта, Шмоллер видел политическую экономию не как искусство, а как науку. Он делал свои предложения об институциональных изменениях

Направленность политической экономии Стюарта не столько на изучение сущего, а скорее на проектирование должного было очень характерно для социальной мысли эпохи Просвещения. Именно в таком же духе автор «Общественного договора», Жан-Жак Руссо, написал свою статью «Рассуждение о политической экономии» опубликованной в 1755 году. В ней он сравнивает политико-экономический организм с человеческим телом, где суверенная власть представляет голову; законы и обычаи – мозг; судебная система аналогична нервной системе обеспечивающей согласие, волю и смыслы; торговля, промышленность и сельское хозяйство представляют собой систему питания и пищеварения; финансы – кровеносную систему экономики, а граждане – мускульную систему, которая приводит в движение весь организм. В статье Руссо характеризует свойства каждой из частей этого организма, которым по его мнению должны удовлетворять порядки установленные правительством, чтобы сделать народ счастливым [Rousseau 2002]. Именно идеи Просвещения имел ввиду Огюст Конт выделяя метафизическое или абстрактное состояние в интеллектуальной эволюции, для развития которых характерен априорно-абстрактный подход. Он пришел к выводу о необходимости перехода в интеллектуальной трактовке общественных проблем к научной стадии с ее опорой не на спекулятивные рассуждения, а на исследования основанные на фактах. Этот вывод он в частности сделал исходя из знания непосредственных последствий французских революций конца 18-го - начала 19-го веков. Вот, что он пишет о революции 1830 года, современником которой он был: «Как и до кризиса, видимая борьба ведется между теологическим мышлением, признанным несовместимым с прогрессом, который оно догматически отвергало, и метафизическим мышлением, которое, сумев вызвать всеобщее сомнение в философии, стремилось в политике лишь к установлению беспорядка или к состоянию, равносильному безначалию»⁴⁹ [Конт 2003, с. 144]. Конечно Конт требуя перехода к научному подходу, то есть отказа от спекуляций и изучению социальной действительности как она есть, был под влиянием идей Нового времени в своем понимании научного исследования, как открытия небольшого числа неизменных универсальных законов и именно в этом смысле позитивизм, который он основал неприемлем для современного обществоведа.

К концу XIX-го века термин «политическая экономия» стал исчезать и был заменен во Франции на термин «экономическая наука» (*science économique*) и в Англии на термин «экономическая теория» (*Economics*), однако нормативный характер экономической науки, берущей свое начало от политической экономии конца 18-го века, в значительной степени сохранился и до сих пор. Очень показателен с этой точки зрения вышедший в 2007 году № 30 французского журнала *Revue du MAUSS* под названием «К созданию другой экономической науки (а тем самым и другого мира)?» содержащий манифест «К созданию институциональной политической экономии»⁵⁰ и ряд статей на эту тему. Я предлагаю читателю этих строк произвести эксперимент. Замените, пожалуйста, в названии этого номера журнала слово «экономическую» на «физическую» или «химическую». Получится, что создав другую физическую или химическую науку вы надеетесь получить другой мир, что абсолютно нелепо. Физика и химия изучают мир, в данном случае природу, как он есть, а не пытаются изобрести новый. Естествознание поставляет знания о природе, а не о том как ее преобразовать, это уже проблема не науки, а техники. Если нет знаний о том, как действительно

не в рамках этой науки, а на ее основе, а в ее рамках он осуществлял тщательное изучение состояния и эволюции реально действующих институтов.

⁴⁹ Читатель легко уловит в этой фразе аналогию с российской ситуацией девяностых годов XX-го века.

⁵⁰ Перевод этого манифеста на русский язык опубликован в электронном журнале «Экономическая социология», Т. 9, № 3, Май 2008 на сайте www.ecsoc.msses.ru.

функционирует природа, то попытки ее преобразования путем разработки *без этих знаний* теории такого преобразования были бы обречены на неудачу. Общественные (социальные) науки, в том числе экономическая наука, должны также изучать мир, в данном случае общество, *как оно есть*, поставлять знания позволяющие понимать социально-экономическую реальность, функционирование и развитие социально-экономических систем. Если эти знания есть, то есть и шанс разработать исходя из этих знаний предложений по социально-политико-экономическим преобразованиям (реформам). Если таких знаний нет или они поверхностны, то такие преобразования неизбежно приводят к самым неожиданным негативным, а нередко и катастрофическим последствиям. XX век дает нам много примеров таких неудач. Продолжим эксперимент. Если заменить в этом названии номера журнала «экономическая наука» на «социально-экономический проект», то все встанет на свои места.

Такое направление призыва группы французских обществоведов связанных с институциональным подходом не случаен. Все они, как и большинство обществоведов вообще и абсолютное большинство экономистов в частности, являются убежденными сторонниками априорно-абстрактного подхода. Автор текста манифеста социолог Ален Кайе считает, что в произведениях Марселя Мосса (Marcel Mauss) и особенно в его «Очерке о даре» заложены основы определенного общего подхода в общественных науках, включая социологию, экономику, историю и философию. Мосс основывал свои теоретические построения почти исключительно на результатах полевых исследований, проведенных правда не им самим, а другими антропологами в Полинезии, Меланезии и среди индейских племен Востока Северной Америки. Его знаменитый «Очерк о даре» первоначально опубликованный в 1923 – 1924 годах содержит социально-экономическую теорию, центральным понятием которой является понятия дара. В частности для североамериканских индейцев он выявил социальные отношения основанные на трех обязанностях : давать, получать и возмещать. Хотя в акте дарения безусловно есть заинтересованность, например установление и поддержание социальной связи, однако она не сводится к рыночному интересу. Тем самым Мосс разрушает классический утилитаризм экономикс. Одно из заключений, которые делает Мосс – следующее : « Принцип обмена-дара, вероятно присущ обществам, которые вышли из стадии « совокупной, тотальной поставки » (от клана к клану и от семьи к семье), но еще не пришли к чисто индивидуальному договору, к рынку, где обращаются деньги, к продаже в собственном смысле и особенно – к понятию цены, определяемой во взвешиваемой и пробируемой монете [Мосс 1996, с. 169] ». Стремление Кайе сделать универсальными и центральными для любого социального исследования понятия выведенные для одного вполне определенного контекста является типичным для априорно-абстрактного подхода (Оливер Уильямсон поступил точно также с понятием транзакционных издержек, которое играет центральную роль в исследовании явления вертикальной интеграции). Два экономиста подписавших манифест, Робер Буайе и Оливье Фавро, являются одними из лидеров французского институционализма. Теория регуляции, представленная первым, и экономика конвенций или соглашений развиваемая вторым, сильно расходятся почти во всем, кроме одного – их приверженности метафизической абстрактности. Но если в теории регуляции еще можно найти какие-то мысли, которые могут быть полезными в качестве элементов институционального видения реальности⁵¹, или понятия, которые в принципе тоже могут быть использованы в институциональном анализе, например понятие регуляции как институционализированного компромисса между различными социальными интересами, то этого нельзя сказать об экономике конвенций. Однако уровень абстракции рассуждений французских регуляционистов настолько высок, что вряд ли позволяет способствовать получению каких-то достаточно конкретных содержательных выводов⁵². Их выводы с одной нередко заражены нормативизмом, а с другой стороны представляют собой такие очевидности как, например, « необходимо рассматривать рынок и государство как институты со сложной архитектурой, исследование которых должно носить междисциплинарный характер » [Billaudot 2001] или « для того, чтобы быть эффективными рынки нуждаются в полной сети институтов » [Boyer et Saillard 1995]. Новое поколение регуляционистов в лице Брюно Амабля и Стефано Паломбарини полностью порвали с

⁵¹ Например, что невозможно создать какую-то общую теорию верную для каждого исторического периода и что никакой общий закон не может управлять изменением социальных правил и тем самым будущее невозможно предвидеть.

⁵² Прошло уже более 10 лет как книга Робера Буайе [Буайе 1997] переведена на русский язык. Сам он очень надеялся, что в России его теоретический подход найдет широкое распространение, однако этого не произошло. С анализом школы регуляционистов с российской точки зрения можно познакомиться в [Ананьин 2007, с. 141 - 182].

нормативизмом и видят в школе экономики соглашений только противников, с которой ни в коем случае нельзя вступать ни в какие коалиции. Вот их оценка экономики соглашений⁵³, с которой я полностью солидаризируюсь: «Путаница экономики соглашений состоит в следующем: из разумной гипотезы о том, что критерии суждений агентов способствуют объяснению их выбора, делается совершенно не обязательный и даже создающий препятствия для понимания реальности вывод, что теоретик не может воздержаться от этических суждений относительно реальности, которую он изучает» [Amable et Palombarini 2005, p. 32]; «Экономика соглашений стремится предложить противовес ортодоксальной экономике в тоже время следуя некоторым из ее постулатов. Индивид-эгоист, максимизатор неоклассической теории заменяется на существо следующее определенной этике, вместо прибыли оно ищет блага и справедливости, а вместо равновесия цен возникает равновесие ценностей.» (p. 22).

Подписавшие манифест «К созданию институциональной политической экономии» и авторы сопровождающих его публикацию статей в журнале *Revue du MAUSS*⁵⁴ явно не разделяют верования рыночной религии⁵⁵. В вводной статье к номеру журнала Ален Кайе справедливо замечает: «Современный мир в значительной мере есть реализация мечты, пророчества и проповеди экономической науки. Иногда просто до кошмара. И каждый день это становится все вернее в масштабе планеты, когда ничто другое не рассматривается как реальность, кроме экономических и финансовых ограничений, кроме поиска личного материального обогащения. Перед лицом всего этого любая ценность, любое убеждение, любое действие осуществляемое ради них самих, просто ради удовольствия, всякое существование, которое не посвящено поиску полезности, все это впредь кажется иллюзорным, недействующим, не стоящим усилий, бесполезным, нереальным» [Caillé 2007, p. 7]. Да все это верно и действительно ужасно, но только экономическая наука, о которой здесь идет речь не является на самом деле наукой, а теологией рыночной религии, о которой речь шла в первом разделе этой статьи. Конечно бороться с этой религией нужно, в том числе и разработкой и проповедью альтернативной идеологии-религии, однако не в этом задача и предназначение науки. *Наука должна быть нацелена на познание того, что есть, того что существует, то есть реальности, и именно поставляя знание об этой реальности она может наилучшим способом способствовать разработке альтернативных социально-политико-экономических проектов, а возможно и идеологий, которые эти проекты поддерживают.* Наилучшим способом потому, что проекты построенные исходя из знания реальности имеют больше шансов быть реализованными, чем проекты построенные вслепую без этого знания.

Разработка манифеста по словам автора преследовало цель формулирования общей платформы для нестандартной экономической мысли⁵⁶. И такой манифест, если

⁵³ На русский язык переведено довольно много текстов одного из наиболее активных авторов этого направления Лорана Тевено (см., например, его статью в книге [Олейник 2005]).

⁵⁴ MAUSS представляет собой аббревиацию названия «Анти-утилитариткое движение в общественных науках». Ален Кайе является лидером этого движения. Читатель уже догадался, что эта аббревиация выбрана не случайно и совпадает с именем знаменитого антрополога почитаемого создателем движения.

⁵⁵ Эрик Бруссо манифест не подписал и думается именно потому, что верит в Бога-рынок. Как известно, он является очень активным членом международного сообщества сторонников Новой институциональной экономической теории, являющейся обобщением стандартной экономики.

⁵⁶ Антрополог, специалист по искусственному интеллекту, эксперт по биржевым операциям Поль Жорион (Paul Jorion), француз уже более десяти лет проживающий в США (Калифорния) послал автору манифеста e-mail, где среди прочего было следующее замечание: «Я понимаю твоё желание объединить экономистов, которые не принадлежат направлению Чикагской школы, которая ныне держит верх. Действительно было бы неплохо для тех, кто находится вне мейнстрима, сплотиться для того чтобы заполучить немного власти в университетах и в исследованиях. Но не поздно ли делать подобные призывы после 20-30 лет существования «институционалистов» и их неспособности сделать что-то существенное. Кризис в который мы сейчас погружены можно было предвидеть и я их не оскорблю подумав, что они не видели его приближения, что касается меня я их видел немymi по этому поводу как рыбы» [www.pauljorion.com/blog]. Жорион имеет полное право упрекать экономистов в том, что они не предвидели наступления кризиса, так как он в январе 2007 года выпустил книгу под названием «К

бы он содержал общее видение того что нужно исследовать, как нужно исследовать и что ожидать в качестве результата исследования действительно мог бы быть очень полезен. В тексте можно найти указания на то, что нужно исследовать, но совсем не рассмотрены вопросы как нужно исследовать и что ожидать в качестве результата исследования. Таким образом остается не затронутой эпистемологическая сторона исследовательского процесса. Вместо этого апеллируя к нормативной традиции политической экономии, как ветви политической и моральной философии, манифест видит первоначальную задачу «институциональной политической экономии» в определении наилучших институциональных оснований для данного общества в определенный период времени, то есть превращает ее в своего рода методику по созданию социально-политико-экономических проектов. Манифест содержит следующие требования, которым эти проекты должны удовлетворять: создание длительно существующей, сильной и жизнеспособной политической и этической общности; никакая современная политическая общность не может быть сформирована без использования демократических идеалов; никакая политическая общность не может формироваться и воспроизводиться, если она не базируется на разделяемых базовых ценностях; неравенство переносимо лишь до того уровня, когда оно не начинает разрушать и в конечном счете разрывать на куски политическую и моральную общность; необходимо также представить систему сдержек и противовесов между государством, рынком и обществом, а в экономической плоскости – между обменом, перераспределением и взаимностью. На мой взгляд эти положения манифеста могли бы послужить для создания политической партии, но никак не определенного сообщества исследователей.

Безусловно, экономическая наука должна быть политической, в том смысле, что должна включать в себя исследование политических аспектов экономических процессов. Но я не уверен, что нужно для подчеркивания этого включать слово «политическая» в ее название. Так как этот политический аспект не может быть уловлен без изучения институтов и прежде всего институтов государства, то это делает достаточным наличия в названии слова «институциональная». Напротив, так как термин «институциональная экономика» используется многими из тех, кто не видит неудобств в том, что экономическая наука застряла в метафизически-абстрактном состоянии со своим абстрактно-априорным подходом, то в названии необходимо было ввести еще одно прилагательное, которое позволило бы отмежеваться от этого подхода и которое отражало бы прежде всего эпистемологическую сторону исследования. Я предложил название «Интерпретативная институциональная экономика». Предлагаемая мною дисциплина является политической, потому что акторы рассматриваются в ней наделенными волей и они могут решающим образом повлиять на ход изучаемого процесса. Именно поэтому по поводу Бруно Лятур делает следующее замечание: «По какой странной причине общественные науки пытаются столь неправильным образом подражать естественным наукам? Любопытный ответ дает Бауман, характеризуя обществоведа как «законодателя» [Bauman 1992]. Большинство общественных наук было изобретено в конце XIX века, когда после многих лет тяжелейших гражданских войн и революционной борьбы возникла потребность в упрощении политических процессов. Если у нас есть Общество как *уже готовое единое целое*, с помощью которого можно объяснить поведение акторов, не знающих,

кризису американского капитализма? » [Jorgion 2007], в которой такое предвидение имело место. В 2008 году он выпустил еще две книги с анализом причин этого кризиса [Jorgion 2008a, 2008b]. Познакомившись с этими книгами я бы определил Поля Жориона как интерпретативного экономиста-институционалиста.

что они делают, общество, чье тайное устройство открывается опытному взгляду тренированного социолога, тогда можно ставить перед собой гигантскую задачу социальной инженерии и приступать к производству всеобщего блага вместо того, чтобы кропотливо создавать эту общность политическими методами. Вот откуда берет начало то самое Общество, гибель которого видна сейчас повсеместно, не столько даже из-за наступления сетей и глобального маркетинга, сколько потому, что оно оскандалилось и политически, и научно. От Конта до Бурдьё через Дюркгейма и Парсонса мечта о законодательстве определяла ключевую задачу большинства социологов (кроме немногих школ понимающей социологии, этнометодологов и «символистов», которых Бауман относит к другому направлению). Они хотели пойти в обход невыносимо беспокойной политической арены, применив знание о том, что такое Общество, которое манипулирует людьми вопреки им самим. » [Латур 2006, с. 355]. В таком же духе высказываются и уже упоминавшиеся выше Б. Амабль и С. Паломбарини. Они очень четко выразили мысль о соотношении политики, исследования и нормативного подхода: « Построение будущего, по преимуществу политическая материя, и понимание прошлого на рациональной основе представляют собой разные задачи. Их смешение приводит к поступлению идеологических ресурсов для политической деятельности, когда политический деятель мобилизует результаты научных изысканий и представляет свои действия, как подкрепленные « беспристрастным видением данным наукой » или использованию статуса ученого, как ресурс в политической игре, когда сам исследователь указывает политическим деятелям *хорошую* стратегию. Ясно, что эта путаница ролей выгодна обоим сторонам, так как приносит дополнительные ресурсы одновременно и « политику » и « ученому ». Однако эта путаница приводит к издержкам как для науки, так и для политики. Нормативная направленность создает препятствия к пониманию реального, что призван осуществить ученый. Это особенно относится к экономической науке, « королеве » нормативного среди всех общественных наук, очень часто неспособной объяснить и предвидеть то, что происходит на самом деле. С другой стороны постоянные запросы к науке для того, чтобы подтвердить/оправдать политическую стратегию кончается тем, что вредит роли политиков как ответственных за принятие решений, постепенно воспринимаемых как простых исполнителей, в конечном счете ненужными, так как указания пришли от науки. Разделение между социальными действиями, наукой и политикой, которые отвечают совершенно разным логикам, позволило бы признать автономию политической деятельности и повысить шансы для общественных наук вникать в реальность, слишком часто непроницаемую » [Amable et Palombarini 2005, pp. 270 - 271]. Все это в частности означает, что наука не должна заменять политику, она может ей только помочь поставляя понимание действительности, но, если трезво взглянуть на общественные науки, то, в отличие от естественных наук, они могут служить для прогнозирования только в виде сценариев, а какой сценарий будет реализован зависит от реального протекания политических процессов.

В настоящее время институциональный подход в России представлен прежде всего новой институциональной экономической теорией и экономической социологией. Интерпретативная институциональная экономика не вписывается не в одну из них. Как я уже отмечал выше, она следует традициям в экономике и социологии, которые не представлены ни в одной из этих двух дисциплин практикуемых в России. То, что экономическая наука должна быть тесно связана с социологией вытекает из погруженности экономики в социальные отношения. Сегодняшняя ситуация в институциональной экономике и в экономической социологии определяется в определенной степени взаимоотношениями экономики и социологии в

прошлом. Дисциплинарное разделение общественных наук – явление относительно недавнее. Сто лет тому назад обществоведы достаточно легко пересекали дисциплинарные границы, как в исследованиях, так и в преподавании и их базовое образование или институциональная принадлежность не очень препятствовали этому. В настоящее время безнаказанно пересекать дисциплинарные границы намного труднее, но и сейчас междисциплинарные влияния могут сказываться достаточно сильно. В резкой форме это проявляется в так называемом экономическом империализме, когда механистическое мышление неоклассической экономики с ее экономическим человеком переносятся в другие общественные науки, в частности в социологию и даже антропологию. Сто лет тому назад направление влияний было скорее обратным, а именно экономическая наука, в особенности экономическая наука развиваемая Новой немецкой исторической школой, куда входили М. Вебер и В. Зомбарт, старалась подходить к экономике с социальных позиций.

В своей предыдущей работе я уже приводил пример М. Вебера, который всегда считал себя экономистом и работал как профессор исключительно на экономических кафедрах, однако для него сейчас нет места в истории экономической мысли [Ефимов 2007b, с. 24 - 25]. С легкой руки Т. Парсонса Вебер стал одним из основателей современной социологии, в том числе и экономической социологии⁵⁷. Начав свою карьеру как экономист, Парсонс сыграл роковую роль как для экономической науки, так и для социологии. Вместо того, чтобы бороться с экономической неоклассикой и предложить экономической науке свою альтернативу, он много сделал для того, чтобы провести « демаркационную линию » между экономической наукой и социологией. Центральными фигурами в его книге « Структура социального действия » [Парсонс 2000, сс. 43 - 328] были Вебер и Дюркгейм. В ней он развивал структурно-функциональный подход к анализу общества, который в течении некоторого времени был очень влиятельным в социологии. Одной из черт его социологии было « пренебрежение проблемы исторической специфики, несмотря на прямое влияние на Парсонса Вебера и Вернера Зомбарта. Тем самым, некоторые элементы традиции немецкой исторической школы были переведены в американский контекст. Но из них были выхолощены большая часть их содержания и смысла. По иронии судьбы, Парсонс достиг известности создав аисторическую школу в социологии, частично путем вылавливания (*rummaging*) избранных кусков из исторически ориентированной интеллектуальной традиции » [Hodson 2001, p. 178].

⁵⁷ Дж. Ходжсон рассказывает нам очень интересную историю о том, как Парсонс, этот столп социологической дисциплины, в свои студенческие годы находился под сильным влиянием двух крупных представителей институционализма Уолтона Гамильтона (*Walton H. Hamilton*) и Кларенса Эйреса (*Clarence E. Ayres*) и начинал свою академическую карьеру в 1927 году как преподаватель экономики на экономическом факультете Гарвардского университета. Следуя Ходжсону, Парсонс перешел из экономики в социологию исключительно из карьерных соображений. В захваченном неоклассиками экономическом факультете молодой Парсонс мог бы иметь серьезные проблемы, если бы он стал выражать какие-либо симпатии по отношению к институциональной экономике. Он стал также критиковать немецкий историзм, которому он совсем недавно симпатизировал и по которому он защитил в 1925 диссертацию в немецком Хайдельбергском университете (диссертация была посвящена теориям капитализма в произведениях Зомбарта и Вебера). Как пишет Ходжсон изменение в поведении было разительным. В своих работах он опускал ссылки свидетельствующие о его институциональном прошлом. По Ходжсону Парсонс перешел в социологию потому, что не будучи силен в математике и не очень соглашаясь с неоклассическим мышлением, он не был склонен строить свою карьеру как неоклассический экономист. Выбор какую часть его интеллектуального капитала приобретенного в Германии использовать также шел в том же направлении. Выбор пал на Вебера, а не на Зомбарта, так как социальная теория Вебера с ее индивидуалистическими элементами могла вызвать меньше трений со стороны ортодоксальных экономистов и тем самым облегчить академическую жизнь Парсонса. [Hodgson 2001, p. 179 – 187].

Рассматривая обществоведение в целом историки экономической мысли находят *два* старых институционализма: американский и европейский. Последний представлен Г. Шмоллером и Э. Дюркгеймом [Nau and Steiner 2002]. Действительно Дюркгейм определял социологию, «как науку об институтах, их генезисе и функционировании», а институт как «все верования, все поведения, установленные группой» [Дюркгейм 1995, с. 20]. Историки экономических учений находят также связи между американским институционализмом и позитивной экономикой школы Дюркгейма [Gislain and Steiner 1992]. Эти связи очень многочисленны, когда речь идет о критике экономической классики и неоклассики, но эти связи сразу ослабевают, когда речь заходит о видениях социально-экономических систем, на которых они основывали свои исследования. Так Дюркгейм был ярким противником философии прагматизма. Его критике он посвятил специальный курс (20 лекций) прочитанный им в Сорбонне и который впоследствии был опубликован на основании студенческих конспектов [Durkheim 1955]. В своей первой лекции он характеризует прагматизм, как штурм против разума (*un assaut contre la Raison*) и видит в нем опасность с национальной и философской точек зрения. Так как вся французская культура в основном рационалистична и пронизана картезианством, то, по мнению Дюркгейма, отрицание рационализма приведет к разрушению всей национальной культуры. А так как философская традиция начиная с самых ранних спекуляций философов также имела рационалистическую тенденцию, то, принятие прагматизма приведет к ниспровержению всей этой традиции (р. 27 - 28). Комментируя эти высказывания Дюркгейма Б. Латур заметил, что после ознакомления с ними он больше не страдает от медленности с которой французы усваивают уроки социологии наук [Latour 2006, p.158]. В отличие от Латура я все еще продолжаю страдать от непонимания, которое вызывает в сообществе экономистов видение, или по другому, предмет и метод, интерпретативной институциональной экономики основанные на прагматизме [Ефимов 2007a]. Экономическая социология, которая по моему мнению должна бы быть чем то очень родственным интерпретативной институциональной экономике, пошла в основном по пути Дюркгейма и Парсонса.

Сейчас в экономической науке термин «новый институционализм» (*New Institutionalism*) монопольно закреплен за Новой институциональной экономической теорией (*New Institutional Economics*). В социологии такой монополии нет, но, по-видимому, большая часть этого направления в социологии является в значительной степени результатом «экономического империализма» со стороны новой институциональной экономической теории: «В отличие от раннего социологического институционализма первооткрывателем которого в работе «Структура социального действия» был Талкот Парсонс, новый институционализм (в социологии В.Е.) пытается объяснить институты, а не только просто предполагать их существование. В этой попытке, новые институционалисты в социальных науках обычно предполагают со стороны индивидов целенаправленное действие, хотя и в условиях неполной информации, неточных ментальных моделей и трансакционных издержек. Таким образом новая институционалистская парадигма отбрасывает основные предпосылки неоклассической экономической теории, однако остается верной традиции объяснения в социальных науках на основе теории выбора» [Brinton and Nee 1998, p. 1]. В данном высказывании очень хорошо подмечена одна из слабостей функционализма Парсонса, который «просто предполагает существование институтов», но не «пытается их объяснить». Второй слабостью, а лучше сказать пороком парсоновской социологии является ее картезианская эпистемология, выражающаяся в априорно-абстрактном подходе. К сожалению не всем экономсоциологам удалось избежать этих слабостей. Однако разница между Новой институциональной экономической теорией и Новой

экономической социологией значительна. Теоретизирование относительно социально-политико-экономической реальности первой из них является совершенно басенным, если воспользоваться термином введенным А. Рубинштейном (см. первый раздел моей статьи/брошюры). Теоретизирование экономической социологии намного богаче, но это не снимает риск « попасть мимо » при построении полевых исследований на основе достаточно общих теорий, а не наоборот строить теории, безусловно контекстные, на основе полевых исследований. И именно здесь у интерпретативной институциональной экономики возникает « эпистемологический диссонанс » с экономической социологией, полевые исследования в рамках которой проходят на основе заранее разработанных « исследовательских схем », « теоретических моделей », « аналитических инструментов ». Не боясь повториться, скажу еще раз : использование априорных теоретических построений, как основы для эмпирических исследований содержит опасность направить его по ложному пути и проглядеть важнейшие для понимания изучаемого явления стороны действительности. Построение конкретных исследований, включающих как важнейший элемент полевую составляющую, должно отталкиваться от достаточно общего *видения*, о котором я говорил выше, но никак не от уже готовой *теории*. Теория, конечно не универсальная, а контекстная, должна стать результатом эмпирического исследования, а не его условием⁵⁸.

По сравнению с экономической наукой и социологией положение в новом институционализме радикально отлично в политической науке/политологии. В отличие от экономической науки, где связь с социологией была разорвана, в политической науке эта связь сохраняется и многие политологи одновременно считают себя и социологами⁵⁹, но большая часть социологов-политологов разочаровалась в социологии Парсонса. В политической науке на Западе наряду с институционализмом рационального выбора, толчок которому дала новая институциональная экономическая теория существует и процветает исторический институционализм (*Historical Institutionalism*)⁶⁰, по существу продолжающей традиции Новой немецкой исторической школы, главой которой был Г. Шмоллер. Нередко в литературе представителей этого направления западной политологии называют историко-интерпретативными институционалистами⁶¹ (*historical-interpretive institutionalists*)

⁵⁸ В своей недавней статье В.В. Радаев, блестящий знаток положения дел, как в стане экономистов, так и в стане социологов, выдвигает следующую программу борьбы с экономическим империализмом : « Мы должны *применять* свой подход, вместо того, чтобы *защищать* его » [Радаев 2008, с. 30]. Безусловно это правильно, если под словом *применять* понимается изучение действительности на базе полевых исследований, а не « построение исследовательских схем », причем таких полевых исследований, которые не отталкиваются от каких-то теорий, как это было сделано в [Радаев 2007], а наоборот, нацеленных на создание новых контекстных теоретических конструкций. В этом случае оценка российских сетевых компаний розничной торговли продовольствием возможно была бы менее оптимистичной (сравни с оценкой французских предприятий такого типа данной в [Bothorel et Sassier 2005]). Мой собственный опыт проведения месячного исследования в виде включенного наблюдения и углубленных интервью в фирме *Auchan* во Франции в 1994 году подсказывает мне, что это было бы именно так (см. раздел 5 данной статьи). Априорные теоретические категории и концепции или категории и концепции созданные для других контекстов, но априори применяемые к данному, на самом деле не « помогают нам лучше разобраться в переплетении множественных и часто противоречащих друг другу фактов и экспертных мнений », а конечно упрощая работу исследователя, создают опасность упустить что-то важное для глубокого понимания изучаемого явления/процесса.

⁵⁹ Иногда эта связь подчеркивается использованием термина « политическая социология » [Braud 1998].

⁶⁰ В своей, во многих отношениях, великолепной статье Нил Флигстин [2002] не понял кардинальное эпистемологическое отличие исторического институционализма от других « новых институционализмов ».

⁶¹ Историко-интерпретативный подход используемый в историческом институционализме не нужно путать с интерпретативным институционализмом или австрийским институционализмом Людвиг Лакмана [Foss and Garzarelli 2007], представителя австрийской экономической школы.

[Steinmo, Thelen and Longstreth 1992, p. 7]. Если в США новый институционализм в политологии разделен между течениями рационального выбора и историческим, то в Канаде господствует именно исторический институционализм ([Béland 2002], [Lecours 2005, p. 4]).

Исторический институционализм⁶² возник как реакция против анализа политической жизни в терминах групп и против структурного функционализма, который доминировал в политической науке в 60-е и 70-е годы. Исторические институционалисты⁶³ пытаются объяснить конфликты за обладание ресурсами не в терминах противостояния групп, а исходя из того, что институциональная организация политического сообщества и экономические структуры входят в конфликт таким образом, что некоторым интересам отдается предпочтение в ущерб другим. Они считают, что именно институциональная организация политического сообщества является основным структурирующим фактором коллективного поведения. Государство они рассматривают не как нейтрального арбитра между конкурирующими интересами, но как комплекс институтов, который способен структурировать природу и результаты конфликтов между группами. Большое внимание институционалисты этого направления уделяют тому как институты распределяют власть неравным образом между различными социальными группами. Вместо мира индивидов свободно заключающих контракты, они видят мир, где институты предоставляют определенным группам или интересам слишком большой доступ к процессу принятия решений. Вместо того, чтобы искать в какой мере некоторая данная ситуация выгодна всем, они настаивают на том, что некоторые социальные группы могут оказаться выигрывающими, а другие проигрывающими. Но, что действительно составляет специфику исторического институционализма, это его привязанность концепции зависимости от пройденного пути, а отсюда и неизбежной контекстности исследований. Теоретики этой школы различают в потоке исторических событий периоды непрерывности и критические ситуации, когда происходят важные институциональные изменения, своего рода бифуркации, которые корректируют траекторию исторического развития. Исторические институционалисты представляют мир более сложным, чем мир индивидуальных предпочтений институционалистов рационального выбора. В частности они уделяют большое внимание взаимосвязям между институтами, идеями и убеждениями/верованиями. Важно отметить, что интерпретативно-исторический институционализм наряду с понятиями «идеи» и «институты», активно используют понятие «интересы», просто последнее в них является равноположенным с двумя другими⁶⁴.

Среди политологов под термином политическая экономия понимаются междисциплинарные исследования, которые стремятся объяснить как политические институты, политическая среда и экономическая система влияют друг на друга. В

⁶² В своей характеристике исторического институционализма я буду следовать [Hall and Taylor 1996].

⁶³ Пионером этого направления является профессор Гарвардского университета Теда Скочпол (*Theodore Skocpol*).

⁶⁴ Примером использования одновременно всех трех понятий в институциональном исследовании может служить статья П. Холла «Движение от кейнсианства к монетаризму в британской экономической политике в 1970-е годы» [Hall and Taylor 1996, p. 90 - 113]. В 70-е годы британская экономика переживала высокую инфляцию, которая весной 1975 года достигла 25%, и одновременно общую стагнацию производства с высоким уровнем безработицы. В значительной степени движение к монетаризму было откликом на плохое функционирование экономики и неспособности кейнсианской политики исправить положение. Различие интересов относительно этих двух политик проявлялось в поддержке организациями рабочего класса кейнсианской политики, а представителями капитала, и особенно финансового капитала, монетаристкой политики.

последние годы исторический институционализм был доминирующим направлением исследований в области сравнительной, то есть межстрановой, политической экономики. Совсем недавно это лидерство стало оспариваться родственным к нему направлением получившим название дискурсивного институционализма, создателем которого является профессор Бостонского университета Вивьен Шмидт (*Vivien A. Schmidt*). Разделяя в основном исследовательские установки исторического институционализма, она все же считает, что так, как он развивался до сих пор, он не обращал достаточного внимания на идеи/убеждения и на процессы их циркуляции, то есть дискурсы. Это может не так сильно сказываться при изучении стационарных состояний, но может создать серьезные трудности при изучении институциональных изменений. В своей недавней статье [Schmidt 2008] она пытается показать, что дискурсивный и исторический институционализмы являются в значительной степени дополняющими друг друга: первый может помочь второму в объяснении динамики изменений в выявленных историческим институциональным исследованием структурах через логику коммуникаций между акторами основанную на смыслах (*meaning-based logic of communication*), а второй первому - помочь объяснить закономерности происходящие от зависимости от пройденного пути в идеях и дискурсе в различных институциональных контекстах. Исследования Шмидт направлены на понимание социально-политико-экономической реальности в Западной Европе. Одна из ее книг под названием «От государства к рынку? Преобразование французского бизнеса и государственного управления» [Schmidt 1996] посвящена исследованию, политико-экономических изменений в 80-е и начале 90-х годов. Оно было основано в частности на глубоких интервью с более, чем 40 высшими государственными чиновниками и руководителями крупнейших предприятий. В другой своей книге под названием «Будущее европейского капитализма» [Schmidt 2002] В. Шмидт показывает, что глобализация и европейская интеграция по разному повлияли на Францию, Великобританию и Германию. Они чувствовали давление в разное время, в разной степени, реагировали на них по разному и получали разные результаты. Хотя все они либерализовали свои экономики, их политики различаются, а что касается дискурсов, то они просто совсем различны. Она делает вывод что ожидать какой-то тотальной конвергенции даже между этими близкими друг другу странами не приходится.

Как видим политическая экономия практикуемая Вивьен Шмидт, как и другими историко-интерпретативными институционалистами не имеет ничего общего с политической экономией типа теории общественного выбора [Нуреев 2005]. Если создатели так называемой конституционной политической экономики видят свою задачу в том, чтобы способствовать «зарождению новой «гражданской религии»⁶⁵ <...>, которая, вполне естественным образом сосредоточит наше внимание на *правилах, ограничивающих деятельность правительств*, а не инновациях, оправдывающих все возрастающее вмешательство политиков в жизнь граждан»⁶⁶ [Бреннан и Бьюкенен 2005, с 262], то Теда Скочпол в заключении своей статьи «Почему я историко-социальный ученый» говорит: «Я – социальный ученый. Я думаю, что существует разница между наукой и нормативной работой, и хорошая социальная наука – это не совсем тоже самое, что защита и оправдание каких-то взглядов, однако эта защита/оправдание всегда может воспользоваться добротной наукой» [Skocpol 1999, p. 19]. В противоположность «философу-обществоведу» теологической ориентации

⁶⁵ «Наша нормативная роль, как философов-обществоведов, состоит в том, чтобы придать определенную форму этой гражданской религии» [Бреннан и Бьюкенен 2005, с 262].

⁶⁶ Сейчас, когда мир охвачен небывалым экономическим кризисом, вызванным дерегулированием экономики, это фраза звучит особенно абсурдно-зловеще.

Джеймсу Бьюкенену, кстати, как известно, лауреату Нобелевской премии по экономике, она видит в государстве не противника, а важного партнера бизнеса и не случайно одна из первых книг подготовленных под ее руководством называлась «Вернуть государство» (*Bringing the State Back In*), где изучалась роль государства в содействии экономическому развитию (*states as promoters of economic development*) и в структурировании социальных конфликтов (*patterning of social conflicts*). Скочпол заявляет, что никогда не чувствовала какого-либо уважения к дисциплинарным границам (*Ibid.* p. 16). Сейчас эти границы для экономической науки негласно определяются так называемым экономическим видением, что приковывает экономическую науку к теории рационального выбора. Если такое определение границ сохранится, то экономическая наука приговорена анализировать не реальные, а вымышленные миры, а реальные проблемы связанные с экономикой будут изучаться другими дисциплинами. Работы Шмидт, Скочпол и многих других⁶⁷ политологов показывает, что это уже стало реальностью.

По-видимому это становится реальностью применительно к образованию и в России. Так на факультете политологии МГИМО (У) недавно открылось Отделение экономической политологии, нацеленное на подготовку экспертов в области выстраивания и регулирования отношений бизнеса с государственной властью. Студенты специализации «экономическая политология» учатся видеть связь между политикой и экономикой. Вот, что говорит по поводу новой специализации проректор МГИМО (У) А.Д. Богатуров : «Конечно, политологу стать экономистом не проще, чем хорошему экономисту развить в себе логику политического анализа. Вопрос о взаимозаменяемости специальностей не ставится. Задача современного этапа развития страны без снижения его темпов – в формировании особого типа политолога-практика, который соединял бы в себе углубленное знание экономических проблем с безупречным владением техниками маневрирования в среде любой степени политической сложности. Именно из таких специалистов станет формироваться слой профессиональных посредников между государством и бизнесом. Воспитанные в одной традиции и работающие кто в частном секторе, а кто – в государственном, они должны быть способны говорить на одном политическом языке и быть сопоставимо грамотными в профессиональном отношении. Наличие такого слоя, так сказать, по обе стороны линии соприкосновения государства и бизнеса позволит в будущем предупреждать кризисы, подобные делу Ходорковского, и находить компромиссы бюрократии и предпринимателей не за счет, а ради национальных интересов России». [*Независимая газета*, 29 января 2008 г.] Создание учебной специализации «экономическая политология» конечно должно быть связано с возникновением одноименной научной дисциплины. А так как концепция этой специализации исходит из «реального, а не идеально-несбыточного состояния российского общества» (там

⁶⁷ В Европе к историко-интерпретативно-дискурсивному институционализму могут быть отнесены работы датского профессора экономики развития и политологии Джона Дегболя-Мартинуссена (John Degenbol-Martinussen). В своей книге «Политики, институты и промышленное развитие. Как Индия справлялась с либерализацией и международной конкуренцией» он так характеризует используемый им подход к исследованию : «Что касается метода и построения исследования отраженного в данной книге, то я пытался скомбинировать макроэкономический и макрополитический анализы с детальным изучением восприятий и откликов акторов. Это изучение было основано на рассмотрении публичных заявлений, соответствующих документов, так же как интервью с ключевыми лицами принимающими решения. Цели интервью состояли в том, чтобы попытаться определить (а) как политики разрабатывались и были применены на практике ; (b) как политики и способы их воплощения в жизнь воспринимались теми, кто был вовлечен в принятие политических и административных решений и формулирование корпоративных стратегий ; и (c) как организации и предприятия, которые они представляли реагировали на эти политики на практике. » [Degenbol-Martinussen 2001, p. 238].

же), то очень вероятно, что она естественным образом войдет в историко-интерпретативный институционализм Скочпол и Шмидт. Я думаю, что экономическая дисциплина для своего средне- и долгосрочного выживания должна порвать, как с теорией рационального выбора, так и в более общем плане с абстрактно-априорным подходом. Также должна поступить и экономическая социология. В этом случае вполне реальная опасность о которой говорит В.В. Радаев [Радаев 2008, сс. 31,32], что молодежь поступая в ВУЗы предпочтет управление, экономике и социологии может быть предотвращена, так как на самом деле молодежь по-видимому выбирает не столько между « человеком познающим » и « человеком делающим », сколько между человеком погруженным в реальный мир, будь то исследователь или управленец, и тем, кто довольствуется иметь дело с миром вымышленным.

В своей книге посвященной исследованию институциональных преобразований в сельском хозяйстве России [Yefimov 2003] я привел следующую схему институциональных изменений⁶⁸, которая была выведена мною путем анализа эмпирических данных: функционирование институтов вызывает реакции различных акторов, которые выражаются в идеологиях ; идеологии конкурируют между собой за свое влияние, и по тем или иным причинам, одна из этих идеологий определяет содержание законодательства, которое создается, чтобы решить проблемы функционирования институтов ; новое законодательство влияет на (но не определяет) функционирование институтов со старыми и/или новыми проблемами и мы возвращаемся к исходному пункту цикла⁶⁹.

Рис. 1. Треугольник циклов институциональных изменений

Законодательство не определяет функционирование институтов так как правила, лежащие в основе институтов, могут быть формальными и неформальными. Для того, чтобы понять дополняемость или несовместимость формальных и неформальных правил, нужно анализировать динамику этих связей, так как социально-экономические реальности очень инерционны [Yefimov 2003, p. 31 - 32].

⁶⁸ Эта схема была воспроизведена в моих двух российских публикациях [Ефимов 2007b], [Ефимов 2009].

⁶⁹ Этим циклам следовали институциональные изменения вызванные такими аграрными потрясениями в России, как отмена крепостного права в 1861 году, столыпинская реформа 1906 года, Октябрьская революция 1917 года, коллективизация конца 20-х - начала 30-х годов, а также пост-советские реформы 1990х годов.

Проводя это исследование, так же как В. Шмидт, я пришел к выводу о центральном месте идей и дискурсов относительно них в объяснениях институциональных изменений⁷⁰. В рамках исследования было проведено много обследований в нескольких регионах России. Только в одной Самарской области в августе-сентябре 1999 года продолжительные беседы-интервью были проведены с 53 акторами разного уровня. Тщательному анализу были подвергнуты законодательные акты и политические дискурсы (в частности аграрные программы политических партий начала и конца XX-го века и тексты статей/докладов политических деятелей). В результате сравнительного анализа аграрных институтов действующих в России в разные исторические периоды делается вывод о существовании некой особой русской аграрной институциональной системы состоящей из четырех институтов⁷¹ действующих в России начиная с возникновения Московской Руси. Базовым институтом в ней всегда было, и во многом остается и сейчас, *крестьянское хозяйство*, роль которого в советское и пост-советское время стало играть так называемое личное подсобное хозяйство. Вторым институтом русской аграрной институциональной системы является *сельская община*, которая в советское время была заменена колхозом. Институт *государственных органов территориального управления* является третьим институтом русской аграрной институциональной системы. Наконец последним, но не последним по важности, институтом русской аграрной институциональной системы было на протяжении столетий *поместье-вотчина*. В соответствии с официальной советской версией колхоз рассматривался как сельскохозяйственное кооперативное предприятие. На самом деле он не был ни кооперативом, ни предприятием, а с одной стороны был цехом районного сельскохозяйственного предприятия (государственного поместья/вотчины) во главе которого стоял первый секретарь райкома КПСС, а с другой стороны историческим продолжением сельской общины с близкими к ней функциями. В послесталинский период, и особенно с конца 60-х годов, совхоз мало чем отличался от колхоза. Все четыре вышеназванные института тесно были связаны между собой и понять их функционирование и эволюцию можно только рассматривая как они взаимодействуют друг с другом. На разных этапах своего исторического развития эта институциональная система видоизменяется сохраняя свое ядро. Проведенный анализ помог понять почему претерпели неудачи те аграрные преобразования в России у истоков которых стояла либеральная идеология и пролить свет на то, что происходит с российским сельским хозяйством сейчас. В частности он дает объяснение практически полного фиаско политики фермеризации страны проводимой российским правительством в девяностые годы и тех серьезных проблем с которыми столкнулась сменившая ее в начале XXI-го века ориентация на создание агрохолдингов.

Интерпретативная институциональная экономика⁷², как я ее понимаю, отбрасывает «объективизацию» социальной реальности. Социально-экономическая реальность, т.е. поток экономической деятельности, есть результирующая действий совокупности ее участников (акторов). Последние делятся на более влиятельных, обладающих большей властью, и менее влиятельных и конечно вес более влиятельных

⁷⁰ Результаты этого исследования опубликованы на русском языке в [Ефимов 2009].

⁷¹ Современная российская статистика сельского хозяйства выделяет три типа хозяйств: сельскохозяйственные организации, хозяйства населения (это прежде всего так называемые личные подсобные хозяйства (ЛПХ) сельского населения) и крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ). Названия двух последних типов хозяйств связаны с идеологиями лежащими в основе их законодательного закрепления. Сейчас можно констатировать, что идеологии лежащие в основе названий ЛПХ и КФХ не оправдались. Как-то не поворачивается язык назвать «подсобными» хозяйства производящие более половины валовой сельхозпродукции страны, а с другой стороны семейные высокотоварные фермы играют в современной России скорее маргинальную роль производя всего 6,4% валовой продукции.

⁷² Всякое название неизбежно условно, так как обозначение не может отражать во всей полноте обозначаемое. Это относится и к названию «интерпретативная институциональная экономика». Несколько лет я колебался какое название дать этому научному направлению между «интерпретативной» и «прагматической» институциональной экономикой. Свой доклад на конференции Европейской ассоциации эволюционной политической экономии (*The European Association for Evolutionary Political Economy, EAEP*) в 2003 году и мое выступление на Европейской школе новой институциональной экономической теории (*European School on New Institutional Economics, ESNIE*) в 2004 году я назвал «К прагматической институциональной экономике» (*On Pragmatic Institutional Economics*), однако, опасаясь бытового понимания слова «прагматическая», я стал использовать термин «интерпретативная». Для того, чтобы понять что такое интерпретативная институциональная экономика недостаточно прочесть ее название, чем по-видимому и ограничился А. Московский [Московский 2009, с. 112].

в этой результирующей выше, часто намного выше, чем менее влиятельных. Действия участников регулируются некоторыми формальными и неформальными правилами, которые в свою очередь основываются на, в основном, разделяемыми ими убеждениями/верованиями (идеями и ценностями). Более влиятельные участники экономической деятельности имеют больше возможностей, чем менее влиятельные, изменить формальные правила, скорректировать неформальные правила, и убедить менее влиятельных участников в правоте новых идей/верований и правомерности новых правил. В этом смысле можно сказать, что социально-экономическая реальность субъективна. Исследователь этой реальности должен исследуя дискурсы акторов нацелить свое внимание на то, как видят поток экономической деятельности различные ее участники, то есть каковы для них смыслы того, что происходит.

Как и политологи интерпретативно-исторического и дискурсивного направления я пришел к вышеприведенной схеме не из желания следовать каким-то исследовательским традициям прошлого, а исходя из нужды решения конкретной исследовательской задачи, которую я поставил перед собой, а именно понять и объяснить аграрные российские реальности 90-х годов XX-го века и начала XXI-го века. Разработка этой схемы не предшествовала проведению полевых исследований, а являлась результатом этих полевых исследований с одновременным изучением законодательств и дискурсов сопровождающих российскую аграрную историю, вообще говоря начиная с XVI века, но особенно подробно, начиная с реформы 1861 года. Таким образом схема не была предложена априори, а была выведена из этого исследования апостериори.

Подытоживая вышеизложенное можно сказать, что в 90-е годы XX века, под давлением необходимости решения исследовательских задач достижения понимания различных политико-экономических процессов современности и как реакция на предыдущие исследовательские практики, различные исследователи, в том числе и я, дали начало научному направлению, которое американскими политологами было названо историческим или дискурсивным институционализмом. Причем это направление соседствовало и конкурировало (достаточно успешно в политической науке, но пока не привело к возникновению какой-либо группы сторонников в экономической науке⁷³) с институционализмом рационального выбора. Новая институциональная экономическая теория, принадлежащая к институционализму рационального выбора, за последнее десятилетие стала в действительности новым мейнстримом. Однако заметим интересный факт, что один из лидеров новой институциональной экономической теории Дуглас Норт в своей последней книге [North 2005] онтологически по существу присоединился к интерпретативно-дискурсивно-историческому институционализму [Ефимов 2007а, сс. 58 - 60]. Тем самым, он практически перечеркнул почти все, что им было сделано ранее [North 1973, 1981] в рамках институционализма рационального выбора и за что он получил в 1993 году Нобелевскую премию по экономике. На мой взгляд первое, что нужно сделать российским экономистам для того, чтобы институциональное направление в их науке перестало быть модельно-басенным, это поменять свой дискурс относительно нового институционализма (*New Institutionalism*), в котором не должно быть монополии институционализма рационального выбора (*Rational Choice Institutionalism*), а нашлось бы место и историческому институционализму (*Historical Institutionalism*) и дискурсивному институционализму (*Discursive Institutionalism*), а возможно и другим видам институционализма порвавшим с абстрактно-априрным подходом.

⁷³ Мои публикации и многочисленные выступления на семинарах и конференциях во Франции и других западноевропейских странах, а также несколько выступлений в Москве в апреле 2007 года пока не привели к появлению такой группы.

4. Институциональный подход к анализу экономической науки

С профессионализацией и институционализацией экономической науки, которым уже более ста лет, академические экономисты входят в некоторые профессиональные сообщества и свои исследования проводят во вполне определенных институциональных рамках. Было бы нереалистично предположить, что ни академическое сообщество, членом которого является экономист, ни институты, в которые он погружен, не влияют на его продукцию, то есть производимые им идеи/теории. Изучение этого влияния может происходить совершенно по-разному в зависимости от того в рамках какого институционализма мы собираемся проводить исследование. Если академический экономист, то есть производитель академической продукции (публикаций) и услуг (преподавания), рассматривается как максимизатор своей выгоды, а институты в рамках которых он действует, как ограничения в оптимизационной задаче, которую он постоянно решает, то в этом случае исследование проводится в рамках институционализма рационального выбора. Как правило оно предполагает построение абстрактных моделей, предпочтительно математических, построенных на базе каких-то априорных гипотез ([Кузьминов и Юдкевич 2007], [Сонин, Хованская и Юдкевич 2008]). В этом разделе статьи я попытаюсь применить к анализу экономической науки альтернативный подход, а именно подход исторического институционализма. Как отмечалось в предыдущем разделе и как видно из самого названия этого подхода, он предусматривает рассмотрение зависимости от пройденного пути, т.е. по существу сводится к применению эволюционного институционального анализа. Анализ этот ведется на базе конкретных исторических данных, почерпанных из самых разнообразных источников⁷⁴.

В Западной Европе институт экономической науки возник под влиянием института национального университета и института национальной академии наук. Университеты появляются в XIII веке, национальные академии наук в XVII веке, а экономическая наука институционализировалась только в XIX веке. Поэтому эволюционный анализ собственно института экономической науки в каждой стране требует предварительного рассмотрения института университета и института академии наук в этой стране. Первые университеты представляли собой ассоциации преподавателей и/или студентов, имеющие свои уставы, регламентирующие их деятельность по учебе и обучению, а также выборные органы управления. Они были

⁷⁴ Подобный анализ может быть связан с новой дисциплиной под названием «Институциональная история экономической науки» (по-видимому термин *Institutional History of Economics* был впервые предложен голландкой Эстер-Марьям Сент (*Esther-Marjam Sent*)), в которой вместо истории только учений (идей), изучаемых в «Истории экономической мысли», должны ставятся вопросы как и почему те или иные авторы пришли к своим идеям/теориям, и почему на том или ином историческом отрезке, те или иные идеи/теории получают все большее распространение, а другие игнорируются большинством членов профессионального сообщества или даже придаются забвению. По существу в этой дисциплине речь должна идти об изучении социального процесса производства, распространения и поддержания экономических идей/теорий. Предмет и метод институциональной истории экономической науки существенно отличаются от предмета и метода истории экономических учений. В ней изучаются не только и не столько произведения (теории/идеи) экономистов, но и правила (формальные и неформальные) функционирования сообществ академических экономистов, а также верования (идеи и ценности) относительно своей профессии разделяемые членами этих сообществ. Информационными источниками здесь являются автобиографии, биографии, интервью, всевозможные документы отражающие функционирование экономических школ, факультетов, а также экономических ассоциаций. Изложенное в этом разделе статьи может рассматриваться как попытка внести некоторый очень скромный вклад в развитие этой дисциплины.

были нацелены на взаимопомощь, защиту от потенциальных опасностей со стороны как населения, так и властей [Charle et Verger 2007, p. 13]. Преподаваемые базовые предметы были латынь, риторика, логика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка, а венцом обучения была теология. В качестве прикладных дисциплин выступали право и медицина. Возникновение этих ассоциаций было вызвано не только общим подъемом Запада, с экономическим обновлением, ростом городов и ускорением обменов. Оно было связано с *нуждой католической церкви, гражданских властей и правящих классов* в образованных людях для ведения своих дел [ibid, p. 8, 9]. Первые университеты будучи ассоциациями, тем не менее сильно зависели от поддержки светских властей, то есть короля, но решающей была поддержка со стороны пап [ibid, p. 15] и очень скоро университеты практически полностью подчинились церкви.

В XIV и XV веках официально оставаясь учреждениями церкви университеты все больше и больше подпадали под контроль городов и государств, которые ждали от них с одной стороны подготовки грамотных и компетентных юристов для различных административных органов, а с другой стороны разработки национальной и монархической идеологии, которая сопровождала рождение современного государства. В обмен за потерю автономии университеты получали всевозможные выгоды, в том числе выплату государством заработной платы профессорам, и стали выполнять отведенную им роль обучения будущих элит, а также поддержания и укрепления установленного общественно-политического порядка [ibid, p. 19]. Каждый университет имел все или некоторые из следующих четырех факультетов : искусства, медицина, право, теология. Обучаемые дисциплины по существу остались те же, что и в XIII веке. Искусства делились на искусства слов и знаков (грамматика, то есть латынь, риторика, диалектика) и искусства вещей и чисел (арифметика, музыка, астрономия, геометрия). Точные науки преподавались в старых рамках зафиксированных Аристотелем и Птолемеем [ibid, p. 33]. Обучение медицине основывалось на римских источниках. На факультете права акцент делался на преподавании церковного права, нацеленного на усиление папской власти. Высшей дисциплиной была теология, в рамках которой, с одной стороны, изучалась и интерпретировалась библия, а с другой стороны, собственно теология находящаяся в то время под влиянием философии Аристотеля [ibid, p. 26]. В целом вся система университетского средневекового образования носила сугубо схоластический характер.

Начиная с XVI века университетской автономии приходит конец. С этого времени полностью устраняются выборные органы управления, а правила его функционирования, включая набор студентов, экзамены и содержание обучения, определяются государством. При зачислении от студентов требуют *клятвы верности принятой в королевстве религиозной конфессии* [ibid, p. 26]. Традиционно университеты упрекаются в том, что они сохранили вплоть до XVIII века устаревшее обучение основанное на старых средневековых авторитетах (Аристотель в философии, Пётр Ломбардский в теологии, Кодификация Юстиниана в праве, Гиппократ в медицине) и полностью игнорировали новаторские течения рожденные вне университета. К ним относятся учения Декарта и Ньютона, философия Просвещения, новое право и даже новые интерпретации в теологии. Правительства и церкви в XVIII веке поручали университетам стоять на страже единомыслия и бороться со всякого рода отклонениями от него. Так Сорбонна блюла интересы абсолютизма и католической церкви, а Кембриджский и Оксфордский университеты были непосредственно связаны с англиканской церковью. *Университетский диплом служил свидетельством определенной социальной принадлежности, знаком лояльности установленному политическому порядку. Настоящее образование приобреталось вне университета, в семье, в салонах, путем прослушивания частных лекций, чтения книг,*

а также непосредственно на практике в начале карьеры [ibid, p. 56]. Если некоторые университетские преподаватели или студенты и входили в число ученых и мыслителей этой эпохи, то *делали они свои открытия и разрабатывали свои труды вне университета*. Институтами в рамках которых эта деятельность осуществлялась в то время были академии и научные общества, а так же кабинеты богатых любителей науки [ibid, p. 53, 54].

В католической Франции никаких существенных институциональных изменений университета не произошло вплоть до Революции 1789 года. В консервативной Англии реформа университета также не стояла на повестке дня. Реформа института западноевропейского университета пришла из протестантской Германии. В 1810 году в Берлине был основан университет⁷⁵, который под руководством его первого ректора Вильгельма Гумбольдта в значительной степени порвал со многими традициями института средневекового университета. Этот университет стал первым так называемым исследовательским университетом, то есть одновременно учебным и исследовательским учреждением. Концепция Гумбольдта [Humboldt 1979] трактовала науку не как нечто законченное, что преподаватели должны передавать студентам, а как «задачу, которая еще не решена», и для решения которой нужно никогда не останавливать исследования. Отношения между преподавателем и студентами становятся совсем не такими, как раньше. Преподаватель теперь в университете присутствует не только и не столько для студентов, сколько все они вместе, «и преподаватель и студенты, находятся в университете для науки». Действующие исследователи, которые не являются штатными сотрудниками университета, получают право преподавать в нем. Признавая полезность борьбы и трений по научным вопросам между преподавателями университета, Гумбольдт в своем проекте оставляет право их назначения исключительно за государством, так как «университеты по своей природе (настолько) тесно связаны с интересами государства, чтобы было бы как-то по другому». На концепцию Гумбольдта оказали влияние первый проректор Берлинского университета Йоганн Фихте. По нему, назначение ученого сословия – «это высшее наблюдение над действительным развитием человеческого рода в общем и постоянное содействие этому развитию» [Фихте 2000, сс. 761, 762]. Он считал, что цель всей работы ученого в отношении общества есть «нравственное облагораживание человека» и «обязанность ученого – устанавливать всегда эту последнюю цель и иметь ее перед глазами во всем, что он делает в обществе» [Указ. соч., с. 766]. Фихте приводит слова, которые по его мнению каждый ученый должен сказать себе: «Я призван для того, чтобы свидетельствовать об истине, моя жизнь и моя судьба не имеют значения; влияние моей жизни бесконечно велико. Я – жрец истины, я служу ей, я обязался сделать для нее все – и дерзать, и страдать» [Указ. соч., с. 767]. Вторым советником Гумбольдта оказавшего на него сильное влияние был философ и профессор теологии Берлинского университета Фридрих Шлейермахер. Он также как и Фихте настаивал на необходимости нравственного совершенствования, рассматривая его как долг индивида по отношению к себе и к обществу и, одновременно, как процесс слияния индивида с Богом. Он основал новую дисциплину герменевтику, как науку истолкования текстов, как «учение об искусстве понимания» письменных документов вообще [Шлейермахер 2004], которая положила начало интерпретативной парадигме в гуманитарных науках.

О какого типа науке и исследованиях говорит Гумбольдт в своем проекте? Об этом можно легко догадаться исходя из того, что в своем проекте он считает, что «без сомнения можно доверить развитие науки исключительно университетам, при условии

⁷⁵ Решение по созданию нового университета было вызвано потерей Пруссией в результате Тильзитского мира Магдебургского герцогства с его Королевским университетом в Халле.

их надлежащей организации, и вполне обойтись без академий». Академии же в то время представляли собой организации нацеленные исключительно на экспериментальные науки. Так Лондонское королевское общество (*Royal Society of London for Improving Natural Knowledge*), основанное в 1662 году "для содействия успехам естествознания", избрало выражение "Ничего на словах" (*Nullius in verba*) своим девизом, что означало, что доказывать можно только данными научного эксперимента, а не словами научных авторитетов, в отличие от средневековой схоластической философии, для которой непререкаемыми авторитетами были Аристотель и отцы церкви, а научная истина строилась на дедуктивной логике в согласии с божественным провидением⁷⁶. Важную роль в создании Лондонского королевского общества сыграл призыв Фрэнсиса Бэкона к экспериментальному изучению природы. Общество ставило основной своей целью опытное исследование. На одном из первых собраний общества его цели были сформулированы в следующих словах: «Общество не будет признавать никаких гипотез, систем, учений натуральной философии, предложенных или признававшихся древними или современными философами..., но будет испытывать и обсуждать все мнения, никакого не принимая до тех пор, пока после зрелого обсуждения и иных доказательств, даваемых правильно поставленными опытами, не будет бесспорно доказана истинность каждого положения»⁷⁷. "Лондонское Королевское общество развития естественных наук" собрало ученых, занимавшихся новой, или экспериментальной, философией. В 1662 г. Карл II утвердил "Статут", в котором устанавливались права и прерогативы Королевского общества. Цель общества - составить "точное описание всех природных явлений" простым и лаконичным языком, близким к языку "ремесленников, крестьян, торговцев", а не языком "философов". В королевских хартиях относительно общества его существование связывается с поиском истины и подчеркивается экспериментальный характер получения знаний, которому будет способствовать общество⁷⁸. Королевское общество, так и Парижская Академия наук⁷⁹ были созданы по образцу *Accademia del Cimento* (Академия опытов)⁸⁰, основанной в 1657 г. князем Леопольде Медичи.

⁷⁶ http://dic.academic.ru/dic.nsf/latin_proverbs/1704/Nullius

⁷⁷ <http://www.biografia.ru/cgi-bin/quotes.pl?oaction=show&name=himia24>

⁷⁸ <http://royalsociety.org/page.asp?id=7483>

⁷⁹ Во Франции благодаря хлопотам министра Кольбера в 1666 г. (год правления короля Людовика XIV), была основана Парижская королевская академия наук. В знаменитом "Меморандуме", написанном Христианом Гюйгенсом для министра Кольбера, утверждается, что основным и наиболее полезным занятием членов академии должна быть "работа над естественной историей в соответствии с планом, намеченным Бэконом". Вот в основных чертах проект Гюйгенса: эксперименты с вакуумом при помощи насосов для определения веса воздуха; замер взрывной силы пороха, помещенного в закрытый железный или медный контейнер с достаточно толстыми стенками; исследование силы пара, силы и скорости ветра и изучение возможности его применения в навигации и работе механизмов; анализ "силы... движения под действием удара". Гюйгенс пишет, что есть много полезных вещей, которые остаются совсем или почти неизвестными нам, и перечисляет некоторые из них: природа тяжести, тепла, холода, света, магнитного притяжения, дыхание животных, состав атмосферы, рост растений и т.д. http://society.polbu.ru/antiseri_westphilosophy/ch49_i.html

⁸⁰ Академия опытов замышлялась для пропаганды науки и должна была способствовать расширению познаний в области физики путем коллективной экспериментальной деятельности своих членов, следуя методу, установленному Галилеем, на работы которого она прямо опиралась. Полное представление о работе Академии было дано Джованни Тарджони Годзетти в четырех томах "*Atti e Memorie inedite dell'Accademia del Cimento e notizie aneddote dei progressi delle scienze in Toscana*" («Труды и неизданные отчеты Академии опытов», Флоренция, 1780). После общего введения в «Очерках» приводится описание термометров и методов их конструирования. Затем дается описание гигрометров, барометров и способов применения маятников для измерения времени. Далее идут четырнадцать серий систематических экспериментов: исследования атмосферного давления, затвердевания, термического изменения объема,

Лондонское королевское общество с момента своего создания, как и другие академии наук того времени, функционировало не только и не столько на основе формальных правил (писанных норм), сколько в соответствии с неформальными правилами научной этики, за которыми стояла высшая ценность поиска истины. Американский социолог и историк науки Стивен Шейпин в своей книге «Социальная история истины. Благовоспитанность и наука в Англии семнадцатого века» [Shapin 1994] исследует эти правила и ценности используя биографический метод⁸¹. Центром внимания в исследовании Шейпина один из главных основателей Лондонского королевского общества Роберт Бойль, который принадлежал к старинному аристократическому роду. Как и для других членов этого одного из первых институционализированных сообществ ученых-исследователей, его присутствие в нем никак не было связано ни с какими материальными интересами. Наоборот, получив после смерти отца значительное состояние он тратил его на проведение исследований, которые носили экспериментальный характер. В изучении природы он был последовательным противником схоластической философии и давал предпочтение опыту перед умозрением, что было реакцией на прежнее схоластическое направление, так долго господствовавшее в науке⁸². Анализируя биографию Бойля и документацию Лондонского королевского общества Шейпин приходит к образу члена сообщества ученых-исследователей как джентльмена (*a scholar and a gentleman*) для которого правдивость в поиске истины и в передаче другим результатов своих экспериментальных исследований «гарантировалась нравственностью» (*underwritten by virtue*): «Джентльмены настаивали на правдивости их отношений как знак их положения и их чести. Признание правдивости джентльмена было признанием его идентичности. Свобода действий и идентичность рассматривались как условие правдивости, в то время как стеснение и нужда (*constraint and need*) признавались как почва для лживости» [Shapin 1994, p. 410]. Для них любовь к истине была даже выше репутации и славы (Ibid., p. 280). Как мы видели выше, близкие ценности для людей науки полтора века спустя проповедовал один из идеологов института исследовательского университета Йоганн Фихте.

Как видно из вышеизложенного, институт науки возникшей в виде академий не имел ничего общего с институтом университета того времени и только реформа Гумбольдта начала XIX века дала начало постепенному изменению ситуации в университетах вне Германии. Это относится и к Кембриджскому университету, где учился Исаак Ньютон. В его время «возрожденческий свежий ветер нового исследования, наука Галилея, Кеплера, Декарта еще в недостаточной степени проникли через Ла-Манш. Несмотря на влияние Фрэнсиса Бэкона, в Кембридже веяло еще средневековой теологией и схоластикой. В год рождения Ньютона появился в печати английский перевод трактата ученого кембриджца Джозефа Меде “Ключ к Апокалипсису”, в котором устанавливалась связь божественного откровения с действительной историей. В этой книге не трудно угадать прообраз будущих ньютоновских “Толкований на Апокалипсис”» [Вавилов 1945, гл. 2]⁸³. Хотя Ньютон

пористости металлов, сжимаемости воды, предполагаемой «положительной легкости», магнитов, электрических явлений, цвета, звука, движения брошенных тел. www.portal-slovo.ru/impressionism/36328.php

⁸¹ Знаменитая монография «Польский крестьянин в Европе и Америке» [Thomas and Znaniecki 1926] положившая начало интерпретативной парадигме в американской социологии была также основана на этом методе.

⁸² ru.wikipedia.org

⁸³ Текст книги Сергея Ивановича Вавилова с творческой биографией Ньютона имеется на сайте <http://vivovoco.rsl.ru/VV/BOOKS/NEWTON/>.

всю жизнь считал свою теологическую деятельность⁸⁴ не менее важной, а может быть и более важной, чем свои исследования в области естествознания, знаем мы его прежде всего как физика. Как ученому-физику ему сильно повезло, что его студенческие годы, он поступает в университет в 1661 году, совпали с первыми годами деятельности Королевского общества созданного в 1662 году. Далее его научно-исследовательская деятельность будет связана именно с ним. Под впечатлением открытий Галилея в области астрономии сделанных им с помощью сконструированным им телескопа, Ньютон-студент уже в 1664 году занят работой по совершенствованию телескопа, а в 1666 году собственноручно изготавливает для него несферические стекла. В 1671 году он посылает свой телескоп королю Карлу II, который передает его в утвержденное им несколько лет до этого Лондонское королевское общество, где он получает высокую оценку, а его изготовитель Ньютон в начале 1667 избирается членом этого общества, а с 1703 года и до конца своей жизни является его президентом [Вавилов 1945, гл.14]. По мнению С.И. Вавилова « телескоп Ньютона можно назвать увертюрой ко всей его дальнейшей деятельности. Как в увертюре, предшествующей большой музыкальной пьесе, переплетаются основные мотивы этой пьесы, так в телескопе Ньютона можно проследить истоки почти всех главных направлений его дальнейшей научной мысли и работы » (там же). Вся исследовательская деятельность Ньютона-физика проходила в институциональных рамках академии, то есть Лондонского королевского общества для содействия успехам естествознания, главной целью которого было развитие нового экспериментального метода, а потому демонстрация различных новых явлений и приборов составляло одно из основных занятий еженедельных заседаний (там же).

Если считать рождением национального сообщества экономистов возникновение соответствующего общества/ассоциации, то в Германии это произошло в 1873 году (Союз социальной политики - *Verein für Socialpolitik*), в США в 1885 году (Американская экономическая ассоциация - *American Economic Association*) и в Великобритании в 1890 году (Британская экономическая ассоциация – *The British Economic Association*, позже переименованная в Королевское экономическое общество - *Royal Economic Society*). Во Франции такого общества/ассоциации так и не возникло. Так же как и появившиеся двумя веками ранее академии наук (научные общества), такие как Лондонское королевское общество или Парижская академия наук, они представляли собой добровольные объединения лиц, но в отличии от них это были не просто те, для кого наука была страстью и никак не была связана с получением ими своих доходов⁸⁵, а те, для кого преподавание экономической науки стало профессией, а именно университетские преподаватели-профессора этой дисциплины. По существу национальные сообщества ученых экономистов возникли как сообщества преподавателей этой дисциплины в университетах страны и тем самым экономическая

⁸⁴ «Ньютон был несомненно глубоко религиозным человеком и, кроме того, ученым богословом <...> В наше время такое совмещение специальностей несомненно покажется странным; в XVII в. это было почти правилом, особенно в Англии. Бойль писал богословские трактаты и учредил особую кафедру для "научной" борьбы с атеизмом. Знаменитый математик Уоллис издал множество богословских сочинений; учитель Ньютона (в Кембриджском университете) Барроу был священником. <...> Многие ученики и друзья Ньютона были одновременно богословами. Ньютон не представлял исключения в этом смысле, тем более что и семейная обстановка (родственники - священники) располагала с ранних лет к занятиям богословием. В этом смысле богословие перешло к Ньютону по наследству и по традиции <...> Можно проследить длинную череду философов и ученых, усвоивших и развивших религиозные мысли и взгляды Ньютона в XVIII и XIX вв., поэтому с исторической точки зрения нельзя не считаться с огромным влиянием Ньютона и в этом отношении. Соединение примитивного механического материализма с деизмом стало стандартом для очень многих естествоиспытателей XIX в. Родоначальником такого мировоззрения (хотя, и в не столь грубой и примитивной форме) был несомненно Ньютон.» [Вавилов 1945, гл. 15]

⁸⁵ Для них наука была призванием, но не была профессией.

наука как институт с самого начала была привязана к институту университета. Во второй половине XIX века германские и британские университеты еще сильно различались. Первые в результате реформ Гумбольдта стали исследовательскими университетами, а вторые продолжали еще нести на себе следы господства теологии и схоластики и это непосредственно касалось политической экономии, которая рассматривалась, как часть политической или социальной философии с ее абстрактно-априорным подходом. На мой взгляд *это в решающей степени определило радикальную разницу в характере экономических наук в этих двух странах*. Что касается особенности начального этапа в формировании сообщества академических экономистов в США, то она состоит в том, что Американская экономическая ассоциация была создана экономистами прошедшими обучение в немецких университетах и благодаря этому по своей методологии были ближе к немецкой исторической школе, чем к британской неоклассической, хотя уже в следующем поколении экономистов направление влияний изменилось.

Нередко в дискурсах относительно экономической науки происходит смешение понятий нормативности и практической направленности. Так неоклассическая экономическая теория нормативна, но не имеет практической направленности. Наоборот, Новая немецкая историческая школа возглавляемая Густавом Шмоллером не была нормативной, ее даже часто обвиняют в том, что она чересчур описательна, но была непосредственно нацелена на социально-экономические реформы. На первый взгляд это может показаться даже парадоксальным. Однако такое соотношение нормативности и практической направленности в этих двух школах легко объяснимо. Для того, чтобы предложить действенную реформу нужно хорошо знать реформируемую действительность иначе имеется мало шансов на ее успех. Напротив, задача наукообразной проповеди определенной идеологии абсолютно не требует от экономической теории тесной связи с реальностью в виде ее практической направленности. В центре внимания Союза социальной политики был так называемый «социальный вопрос». Под этим термином понимались социальные проблемы индустриализации и урбанизации, вызывающие обеднение, классовые конфликты и социальный распад. В своем вступительном слове на заседании открытия Союза Шмоллер определил как основную его задачу нахождение общей среди академических экономистов позиции относительно реформы общественных отношений с последующими усилиями повлиять в соответствии с этой позицией на общественное мнение. По его мнению популярные экономические верования относительно коммерческой свободы и экономического индивидуализма могут создать скорее еще больший беспорядок, чем ожидаемое розовое будущее. Он высказал уверенность в том, что немецкое государство является в состоянии уменьшить социальное напряжение и может способствовать национальному единству. Оно должно стоять выше корыстных классовых интересов устанавливая законы, направляя администрацию и справедливой рукой защищая слабого и возвышая нижние классы [Tribe 2002, p. 10].

Союз развертывал свою работу заказывая исследования социальных проблем основанных на сборе данных для понимания общественных отношений и явлений связанных с социальным вопросом и доклады по этим исследованиям заслушивались на его заседаниях. Во многих случаях Союз получал финансовую поддержку от правительственных учреждений для сбора этих данных [Ibid., p. 12]. Среди исследуемых проблем были такие, как эффективность фабричных законов, проблемы и злоупотребления порождаемые обществами с ограниченной ответственностью, устройство органов промышленного арбитража, реформирование прямого налогообложения в интересах социальной справедливости, заводское регулирование относительно здоровья и безопасности, ответственность завода за болезнь и травмы

работников, ограничения на работу женщин и детей, регулирование ученичества, регулирование продолжительности рабочего дня, реформа торговых палат, правовая защита бастующих рабочих и профсоюзов [Grimmer-Solem 2002, pp. 184 -185]. Среди тех, кто проводил эти исследования был и Макс Вебер. Он был активным членом сообщества экономистов Новой исторической школы⁸⁶ и шмоллеровского Союза за социальную политику. Так в 1890 году под эгидой Союза он провел обстоятельное исследование, отчет о котором составлял около 900 страниц, относительно условий сельскохозяйственных рабочих к востоку от Эльбы. Позже Вебер участвовал и в других « полевых » исследованиях касающихся положения рабочих [Eliaeson, 2002, p. 89 – 91]. Немецкая историческая школа понимала под экономической наукой комплексную исследовательскую деятельность, прежде всего связанную с работой с данными, нацеленную на осмысление действительности и на ее реформирование. Для экономистов этой школы теория рассматривалась не как единственная, но как высшая форма такого осмысления. Спор о методах (*Methodenstreit*) между Г. Шмоллером и К. Менгером был по существу спором не столько о методах, сколько о характере экономической науки и ее роли в обществе. Если для Шмоллера экономическая наука была инструментом социально-политико-экономических преобразований с активным участием государства, то для Менгера, а вслед за ним и всей неоклассики, она была идеологическим обоснованием ненужности оных. Спор о методах имел своего исторического предшественника в XVII веке. Это был спор между Робертом Бойлем и Томасом Гоббсом. « Против Бойля выступил и философ Томас Гоббс (1588—1679), который не считал эксперимент методом научного исследования. По его мнению, единственным орудием науки является мышление. » [Боголюбов 1984]. Выпускник Оксфордского университета, Гоббс (1588—1679) стал классиком политической философии с ее абстрактно-априорным подходом, в рамках которой развивались и обсуждались различные социально-политические проекты. Он считал этот подход единственно возможным способом познания⁸⁷. Его последователи политэкономы, а затем и экономисты неоклассики, несколько смягчили этот взгляд на получение знаний. Они допускали применимость экспериментального метода в естествознании, но отрицали такое применение в социально-политико-экономической сфере.

Исходя из той роли, которую Г. Шмоллер играл в Союзе за социальную политику он стал « академическим импресарио выполняющим посредническую роль между академическими и правительственными институтами и, как результат этого приобрел большое влияние на назначение на должности и должностное продвижение в прусских университетах » [Tribe 2002, p. 9]. В Германии того времени, быть « экономистом » означало быть нанятым в качестве преподавателя экономики в одном из государственных университетов. Такие должности там существовали уже в XVIII веке. Преподавание экономики осуществлялось в основном студентам в области права, для которых курсы экономики были обязательными. Докторские степени были обязательны для тех, кто хотел стать университетским преподавателем, а так же играли важную роль для получения должностей в некоторых подразделениях государственной администрации, особенно в статистических учреждениях, которые возникли уже в 30-х годах XIX века. Власть профессоров как Шмоллер дополнялась определением тем диссертационных исследований для все возрастающего количества аспирантов и возможностью получения государственного финансирования для проведения

⁸⁶ В своей вводной лекции в качестве профессора экономики и финансов в Университете Фрейбурга он представился как « молодой представитель немецкой исторической школы » [Weber 1989, p. 200].

⁸⁷ Их спор прекрасно проанализирован в книге [Shapin and Schaffer 1985]. Мы вернемся к этому спору в разделе 5.

определенных частей исследований. Ничего подобного не существовало в Великобритании того времени, а возникло позже уже в XX веке [Ibid., p. 4].

В отличие от Германии, в Великобритании XIX века быть «экономистом» вовсе не означало быть университетским преподавателем экономики и это произошло потому, что в Германии термин экономист (*Nationalökonom*) был связан с преподаваемой дисциплиной, в то время как в Великобритании термин экономист означал «черту социальной и политической культуры», откуда и появление в 1843 году журнала *The Economist* нацеленного на защиту свободной торговли [Ibid., p. 4]. В середине 90-х годов XIX века в Великобритании было только два полноштатных профессора экономики: Альфред Маршалл в Кембриджском университете и Эдвард Гоннер (*Edward Gonner*) в Ливерпульском университете. Британская экономическая ассоциация основанная в 1890 году имела мало чего общего с немецким Союзом социальной политики. Все вышеназванные ассоциации экономистов, немецкая, американская и английская, издавали свои журналы, однако насколько можно судить по отчету о первом заседании Британской экономической ассоциации [The Economic Journal, March, 1891, p. 1 – 14] публикация журнала была чуть ли не единственной целью ее организации⁸⁸. Отчет о первом заседании ассоциации свидетельствует, что Альфред Маршалл был против организации специальных встреч для проведения научных обсуждений. По его мнению это может принести больше вреда, чем пользы, так на эти встречи будут приходиться те люди, у которых «время не очень ценится» [Ibid., p. 8]. В этом же духе он высказал требование о включении в устав ассоциации обязательного утверждения кандидатов в члены комитетом ассоциации [Ibid., p. 9].

Очевидно, что видение научной деятельности Альфреда Маршалла было отличным от видения не только Густава Шмоллера, но и Роберта Бойля вместе с Мишелем Вевёркой. Такое дистанцирование «экспертов» от «людей практики», то есть акторов, очень характерно для британского сообщества «профессиональных» экономистов XIX века. Уже Джеймс Милль, отец Джона Стюарта Милля, говорил, что нет худшего авторитета в любой области политической экономии, чем «чисто практические люди» (*mere practical men*) [Coats 1993 p. 402]. Все это согласуется с тем, как Маршалл повлиял на дисциплину экономической науки. С одной стороны он сохранил в целостности традиционный для британской политической экономии абстрактно-априорный подход четко сформулированный Дж.С. Миллем в его статье «Об определении предмета политической экономии; и о методе исследования, свойственном ей»⁸⁹: «В определении науки политической экономии, которое мы попытались очертить, мы охарактеризовали ее как преимущественно *абстрактную* науку и ее метод как *априорный* метод (*the method à priori*)⁹⁰. Таков без сомнения ее характер в понимании и учении всех наиболее известных выдающихся учителей. Рассуждения в ней производятся и, на чем мы настаиваем, должны производиться на основе предпосылок, а не на основе фактов»⁹¹ [Mill 1994, p. 56]. С другой стороны интегрируя маржиналистскую революцию в свою «экономикс» он сузил предмет дисциплины устранив из нее такие беспокоящие (*troublesome*) вопросы, как

⁸⁸ Очевидно в это время уже предполагалось, что университетские преподаватели-профессора-экономисты должны производить научные публикации.

⁸⁹ [Милль 2007, с. 985-1023].

⁹⁰ Для Милля моделью для политической экономии служит геометрия, а невозможность применения экспериментального метода в этой науке он «доказывает» апеллируя к понятиям научного закона, причинно-следственных связей и полностью контролируемого эксперимента. Конечно в его время интерпретативный подход еще не существовал при котором целью исследования является не поиск причинно-следственных связей, а истолкование, интерпретация действий людей.

⁹¹ Перевод мой (В.Е.)

распределение доходов и богатства, структура власти и социальная справедливость [Coats 1993, p. 396].

Направленность британской традиции в политической экономии, а затем и в экономике на абстрактно-априорный подход выводится на мой взгляд из глубоких *теологических традиций английских университетов*. Значительную часть времени их долгой истории они были нацелены на подготовку *священнослужителей* и это не могло не отложиться на них отпечатка. Это продолжалось сказываться и на пересечении XIX и XX веков, когда британская экономическая наука начала процесс своей институционализации. Кратко проследим это влияние на центральное лицо в этом процессе институционализации, Альфреда Маршалла⁹². Отец Альфреда, кассир в Английском банке, будучи выходцем из клерикальной семьи, предназначал его на путь священника протестантской церкви. Для этого он с раннего детства заставлял своего сына штудировать древние языки, в том числе и иврит, для того чтобы читать в подлиннике священные тексты, однако Альфреду эти занятия не очень нравились, его влекла больше математика. Поступив в колледж Сент-Джон Кембриджского университета⁹³ Маршалл реализовал свои честолюбивые устремления заняв второе место по математике и тут же был принят в аспирантуру, желая посвятить себя изучению молекулярной физики. Однако под влиянием дискуссий имевших место в Кембридже довольно скоро он изменил свои планы. «Его стремление изучать физику было (по его собственным словам) пресечено внезапным пробуждением в нем глубокого интереса к философским основаниям знания, особенно в связи с теологией. Когда Маршалл был на последнем курсе в Кембридже, предпочтение, которое он отдавал математике перед древними языками, отнюдь не помешало ему сохранить прежние религиозные верования. Он все еще думал о посвящении в сан и временами даже мечтал стать миссионером в далеких странах. “Миссионером” он остался навсегда, но после недолгой борьбы с самим собой он отбросил свои религиозные верования и превратился в то, что обычно называли агностиком <...> На склоне лет он говорил, что “религию я воспринимаю как склад ума” и что, хотя он отверг теологию, он все более и более верил в религию» [Кейнс 1993, с. 7].

Познакомившись с трудами Рошера, Маркса и Лассаля, «он решил ближе ознакомиться с практическим бизнесом и с жизнью трудящихся классов, <...> установить контакты с лидерами профсоюзов, кооперативов и других групп трудящихся. Однако понимая, что изучение практической жизни и труда людей не принесет конкретных результатов в течение многих лет, он решил заполнить это время написанием отдельной монографии или специального трактата о внешней торговле, так как основные факты относительно этой отрасли хозяйства можно почерпнуть из публикуемых документов <...> Роковым оказалось решение Маршалла отказаться от плана написать серию монографий по отдельным экономическим проблемам в пользу создания всеобъемлющего труда, который должен был родиться целиком и полностью в голове экономического кудесника» [Указ. соч., с. 16, 17]. Таким образом, хотя такие авторы как Рошер, Маркс и Лассаль и толкали Маршалла на *изучение реальности нацеленное на решение конкретных экономических проблем*, он вскоре от этого отказался, так как понял, что на этом пути быстрых результатов не получить. Маршалл

⁹² В качестве источника я использую в основном биографию Маршалла написанную его знаменитым учеником [Кейнс 1993].

⁹³ До сих пор (2009 год) целями этого колледжа зафиксированными в его уставе являются содействие образованию, религии, изучению и исследованию. Обращаю внимание читателя, что религия стоит на втором месте, а исследование на четвертом, последнем. (“The aims of the College, as specified by its Statutes, are the promotion of education, religion, learning and research.”) http://en.wikipedia.org/wiki/St_John%27s_College,_Cambridge

был сильным математиком, но слабым философом. В области методологии он шел на поводу у Дж.С. Милля, а в области экономической науки развивал и синтезировал теории, которые были созданы до него [Автономов и др. 2008, с. 256]. Маршалл только начинал свою деятельность в качестве экономиста, а Милль и Рикардо уже безраздельно господствовали в экономической теории. Его экономические исследования начались в 1867 году, когда все еще давая частные уроки по математике, он перевел довольно много положений Милля и Рикардо на язык математики, прежде всего используя графические методы [Кейнс 1993, с. 14, 15, 17].

Ниже я привожу признания Милля и Маршалла с тем, чтобы читатель сам смог их проинтерпретировать. Моя же интерпретация их такова: Альфред Маршалл посвятил свою жизнь развитию теологии светской утилитаристской религии, доставшейся ему в наследство от Дж.С. Милля, в которой он теологически пытался доказать правомерность существовавшего общественного порядка.

Дж.С. Милль в своей автобиографии рассказывает какое решающее влияние произвели на него труды Иеремия Бентама: « На каждой странице (его трактата о законодательстве) он открывал ясную и широкую концепцию того какими должны быть человеческие мнения и институты <...> Когда я закрыл последний том его трактата, я стал другим человеком. “Принцип полезности”⁹⁴ понимаемый, как его понимал Бентам, <...> стал краеугольным камнем, который соединил вместе разрозненные части моих знаний и верований <...> Сейчас у меня были вера, доктрина, философия, и, в самом лучшем смысле этого слова, религия, внушение и распространение которой могло бы стать основной зримой целью жизни <...> Я должен упомянуть также (его) книгу “Анализ влияния естественной религии на мирское счастье человечества”. Это было изучением не истины, а полезности религиозной веры, в самом широком смысле, вне частностей какого-то отдельного Откровения. Это была книга, которая (вслед за его трактатом о законодательстве) произвела на меня наибольший эффект. » [Mill 2008, p. 40, 42]. По свидетельству Дж.М. Кейнса Маршалл никогда не отклонялся от утилитаристских идей, которые господствовали среди экономистов предшествующего ему поколения. Следующие отрывки из воспоминаний Маршалла дают ключ к пониманию того, с какими мыслями он пришел в экономическую науку и как он видел свою роль в ней: « От метафизики я перешел к этике и считал, что трудно оправдать нынешние условия жизни общества. Один мой друг, весьма начитанный в области, которую теперь называют наукой о морали, постоянно твердил мне: “Ах, если бы ты разбирался в политической экономии, ты бы так не считал”. Тогда я прочитал “Политическую экономию” Дж.С. Милля, и она произвела на меня глубокое впечатление. У меня возникли сомнения в правильности тезиса о неравных возможностях, противопоставляемого тезису о материальном достатке. Поэтому я во время каникул посещал беднейшие кварталы ряда городов, обходил одну улицу за другой и всматривался в лица самых бедных людей. В результате я решил как можно обстоятельнее изучить проблемы политической экономии. <...> Примерно в 1867 году, когда я преподавал математику в Кембриджском университете, (я задался вопросом) в какой мере условия жизни британских (и иных) трудящихся классов удовлетворительны, чтобы обеспечить им полноту жизни? Люди постарше и мудрее говорили мне, что производственных ресурсов не хватает для того, чтобы огромная масса людей могла пользоваться свободным временем и возможностями для получения образования; и они говорили, что мне необходимо изучить политическую экономию. Я последовал их совету и счел себя лишь временным путешественником в стране сухих фактов, которому затем очень скоро следует вернуться в богатый мир чистой мысли » [Кейнс 1993, с. 9, 10].

Итак, молодой Альфред Маршалл оказался очень недолгим «временным путешественником в стране сухих фактов», он оставил идею ознакомления с практическим бизнесом и с жизнью трудящихся классов, установления контактов с лидерами профсоюзов, кооперативов и других групп трудящихся понимая, что изучение практической жизни и труда людей не принесет конкретных результатов в течение многих лет, и поэтому следует вернуться в «богатый мир чистой мысли». Таким образом колеблющийся между ролью «философа-математика» и «антрополога-историка» Маршалл выбрал первую, так как вторая не принесет конкретных результатов в течение долгого времени, что для молодого

⁹⁴ Бентам в своих трудах дает многочисленные формулировки этого принципа, но в конечном счете он сводится к требованию максимизации удовольствия и минимизации страданий [Cléro et Laval 2002, p. 54].

университетского преподавателя-исследователя, в условиях произошедшей институционализации экономической науки в Англии, могло оказать негативное, а может быть и роковое влияние на его академическую карьеру. Отсюда можно предположить, что в его ценностной структуре «служащий» явно доминировал над «любопытным альтруистом». Безусловно, утилитаристские идеи Дж.С. Милля, а также его определение экономической науки как абстрактной, использующей априорный метод, сильно помогли ему в этом легитимизируя такую позицию.

Роль Милля как виновника нынешнего положения экономической науки ставшей по существу теологией некой мирской религии трудно переоценить. Это он в своей «Системе дедуктивной и индуктивной логики и связанными с этим взглядами на принципы очевидности и методы научного исследования» [Mill 1886] усилил существовавшее со времен античности представление о дедуктивной и индуктивной логике, как основы мышления⁹⁵. Сделав известными позитивную философию Огюста Конта в англоязычном мире [Милль 2007], Милль в тоже время искажил ее, усилив уже существовавшие в ней ее картезианские черты (причинность, неизменные законы, невозможность сбора фактов без теории). Он создал теорию замены моделью реальности, отождествляя манипуляцию с моделью с реальностью. Эту мысль он взял из классической физики, придав универсальность этому подходу игнорируя, что в такой физике рассматривались простые системы и, что даже для них, отождествлению модели с реальностью предшествовал сложный комплекс взаимодействия наблюдений, экспериментирования и математического моделирования, в том числе многие предположения были результатом наблюдений. Очень характерна известная фраза высказанная Ньютоном по этому поводу: «Гипотез я не выдумываю» («*Hypotheses non fingo*»). Адам Смит развивал свою политическую экономию как политическую или социальную философию без особых претензий на ее сравнение с естествознанием. Невидимая рука у Смита, глубоко верующего человека, это – Провидение. В этом он следовал духу его времени, ведь даже у Бойля и Ньютона научное исследование было не чем иным, как раскрытием замысла Божьего и тем самым ученые были мотивированы тем, что способствовали своему, а вместе с тем и человечества, приближению к Господу. В отличие от Смита оба Милля, и отец и сын, не разделяли христианскую доктрину. Милль-отец получил теологическое образование в одном из английских университетов, но потеряв веру, никогда не работал священником, не был он и академическим работником. Милль-сын никогда ни в каком учебном заведении не учился и не работал, а также как и его отец зарабатывал на жизнь работая в одной из торговых компаний. Отец был единственным учителем сына с трехлетнего до зрелого возраста. Деятельность отца и сына как мыслителей была никак не была связана с

⁹⁵ Когнитивная наука, которая сделала особенно за последние десятилетия значительный прогресс, экспериментально установила, что в основе нашего мышления лежит не логика (дедукция, индукция), а другие процессы. Так, Джералд Эдельман американский биохимик, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине, автор многих книг посвященных исследованию работы мозга, считает, что «мозг функционирует прежде всего не столько на основе логики, сколько на базе распознавания образов (*pattern recognition*)» [Edelman 2006 p. 58]. Американский когнитивный психолог Ф. Джонсон-Лейерд, который один из первых использовал понятие ментальных моделей [Johnson-Laird 1983], исследовал, в том числе и экспериментально, как человек осуществляет дедуктивные и индуктивные выводы. Он пришел к выводу, что, в отличие от того, что думали, следуя древним грекам, философы эпохи Просвещения, не существует так называемых «законов мышления», которые выражаются в явном виде в формальной логике и вероятностном исчислении и которым люди следуют осуществляя умозаключения [Johnson-Laird 2006, p. 415, 417]. Исходя из его теории, эти умозаключения происходят на основе ментальных моделей портретного (*iconic*) типа, которые являются репрезентациями структур соответствующих структурам мира (Ibid., p. 418). См. мой обзор достижений когнитивных наук в [Ефимов 2007b, с. 21 - 24].

получением каких-либо доходов. Но если для отца, как для Смита, статус политического философа был вполне приемлем, то для Милля-сына был необходим авторитет науки равнопорядковой с естествознанием. В этом отношении очень характерна история критики одного из трудов отца одним из сторонников использования эмпирического метода в рассмотрении политических явлений. Отец отреагировал фразой: « Я не писал научный трактат о политике, я просто приводил аргументы в пользу парламентской реформы » [Mill 2008, p. 87]. Милль-сын счел неправильной реакцию своего отца на эту критику. По его мнению отец не должен был соглашаться с ненаучностью своего труда и именно это побудило сына заняться разработкой его « Системы логики ». В ней он заимствовал элементы дискурса современного ему естествознания, но *при этом он отбрасывал его основу*, а именно его экспериментальное начало. Ему удалось убедить общество, что абстрактно-априорный подход в обществознании имеет тот же статус научности, что и само естествознание и тем самым он придал силы использовать этот подход таким молодым людям, как Маршалл в эпоху затухания влияния традиционных религиозных чувств. К сожалению, его искаженное представление о науке продолжает влиять на умы и в наши дни.

Однако не все британские экономисты современники Маршалла пошли по пути предначертанным Дж.С. Миллем. Среди них выделялся экономисторик Уильям Каннингем⁹⁶ (1849 – 1919). В своей статье « Почему у Рошера так мало влияния в Англии ? » опубликованной в « Анналах американской академии политической и социальной науки »⁹⁷ он дает объяснение засилья в британской экономической науке априорно-абстрактного подхода. Причину этого он видит в том, что в основу институционализации экономической науки в Англии было заложено миллевское понимание этой науки. Хотя книги Рошера и Милля вышли в течении одного и того же десятилетия, они, по его мнению, дали совершенно разные направления развитию экономической науки в своих странах. Книга Рошера, как он считает, дала толчок истинной революции в экономической науке, а именно немецкие экономисты стали « наблюдать и изучать реальные экономические условия общества в прошлом и настоящем, а не просто формулировать гипотетические принципы, которые только дилетант-лжеученый (*the sciolist*) способен превратить в готовые рецепты устранения любых недугов социальной жизни [Cunningham 1894, p. 318]. В отличие от немцев, которые уделяли большое внимание изучению прошлого, сбору данных, « Милль совсем не интересовался прошлым и сравнительно мало деталями современного опыта. Его взгляд был направлен в будущее <...>, в некоторое стационарное состояние и это не стимулировало ни наблюдений, ни исследований » [Ibid, p. 318]. В другой своей статье Каннингем критикует Маршалла, найдя много ошибок в анализе исторических явлений в его книге « Принципы экономической науки » и указывает на методологический источник этих ошибок, а именно попытку формулирования универсальных « принципов » верных для всех времен и народов, и в этом случае на экономическую историю нужно смотреть просто как на иллюстрацию реализации этих « принципов » [Cunningham 1892b, p. 493]. А вот, как он описывает механизмы функционирования института экономической науки, как он сложился в

⁹⁶ Многие труды этого автора были перевеены на русский язык : Современная цивилизация в некоторых ее экономических проявлениях. Киев; Харьков: Ф.А.Иогансон, 1898 ; Основные черты современной цивилизации. Харьков: В.Н.Головкин, 1899 ; Западная цивилизация с экономической точки зрения. В 2-х т. М.: А.И.Мамонтов, 1902–1903 ; Рост английской промышленности и торговли. Ранний период и средние века. Пер. с 3-го англ. изд. М.: С.П.Яковлев, 1904 – 1909 ; От чего зависит вздорожание жизни. Роль продавца и покупателя. Киев: П.И.Бонадурер, Ф.А.Иогансон, 1916.

⁹⁷ Очень показательно, что эта критическая статья была опубликована в США, а не в Англии, где у автора по-видимому были проблемы с ее публикацией. Правомерность этой гипотезы будет видна из последующего изложения.

Великобритании конца XIX века: «Те, кто выберут отказ от конформизма по отношению к господствующей моде в сообществе, где они живут, должен ожидать изгнания из него, а тирания интеллектуальной моды еще более надменна, чем на Бонд Стрит и Сэйвил Роу⁹⁸. Любой, кто отказался бы в Англии следовать экономической моде последних лет должен был бы иметь много помех в проведении своих собственных исследований, а также в руководстве исследованиями других; учебные комитеты будут осуществлять по отношению к нему въедливый контроль, а редакторы и издатели рассматривать их рукописи с подозрением. Это естественная судьба тех, кто не плывет по течению. Английским экономистам представителям реалистической школы не нужно жаловаться, когда им создают препятствия в их работе и каналы для публикации для их трудов закрыты» [Cunningham 1894, p. 327]. Уильям Каннингем был не в состоянии как то повлиять на учебный и исследовательский процесс в области экономики и он нашел для себя убежище в дисциплине экономической истории, в конечном счете создав в 1926 году Общество по экономической истории [Tribe 2002, p. 3].

Альфред Маршалл был истинным архитектором института экономической науки в Англии. Когда он в 1885 году стал профессором политической экономии в Кембриджском университете, эта дисциплина в Англии находилась в удручающем состоянии. Репутация ее была низка в частности из-за острых разногласий ведущих авторов в этой области. В университетах было мало возможностей для преподавания и исследований, политическая экономия занимала очень мало места в учебных планах, в котором «все еще доминировали античная классика и теология». Экономическая дисциплина практически не присутствовала в списке экзаменов, а преподавалась профессорами, интеллектуальные интересы которых концентрировались на других дисциплинах. [Coats 1993, p. 106]. Маршалл разработал и ввел университетский унифицированный экзамен по экономической теории, тем самым все студенты пропускались через чистилище неоклассической доктрины. Экзаменационная система по экономикс служила той силой, которая удерживала эффекты «дезинтеграции классической догмы» [Ibid, p. 120]. Это он ввел правило в соответствии с которым к эмпирическим исследованиям допускались студенты только имеющие уже степень бакалавра и тем самым работа с данными канализировалась в соответствии с неоклассической теорией [Ibid, p. 111]. Маршалл нарочито и успешно оберегал своих студентов от методологических разногласий, которые мучили экономистов его поколения, и способствовал возникновению духа непрерывности поколений, уважения и верности авторитетам прошлого. Половина экономических кафедр в Великобритании было занято учениками Маршалла, а его влияние на систему экономического образования в этой стране простиралось и еще шире [Ibid., p. 107 - 109]. В течении четверти столетия, он, без сомнения, мог повлиять на большую часть назначений на должность преподавателей экономикс в Англии [Ibid, p. 121].

Итак, в Великобритании конца XIX века стараниями Маршалла был дан старт институту экономической науки основанной на неоклассической экономической теории с ее абстрактно-априорным подходом. Практически в то же самое время (десятиком лет ранее) в Германии стартовал институт совершенно другой экономической науки, которую, пользуясь терминологией Огюста Конта, в отличии от первой, которую он назвал бы абстрактной или метафизической, можно назвать научной или позитивной. Такая экономическая наука в Великобритании так и не возникла, а в Германии ее конец непосредственно связан с приходом к власти

⁹⁸ Две знаменитые торговые улицы Лондона.

нацистов, которые в 1936 году распустили Союз социальной политики (*Der Verein für Socialpolitik*)⁹⁹, ее институциональное ядро.

Но вернемся в конец XIX века. В это время профессионализация и связанная с ней институционализация экономической науки активно развивалась за океаном в США. И здесь возникает уникальная и крайне интересная ситуация институционализации перенесенных из Европы в эту страну *двух образцов экономической науки*, а именно английской и немецкой. В США в это время имеется два типа университетов. С одной стороны это университеты доставшиеся США в наследство от колониального периода, когда территории на которых возникла эта страна были просто заморскими территориями Великобритании. Эти университеты естественно создавались по образцу британских университетов. С другой стороны после обретения независимости в США возникают новые университеты, которые в XIX веке создавались сразу как исследовательские университеты имеющие в качестве образца немецкие университеты. К первому типу американских университетов относится *Гарвардский университет*. Основанный в 1636 году, он является старейшим высшим учебным заведением страны. Сначала он был конгрегационалистским¹⁰⁰ учебным заведением и в течении многих лет готовил священнослужителей. Свое название, сначала как Гарвардский колледж (1639), а затем и как Гарвардский университет (1780), он получил в честь молодого священника Джона Гарварда, который пожертвовал ему свою библиотеку в 400 книг и 779 фунтов стерлингов. Постепенно из университета выделялись специализированные факультеты. В настоящее время Гарвардский университет состоит из 9 факультетов, одним из первых из которых был богословский (*Harvard Divinity School*, 1816). В нем проходят подготовку как будущие священники, так и светские специалисты в области религий ("*religious studies*"). *Университет Джона Хопкинса*, открытый в 1876 году, является первым американским университетом созданным в соответствии с немецкой моделью исследовательского университета, связанной с именами Вильгельма Гумбольдта и Фридриха Шлейермахера. Университет назван в честь Джона Хопкинса, который пожертвовал на его создание 3,5 млн. долларов¹⁰¹. На церемонии открытия университета его первый ректор Дэниэл Гилман определил его цель следующим образом: "Поддержка исследований ... и продвижение ученых, которые своим мастерством продвигают науки, которыми они занимаются, и общество, в котором они живут"¹⁰². Гилман полагал, что обучение и исследование являются взаимозависимыми, что успех в одном зависит от успеха в другом¹⁰³. Читатель наверное уже догадался какой университет станет цитаделью неоклассической экономикс и какой откроет дверь для научного, основанного на опыте и эксперименте, подхода в экономических исследованиях в Америке.

⁹⁹ Союз возобновил свою деятельность через 12 лет в ФРГ, однако это была по существу другая организация в другой стране. Военное присутствие США в ФРГ и СССР в ГДР, по моему мнению определили типы экономических наук в этих странах, а именно неоклассическую экономическую теорию в одной и марксистскую политическую экономию в другой.

¹⁰⁰ Конгрегационалисты (*Congregational church*; индепенденты) — левая ветвь английского кальвинизма, утверждавшая автономию (*Independence*) каждой приходской общины (*Congregation*).

¹⁰¹ Джон Хопкинс был банкиром, владельцем железнодорожного и судоходного транспорта. Он занимал 69-е место среди 100 самых богатых людей Америки того времени. Сумме, которую он пожертвовал, 7 млн. долларов на университет и больницу названных в его честь, соответствует 131 млн. долларов в масштабе 2006 года.

¹⁰² "The encouragement of research...and the advancement of individual scholars, who by their excellence will advance the sciences they pursue, and the society where they dwell."

¹⁰³ <http://ru.wikipedia.org>

Фрэнк Уильям Тауссиг (*Frank William Taussig*) (1859 —1940) не был включен М. Блаугом в число ста великих экономистов до Кейнса [Blaug 1986], однако эта оценка не соответствует его влиянию на эволюцию институционализированной экономической науки в США, а так как после Второй мировой войны она стала доминировать на Западе, то следовательно такая оценка не соответствует его роли в мировом развитии этой дисциплины¹⁰⁴. Тауссиг окончил Гарвардский университет и проработал в этом университете профессором всю свою жизнь. Его рассматривают как “американского Маршалла”, который благодаря своему положению в Гарвардском университете, своему знаменитому учебнику 1911 года и контролю на протяжении 40 лет журнала *Quarterly Journal of Economics* (он был главным редактором журнала с 1889 по 1890 и с 1896 по 1935) способствовал распространению Кембриджской версии неоклассики в Соединенных Штатах¹⁰⁵. Тауссиг, за исключением двух лет (1917-1919), когда он служил советником в правительстве Президента Вудро Вильсона (*Woodrow Wilson*), возглавлял почти 50 лет (1885 – 1935) кафедру экономики Гарвардского университета¹⁰⁶. Сменил его на этом посту Джозеф (Йозеф) Шумпетер. Фрэнк Тауссиг был в 1904-05 гг. Президентом Американской экономической ассоциации, но не он стал ее создателем, им был Ричард Эли (*Richard Theodore Ely*, 1854 - 1943).

В отличие от Тауссига, Эли был включен Блаугом в его список « ста великих ». В своей краткой профессиональной биографии Ричарда Эли Блауг достаточно хорошо излагает его историю как последовательность событий, однако моя интерпретация этой истории будет совсем другой. В 1876 Эли завершает свою трехлетнюю учебу в Колумбийском колледже, в котором основное внимание уделялось античной классике и математике, а вопрос об академической свободе, свободе думать и свободе выражать свои мысли, даже не ставился [Ely 1938, p. 124]. Годом позже он уезжает на три года в Германию учиться в аспирантуре. В Халле он встречает своего соотечественника и будущего друга Симона Петтена, который представляет его своему профессору Йоханну Конраду, организатору шмоллеровского Союза за социальную политику (*Verein für Sozialpolitik*) и главного редактора влиятельного журнала *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*. Колеблясь в выборе специальности между философией и экономикой, молодой Эли делает выбор в пользу последней под влиянием лекций Конрада. В 1878 году он прибывает в Хайдельберг для обучения в аспирантуре под руководством Карла Книса и через год получает степень доктора (Ph.D). Как он впоследствии вспоминает, в своей преподавательской деятельности уже в Америке он активно использовал книги и конспекты лекций Книса [Ibid., p. 124]. От него и других немецких экономистов он усвоил « действительно научный подход » (*a fundamentally scientific approach*) при котором относительность и эволюция играют важную роль. Этот подход отвергает, что одна и та же политика является хорошей во все времена и применительно ко всем странам и тем самым полностью отмежевывается от догматической английской экономики [Ibid., p. 58]. Под влиянием Книса он понял также, что центром всякого экономического исследования должен быть человек, а не абстрактные механические законы [Rader 1966, p. 13].

¹⁰⁴ Косвенно его значение в экономической науке подтверждается современным переизданием многих из его книг, в том числе и его двухтомного учебника «Принципы экономической науки» (*Principles of Economics*, 1911), выпущенный разными издательствами в 2000 и 2003 годах. Далекое не все 100 экономистов из списка Блауга удостоены такого внимания.

¹⁰⁵ “He has come to be regarded as the "American Marshall", not only for his affinity to the doctrines of Alfred Marshall, but also for his highly influential role in American economics. Taussig's prime position at Harvard, his famous 1911 textbook and his control of the *Quarterly Journal of Economics* helped spread his version of Cambridge Neoclassicism throughout the United States”. http://en.wikipedia.org/wiki/Frank_William_Taussig

¹⁰⁶ http://en.wikipedia.org/wiki/Frank_William_Taussig

С 1881 по 1892 годы Эли преподает в Университет Джона Хопкинса. Время работы в этом университете было самым плодотворным для Эли, но в тоже время самым трудным периодом его карьеры. Дело в том, что единомышленники Тауссига в американских университетах составляли абсолютное большинство. Со своей приверженностью идеалам и подходам Немецкой исторической школы Эли постоянно подвергался нападкам, да и при господствующем общественном мнении относительно характера экономической науки не все студенты правильно воспринимали его критику априорно-абстрактного подхода и его изложение альтернативных подходов немецких экономистов [Ibid., p. 29]. Уже на второй год своего пребывания в Университете Джона Хопкинса он выступает на университетском семинаре с полемическим докладом «Прошлое и настоящее политической экономии», в котором он резко критикует классическую парадигму в экономической науке. Позднее он публикует расширенный текст этого доклада в виде брошюры, которую он завершает следующими словами: «Исторический метод в политической экономии не может привести к *доктринерским* крайностям. В его основе лежит эксперимент; и если даже какой-то сторонник этой школы верил бы в социализм как конечную форму общества, он бы стоял за медленный поход к тому, что он считает лучшей организацией человечества. Если эксперимент показывает ему, что реализация его идей ведет к злу, он бы призвал к его остановке. Продвижение вперед должно идти шаг за шагом с тем, чтобы имелась возможность наблюдать эффекты данного курса действий. Новая политическая экономия больше не позволяет науке быть использованной как орудие в руках жадных и алчных для подчинения и угнетения трудящихся классов. Она не признает ни *laissez-faire* в качестве оправдания отсутствия действий, когда народ голодает, ни вседостаточности конкуренции как предлога для изнурения бедных. Она означает возврат к великому принципу здравого смысла и христианского наставления. Любовь, великодушие, благородство характера, самопожертвование и все то, что есть лучшего и самого правильного в нашей природе, должно найти свое место в экономической жизни.» [Ely 2005, p. 64].

Ректор университета Дэниэл Гилман был обеспокоен появлением в прессе резкой критической реакции на эту публикацию Эли. К счастью один из членов попечительского совета университета успокоил ректора объяснив ему, что критика проистекает от сторонников *laissez-faire*. Однако вскоре с письмом по поводу брошюры Эли к ректору обратился высокоуважаемый математик Саймон Ньюкомб (*Simon Newcomb*)¹⁰⁷, сотрудничающий с навигационным отделом Министерства военно-морского флота¹⁰⁸. В этом письме он писал: «Кажется несколько несуразным видеть такую уничтожающую и массивную атаку на введение любого рационального или научного метода в экономике исходящей из университета, другие специальности

¹⁰⁷ Учился в Гарварде (*Lawrence Scientific School of Harvard University*). В 1861-1877 профессор математики в Морской академии и астроном-наблюдатель Морской обсерватории в Вашингтоне. В 1877-1897 руководитель Американского морского астрономического ежегодника («*Nautical Almanac*»). Преподавал математику и астрономию в университете Джона Хопкинса. Познакомившись с трудами Курно и Джевонса стал заниматься также применением математических методов для построения экономических теорий и опубликовал в этой области две книги: «Метод и предмет политической экономии» (*The Method and Province of Political Economy*, 1875) и «Принципы политической экономии» (*Principles of Political Economy*, 1885). Последняя из названных книг была очень положительно оценена Дж.М. Кейнсом. Саймон Ньюкомб входит в список «ста великих экономистов до Кейнса» по версии М. Блауга. http://en.wikipedia.org/wiki/Simon_Newcomb.

¹⁰⁸ Наверное сотрудничество выдающихся американских экономистов-математиков с военными ведомствами является традиционным, так как Анобелевский лауреат по экономике Кеннет Эрроу долгое время был сотрудником оборонного научно-исследовательского института *RAND corporation* [Окрепилов 2007, с.124, 125].

которого продвинулись в противоположном направлении <...> Я никогда не был в состоянии увидеть большую разницу между возражениями против политической экономии выдвигаемых с точки зрения новой школы и общими возражениями публики относительно ценности теоретической науки.» [Rader 1966, p. 32] Война между Эли и Ньюкомбом продолжалась еще немало времени. Студенты Эли выступали в его защиту боясь, что Ньюкомб вынудит Эли уйти в отставку, что уже случалось в других университетах, однако Эли сам тоже не оставался в долгу и после выхода в 1885 году книги Ньюкомба «Принципы политической экономии» публично разгромил ее на университетском семинаре [Ibid., p. 32, 33]. Атаки на Эли прессы и Ньюкомба были не самыми большими испытаниями, которые пришлось ему пережить, позже уже в Висконсинском университете в 1894 году он станет предметом специального разбирательства в попечительском совете университета его исследовательской и преподавательской деятельности, по существу процесса с присутствием адвокатов со стороны обвинения и защиты. Он был обвинен в распространении социалистических и других «опасных теорий» и поддержке забастовок и бойкотов организованных профсоюзами. В конечном счете Эли был оправдан и это оправдание стало знаменитым и широко комментируемым, вплоть до наших дней, прецедентом укрепления в США института академической свободы ([Ely 2005, p. 218 - 233], [Rader 1966, p. 130 - 158] [Schilabach 1963 - 1964]). Однако все это не могло не сказаться на профессиональной деятельности Эли, взгляды которого после этого инцидента приняли более консервативный характер [Rutherford 2005, p. 4].

Английский историк, методолог и социолог экономической науки Боб Коутс дает следующее объяснение наличия в то время подобных атак на таких экономистов как Эли : « Легко понять почему переключение внимания с обучения укоренившимся истинам на продвижение знания и исследование текущих проблем вызывало трения между социальными учеными и некоторыми частями их аудитории <...> Конец девятнадцатого века было временем тревожных экономических, социальных и политических напряжений и тот факт, что бизнес-сообщество обычно получало неблагоприятные отзывы в печати, когда экономисты предпринимали более полное изучение их деятельности, увеличивало вероятность того, что даже самые объективные и беспристрастные исследования дадут пищу бесчисленным критикам современного капитализма, среди которых новые ученые обществоведы становились все более видимыми. Были также и идеологические источники конфликта. *Laissez-faire* и консервативный социальный дарвинизм все еще были руководящими верованиями среди членов социальной и деловой элит, в то время как многие молодые обществоведы были реформаторами, которые рассматривали разнузданный индивидуализм и неограниченную конкуренцию как причину многих, если не всех, текущих экономических и социальных зол. В некоторых случаях они становились сторонниками некоторых форм христианского социализма, симпатизируя принципиальной социалистической критике капитализма не обязательно соглашаясь с анализом осуществляемым социалистами и с предлагаемыми ими средств его лечения. Как можно было бы и ожидать, в некоторых кругах такие взгляды рассматривались опасно радикальными, откуда рост напряжений внутри академического сообщества, так как бизнесмены все больше и больше заменяли священнослужителей в попечительских советах колледжей и университетов ». ([Coats 1993, p. 439 - 440]. Эти строки с одной стороны дают портрет Ричарда Эли, а с другой стороны показывают институциональные механизмы канализирования деятельности экономистов в американских университетах того времени.

Личность Ричарда Эли может служить хорошим примером той связи, которая неизбежно существует между ценностями разделяемыми экономистом и используемой

им методологии. Любопытство, любознательность является обязательным качеством ученого вставшего на путь экспериментального исследования. Наука для такого ученого, это не столько профессия, сколько призвание. Его нацеленность на удовлетворение собственного любопытства доминирует другие его жизненные цели, включая, как правило, и материальные. Но так как он обычно передает приобретенное знание обществу и тем самым является полезным людям, такой ученый может рассматриваться как альтруист. Экспериментальные исследования в отличие от теоретических, в особенности, если эти последние основываются на априорно-абстрактном подходе, требуют всегда большой организации и больших ресурсов. В этом отношении очень знаменательна известная фраза академика Л.А. Арцимовича¹⁰⁹ « Наука – лучший способ удовлетворения личного любопытства за государственный счет ». За альтруизмом ученого-экспериментатора всегда стоят определенные идеичности. Для Ньютона, Бойля и многих ученых того времени - это была христианская идея любви к Богу. Исследования были призваны открыть замысел Божий и тем самым приблизить к нему как самого исследователя, так и христианское общество. Для таких экономистов как Уильям Каннингем, Ричард Эли и Джон Коммонс христианские идеи также играли решающую роль в их профессиональной ориентации. Все трое, кроме своих трудов, отражающих их научные исследования, оставили нам также книги, в которых они рассматривали социально-политико-экономические проблемы с точки зрения христианского учения¹¹⁰. Очень важно подчеркнуть, что для них их христианская вера была важным стимулом в их экспериментальных исследованиях, однако их вера никогда не определяла результаты исследования. В этом видна резкая разница с априорно-абстрактными экономическими теориями, когда выводы уже заранее предопределены верой, как имело место в классической политической экономии, марксистской политической экономии и неоклассической экономикс. Экономистами типа Эли и Коммонса экспериментально-эмпирические исследования проводились для того, чтобы понять изучаемую действительность с тем, чтобы зная как существующая система работает на самом деле, на этой основе разработать предложения и меры по поводу того как ее лучше реформировать исходя из христианских ценностей, среди которых центральной является « Возлюби ближнего своего, как самого себя ». Здесь также видна колоссальная разница с теорией и практикой реформ, проводимых на базе таких априорных теорий, как неоклассическая экономикс. Очень интересно в этом отношении свидетельство В.Л. Глазычева на полит.ру относительно его беседы с одним из высокопоставленных российских чиновников, который напрямую заявил следующее : «Я не хочу знать, как оно есть, я хочу знать, как надо». Эта позиция соответствует подходу Дж.С. Милля, А. Маршалла, П. Самуэльсона, а затем и Джеффри Сакса, а также тех российских реформаторов, которых он консультировал. Подход Эли и Коммонса противоположен и состоит в том, что для того чтобы знать « как надо », нужно знать « как оно есть », но проблема состоит в том, что узнать « как оно есть » требует *очень большой работы* по сбору информации и ее анализу и *нужно быть очень мотивированным социально*, чтобы ее качественно сделать.

В 1885 году в институционализации американской экономической науки происходит важное событие – возникновение Американской экономической

¹⁰⁹ В 1950 г. Арцимович возглавил экспериментальные исследования по управляемому термоядерному синтезу. В 1952 г. открыл нейтронное излучение высокотемпературной плазмы. Руководил созданием термоядерных установок «Токамак». На установке «Токамак-4» в 1968 г. в лабораторных условиях были зарегистрированы первые термоядерные нейтроны. В 1953 был избран академиком АН СССР, в 1957 членом президиума АН СССР. С 1966 – член Американской академии наук и искусств.

¹¹⁰ [Cunningham 1902, 1909], [Ely 1889], [Commons 1967].

ассоциации. Инициаторами создания подобного профессионального объединения стали молодые американские экономисты прошедшие обучение в немецких университетах. Это Йоханн Конрад, ближайший соратник Шмоллера, посоветовал им, когда они были еще в Германии, создать организацию типа немецкого Союза социальной политики для того, чтобы через нее экономисты-исследователи смогли влиять на практическую политику и прежде всего на коренные изменения в области социального законодательства. Был разработан проект программы «Общества для изучения национальной экономики» [Ely 1838, p. 134]. В этом названии хорошо прослеживается его идейная преемственность с *Verein für Socialpolitik* в том, что общество создается для проведения исследований, а не для обмена мнениями, и в том, что объектом этих исследований будет конкретная национальная американская экономика со всеми ее специфическими национальными чертами, а не некая абстрактная экономика, результаты теоретизирования относительно которой будут верны всегда и повсюду. Однако молодым энтузиастам реализовать этот проект не удалось из-за слишком большого сопротивления. Тогда Ричард Эли предложил менее радикальный проект «Американской экономической ассоциации», который мог бы получить поддержку и служить по крайней мере делу защиты экономистов ориентированных на изучение социально-политико-экономической реальности. Такой проект удалось реализовать и Эли на долгие годы стал секретарем этой организации, однако она не имела практически ничего общего с немецким Союзом социальной политики. Наверное исполняемая им роль в Американской экономической ассоциации положительно повлияла на профессиональную безопасность Эли, однако его положение в Университете Джона Хопкинса прочным так и не стало [Ibid., p. 107], ну а о получении каких то ресурсов и организационной поддержки со стороны университета для проведения эмпирических исследований нечего было и мечтать. Что удалось сделать в этом университете, то это подготовить своих студентов для проведения таких исследований и это безусловно было решающим для их налаживания в другом американском университете, куда Эли переходит в 1892 году и куда позже он перетаскивает своих учеников, в том числе и Дж. Коммонса. Этим университетом был Висконсинский университет, где он проработал профессором и деканом факультета экономики, политологии и истории до 1925 года. В этом университете, благодаря *исключительному стечению обстоятельств*, рожденное в Германии действительно научное направление в экономической науке получает необыкновенно сильное, хотя и временное, развитие. Этими обстоятельствами были наличие глубокого политико-институционального кризиса в стране [Varitono 1993], прибытие прошедшего немецкое обучение Эли и подготовленной им в немецком духе команды молодых американских экономистов в Висконсин, где политическая воля губернатора Роберта Лафоллета¹¹¹ соединенная с политической волей на национальном уровне Президента Теодора Рузвельта¹¹² способствует созданию очень благоприятных институциональных условий для экспериментальных экономико-институциональных исследований в Висконсинском университете.

¹¹¹ Лафоллет (La Follette) Роберт Марион (1855 — 1925), политический деятель США. По образованию юрист. В 1885—1891 член палаты представителей конгресса от Республиканской партии, в 1901—1905 губернатор штата Висконсин, с 1906 сенатор. Программа Лафоллета, отражавшая недовольство широких слоев населения политикой как Республиканской, так и Демократической партий, предусматривала ограничение экономического и политического могущества монополий, демократизацию политической жизни страны, улучшение положения фермеров и рабочих. <http://ru.wikipedia.org>

¹¹² Теодор Рузвельт (*Theodore Roosevelt*, 1858 — 1919) — американский политик, 25-й вице-президент США, 26-й президент США в 1901—1909. В 1901 году в своем первом послании Конгрессу США Рузвельт объявил своей целью достижение большей социальной справедливости. <http://ru.wikipedia.org>

В 1892 году Ричард Эли прибывает в Мэдиссон и становится деканом факультета экономики, политологии и истории Висконсинского университета. На этом посту он проявил себя как хороший организатор оригинального типа обучения будущих экономистов и экономических исследований тесно связанных между собой. По существу он следовал концепции исследовательского университета В. Гумбольдта, в соответствии с которой преподаватели не должны передавать студентам знания как нечто законченное, а должны вовлекать своих студентов в свой исследовательский процесс помня, что «и преподаватель и студенты, находятся в университете для науки». Он называл свой метод и обучения и исследования *the look and see method*. Он считал, что мир может быть постигнут как жизненный поток, но для этого нужно войти в него [Ely 1838, p. 184]. Не все внутри университета и вне его положительно отнеслись к применению этого метода. Как я уже отмечал выше в 1994 году он был обвинен в распространении социалистических и других «опасных теорий» и поддержке забастовок и бойкотов организованных профсоюзами. Однако атаки на Эли полностью прекратились с приходом к власти губернатора Лафоллета. В период его губернаторства факультет Эли значительно расширился, а в 1904 году один из его наиболее способных, последовательных и мотивированных учеников в Университете Джона Хопкинса, Дж. Коммонс получает должность профессора в Висконсинском университете. По мнению Эли оживляющую силу метода *look and see* никто не охарактеризовал лучше, чем это сделал Дж. Коммонс : «Академическая деятельность представляет собой мозги без опыта. Другая, ‘практическая’, крайность – это опыт без мозгов. В первом случае мы получаем незрелые (*half-baked*) теории, в другом эмпирические определения» [Commons 1964, p. 106]. Метод *look and see* включает в себя интервьюирование, которое Коммонс называл «лучшим методом исследования» [Commons 1990, p. 106], а также исследование практического типа нацеленного на изменение изучаемого объекта. Последний тип исследования активно практиковался в команде Эли-Коммонса, а значительно позже получил название исследование действие (*action research*). «Мой опыт в Германии, писал Эли, прежде всего привлек мое внимание к важности соединения книжного знания и практического опыта <...> Изучение книг рассматривалось как нечто важное, но ни в коем случае не достаточное <...> Никто не был удачливее профессора Коммонса в осуществлении этой идеи. Он был связан с одной стороны с рабочими, а с другой стороны с управленцами промышленности. Представителей и тех и других он приводил на свои занятия, считая, что его студенты должны знать их побывав с ними в контакте лицом к лицу <...> Он мог восхищаться профсоюзным лидером, он мог понять трудягу и у него вызывали истинный восторг крупные промышленные лидеры. Для того, чтобы понять их точку зрения он стал членом Висконсинской промышленной комиссии, получив творческий отпуск и тем самым освободившись от своих университетских обязанностей. Таким образом ему удалось понять практическую сторону экономических проблем.» [Ely 1838, p. 187, 188].

Лафоллет окончил Висконсинский университет в 1879 году и конечно никогда не был студентом Эли, однако, когда Ричард Эли прибыл в 1884 году в Мэдиссон, Лафоллет его приветствовал словами «Вы были моим учителем», имея по-видимому в виду, как много он получил читая его труды [Ibid., p. 216]. Когда в Висконсине появился Коммонс, Лафоллет был уже его губернатором¹¹³ и благодаря этому Коммонс стал сразу чувствовать себя инсайдером в этом штате, таланты которого были полезны людям облеченным властью, в то время, как в других местах его рассматривали

¹¹³ Как известно в США роль губернатора в определении политики публичного университета его штата очень велика, так например именно он назначает членов его попечительского совета [Дмитриев 2005, с. 37 - 46].

опасным радикалом. Со временем они сблизились и стали дружить семьями. Во время губернаторства Лафоллета установилась тесная связь между руководством штата, его делами и проблемами и университетом, которая впоследствии получила название Висконсинской идеи¹¹⁴. Коммонс использовал много возможностей служить штату и одним из наиболее ощутимых вкладов Коммонса была его работа по законодательству и особенно социальному законодательству [Harter 1962, p. 45]. Он был глубоко вовлечен в разработку законодательных актов касающихся трех программ реформ в штате Висконсин: первая касалась регулирования предприятий общественного пользования, таких как железные дороги; вторая касалась регулирования технической безопасности и введения компенсации рабочих в случае получения производственных травм; и наконец третья касалась разработки первой в стране системы выплаты пособий по безработице [Ibid., p. 89]. За время своей работы в университете Коммонс руководил сам или был соруководителем 46 аспирантов, многие из которых так или иначе были вовлечены в практическую деятельность своего руководителя. Общеизвестно, что он и его аспиранты оказали очень большое влияние на американское законодательство и политику [Rutherford 2006]. Американский историк экономической мысли, Филип Миrowsки, пишет по этому поводу следующее: «Многие из экономических функций правительства США, которые мы сегодня принимаем за само собой разумеющиеся, были делом рук Коммонса и его студентов в первой половине двадцатого века» [Mirowski 1987, p. 1027].

Ричард Эли передал Джону Коммонсу метод обучения студентов, который он освоил в Германии. Вместо повторения того, что было сказано на лекциях и прочитано в учебниках, немецкие университетские преподаватели рассматривали студентов как своих коллег в поиске нового знания. «Это то, что делает обучение в Германии истинным удовольствием для каждого настоящего любителя занятий исследованиями. Здесь и только здесь вы узнаете как делать независимую, действительно научную работу» - вспоминал Эли [Rader 1966, p. 13]. Коммонс, хотя и читал лекции, но отдавал предпочтение индивидуальной работе со студентами, а также занятиям в небольших группах. И занятия эти состояли в том, что преподаватель вместе со студентами разбирали укладывая в определенный порядок (*marshalling*) факты, что позволяло продвигаться в понимании рассматриваемых явлений. Проводя как исторические так и «полевые» исследования, Коммонс активно вовлекал в них своих студентов. Так в написании его объемного четырехтомного документального исследования по истории труда в Соединенных Штатах [Commons et al 1966] участвовали его 8 студентов/аспирантов [Rutherford 2006]. Его ученики вспоминают: «Это не было исследованием для исследования. Может быть некоторые (из его студентов) хотели продолжать работать над историей труда и чувствовали, что здесь остается еще много чего сделать, однако многие из его студентов (аспирантов) проводили исследование с целью его использования в различных баталиях по усовершенствованию чего-то, это то, что сейчас мы называем «исследование действием» (*action research*). В некоторых кругах это вызывает насмешки, но я считаю, что именно такого типа исследование является самым важным и полезным типом исследования в социальных науках» [Raushenbush & Raushenbush 1979, p. 9]. Хотя трудовая тематика занимала важное место в исследованиях Коммонса, она была далеко не единственной. Сейчас во время мощного экономического кризиса, вызванного финансовым дерегулированием, интересно вспомнить, что в круг интересов Коммонса входило также банковское регулирование, по которому он даже подготавливал некоторые заготовки проектов

¹¹⁴См. [McCarthy 1912].

([Harter 1967], [Whalen 2008]), однако эта его деятельность по-видимому не получила поддержки.

Исследовательско-реформаторская деятельность Коммонса получала поддержку большого бизнеса. Так в 1906 году он участвовал в обследовании 35 компаний, как муниципальных, так и частных, занятых поставкой газа, электричества, тепла, а также трамвайного транспорта в Соединенных Штатах и Англии. В частности на британских островах он провел для этой цели пять месяцев [Harter 1962, p. 72]. Это исследование проводилось для финансируемой большим бизнесом Национальной гражданской федерации, которая занималась разработкой и лоббированием как на штатном, так и на федеральном уровне законов касающихся государственного страхования по безработице, федерального регулирования торговли и регулирования предприятий общественного пользования¹¹⁵. Затем он был вовлечен в анализ результатов обследования в Питсбурге в той части, которая касалась заработной платы. Это обследование финансировалось фондом Рассела Сэйджа [Harter 1962, p. 72]. В 1907 году Коммонс избирается секретарем Американской ассоциации трудового законодательства, которая финансировалась Рокфеллером и Морганом. Эта организация продолжала быть очень влиятельной в двадцатые и тридцатые годы с исполнительным секретарем бывшим ассистентом Коммонса в Висконсинском университете. Ассоциация занималась законодательством относительно предприятий общественного пользования, минимальной заработной платы, максимальной продолжительностью рабочего дня¹¹⁶, а также законодательством в пользу профсоюзов.

Почему такое успешное с социальной точки зрения направление, как висконсинский институционализм возглавляемый Коммонсом, по существу перестал существовать? Можно предположить, что одной из причин была следующая: после завершения с помощью институционалистов изменений¹¹⁷, в которых правящие классы были заинтересованы, последние прекращали поддержку первых и переключались на поддержку неоклассиков, идеологически помогающих им сохранить свою доминирующую роль в обществе. По меткому выражению Шмоллера экономическая наука «стала орудием класса собственников». Это безусловно так, но на мой взгляд победа неоклассики над интерпретативным институционализмом имеет еще несколько причин. Среди них главной, по моему мнению, является то, что *объявленное Новым временем разделение науки и философии/теологии применительно к политической экономии не было осуществлено*. Благодаря схоластическим рассуждениям Дж.С. Милля использующих слабости контовского позитивизма политическая экономия получила статус науки оставшись политической или социальной философией, то есть наукой равносильной естествознанию *так и не стала*. А дальше уже сделало свое дело мировоззрение Нового времени применительно к науке выражающееся в так называемом научном методе¹¹⁸ и от экономиста осмелившегося ради познавательной и социальной эффективности своих исследований отказаться от этого мировоззрения требуется большое мужество и работоспособность в освоении и применении необщепринятых подходов. Кроме того, так как основой функционирования и воспроизводства научных сообществ является общение (публикации, конференции, лекции и т.д.), то неоклассики в этом отношении имеют колоссальные преимущества перед интерпретативными (прагматическими и герменевтическими)

¹¹⁵ См. статью Murray N. Rothbard (2006) на <http://mises.org/story/2225>.

¹¹⁶ В конце XIX века в США продолжительность рабочего дня была 14 – 19 часов [Rader 1966, p. 24].

¹¹⁷ Значительное смягчение классовых конфликтов путем создания государств всеобщего благоденствия (welfare states).

¹¹⁸ См. [Светлов 2008].

институционалистами. Для первых оно требует намного меньше усилий из-за их простых и унифицированных, универсальных для всех проблем и контекстов, понятий, схем и способов изложения.

Будучи запущенным неоклассическое направление экономической науки может проявлять необыкновенную устойчивость и без особых контролирующих воздействий из вне. В соответствии с определением Т. Куна : « научное сообщество состоит из исследователей с определенной научной специальностью. В несравнимо большей степени, чем в большинстве других областей, они получили сходное образование и профессиональные навыки; в процессе обучения они усвоили одну и ту же учебную литературу и извлекли из нее одни и те же уроки <...> В результате члены научного сообщества считают себя и рассматриваются другими в качестве единственных людей, ответственных за разработку той или иной системы разделяемых ими целей, включая и обучение учеников и последователей. В таких группах коммуникация бывает обычно относительно полной, а профессиональные суждения относительно единодушными » [Кун 2002, с. 227 - 228]. Но здесь речь идет об устоявшемся сообществе, а мы начнем наши рассуждения предположив, что такого состояния равновесия пока нет. Для того, чтобы проследить механизм динамики состава сообщества академических экономистов нам потребуется выделить их типы с точки зрения ценностей, которые они разделяют относительно своей профессии и классы в соответствии с их методологическими взглядами

Мой многолетний опыт работы на экономическом факультете МГУ и на экономическом факультете Савойского университета во Франции, а также богатый опыт общения со значительно более широким кругом академических экономистов в России и во Франции позволил мне сделать следующую типологию академических экономистов с точки зрения ценностей, которые они разделяет относительно профессии академического экономиста :

1. Экономист-преподаватель/исследователь должен изучать действительность для того, чтобы ее понимать и тем самым быть полезным обществу передавая ему, и в частности своим студентам, это понимание. Сама познавательная деятельность является для него страстью, а материальное вознаграждение за нее имеет второстепенное значение. Назовем такой тип экономиста *любопытным альтруистом* ;
2. Деятельность экономиста состоит в том, что он строит «красивые» теории, которыми, как он надеется, будут положительно оценены его коллегами и студентами. Заниматься этой деятельностью с удовольствием можно только в том случае, если она достаточно хорошо оплачивается. Условно назовем такой тип экономиста *эстетом* ;
3. Профессия академического экономиста ценна тем, что дает возможность получить, как правило, стабильную, уважаемую, хорошо оплачиваемую работу, с частыми и продолжительными отпусками-каникулами и возможностью общаться с интересными людьми. Такой тип экономиста можно назвать *служащим* ;
4. Экономист-исследователь, будь то преподаватель ВУЗа или сотрудник НИИ, должен внимательно следить за тем, какие направления научного производства сейчас модны, позволяют получить научные гранты, а также пользуются спросом в научных журналах, на научных конференциях, семинарах и выездных школах и осуществлять свою исследовательскую деятельность так, чтобы иметь возможность успешно « продать » свою научную продукцию. Такой экономист стремится использовать любые возможности, чтобы зарабатывать вне своего основного места работы на контрактной основе в качестве эксперта-консультанта или лектора-преподавателя Назовем экономиста такого типа *коммерсантом*.

Каждый член сообщества академических экономистов может иметь черты всех четырех типов, а его реальное поведение зависит от «веса в нем» каждого типа.

Источником ценностей являются определенные верования/убеждения. Так для Каннингема, Эли, Коммонса, у которых явно доминировал первый тип, это была вера в христианское учение. Значительная часть западных академических экономистов, с которыми я встречался принадлежали к четвертому типу и явно были убежденными адептами рыночной религии, о которой речь шла в первом разделе этой работы. Преподавание неоклассической экономической теории для них не ставило никаких моральных проблем, так как они по существу преподавали теологию своей религии. Престижность того, чем они занимались гарантировалась в частности присуждением Нобелевских премий экономистам работающим в соответствующих областях. Для Ариэля Рубинштейна, статью которого я цитировал в первом разделе статьи, работа в этих областях все-таки создавала некоторые моральные неудобства и по-видимому этим и вызвана публикация его статьи-исповеди.

Академических экономистов можно также разбить на три класса с точки зрения методологии, которой они следуют в своей профессиональной деятельности :

1. Экономисты, которых можно назвать *философами/математиками* разделяют методологические взгляды Дж.С. Милля, К. Маркса и П. Самуэльсона. По Миллю экономическая наука - *абстрактная наука* и ее метод это - *априорный метод* (*the method à priori*). Рассуждения в ней должны производиться на основе предпосылок, а не на основе фактов. В предисловии к первому тому « Капитала » К. Маркс указывает, что при анализе экономических форм невозможно пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами, то и другое должна заменить сила абстракции. Наконец « подход (Самуэльсона) к теории <...> вообрал в себя два правила, которые, можно сказать, служат отражением неоклассической экономики. Эти правила можно сформулировать следующим образом : в отношении *каждой* экономической проблемы следует : 1) сократить число переменных и оставить лишь минимально необходимое количество простых экономических взаимосвязей ; 2) если возможно, то переформулировать ее как проблему оптимизации с заданными ограничениями » [Самуэльсон и Барнетт 2009, с. 191] ;

2. Экономисты второго класса - *эконометрики/статистики*. Они согласны с М. Фридманом, что « теория это способ, которым мы воспринимаем (*perceive*) « факты » и мы не можем воспринимать (*perceive*) « факты » без теории » ([Friedman, 1953, p. 34], [Фридмен, 1994, p. 44]). Французские профессора цитируемый в первом разделе работы стоят на этой позиции. Они, и многие другие вместе с ними, считают, что экономическая наука должна следовать методу соответствующему « традиционному научному подходу ». Он состоит в том, что сначала нужно идентифицировать и дать точное определение понятиям и свойствам, которые характеризуют экономическую деятельность (потребление, производство, капиталовложения...), а также сформулировать базовые гипотезы относительно этих свойств. После этого можно перейти к формулированию теорий, которые представляют собой формализацию функциональных связей между предварительно идентифицированными элементами. Проверка (верификация) этих теорий в принципе осуществляется путем эксперимента, однако если не доказано обратное, в экономике такой эксперимент не может быть построен никак иначе, как путем сопоставления с количественно выраженной историей на основе статистики и эконометрики ;

3. Наконец экономистов к классу которых принадлежу и я можно назвать *антропологами/историками*. Они считают, что источником знаний приносимых экономической наукой относительно быстро изменяющейся сложной реальности могут быть, в конечном счете, только эмпирические исследования. Последние служат не столько для проверки (верификации) теорий, как для их конструирования. Сконструированные понятия и теории должны вытекать из эмпирических

исследований, а если определенные понятия и предшествуют им, то они представляют собой элементы видения¹¹⁹, а не теории, и должны носить самый общий характер (например, понятие института). Экономист должен работать прежде всего с текстами, но не только и не столько с текстами публикаций экономистов прошлого и настоящего, сколько с текстами порожденными социально-политико-экономическими реальностями. Эти тексты могут быть законодательными актами, программами политических партий, опубликованными выступлениями политических деятелей, другие документы отражающие деятельность и дискурсы акторов. В большинстве случаев для своего исследования ученый нуждается вступить с актором в непосредственный вербальный контакт. Именно такой контакт и есть для экономической науки, как и для других социальных наук, то, что в естественных науках называется научным экспериментом. Работая с транскриптом бесед-интервью или работая с протоколами исследования действием (*action research*), он формирует концепции/понятия, которые в сжатой форме отражают изучаемое явление и образовав связную систему дают исследователю понимание этого явления. Будучи достаточно продвинутой разработанная связная система концепций/понятий может образовать теорию, но конечно теорию контекстную. Далее эксперимент может быть продолжен путем обращения в прошлое. Анализ истории изучаемой части действительности проводится на базе исторических документов, представляющих собой законодательные акты и политические дискурсы, опять же не только и не столько для проверки (верификации) этой теории, а ее уточнения и расширения. Это расширение должно содержать понимание исторических истоков изучаемого явления. Как на первом, так и на втором этапе конечно используется не только качественная, но и количественная информация, но последняя служит скорее для идентификации проблемы, чем для ее решения, которое осуществляется на базе прежде всего информации качественного типа.

	Тип академического экономиста с точки зрения ценностей, которые он разделяет применительно к своей профессии			
Класс академического экономиста с точки зрения методологии, которой он следует в своей профессиональной деятельности	<i>Любопытный альтруист</i>	<i>Эстет</i>	<i>Служащий</i>	<i>Коммерсант</i>
<i>Философ/математик</i>		X	X	X
<i>Эконометрик/статистик</i>		X	X	X
<i>Антрополог/историк</i>	X	X	X	

Таблица 1. Вероятная совместимость типов и классов академических экономистов в условиях профессионализации и институционализации их деятельности

¹¹⁹ Напомним, что в рамках определенного видения даются ответы на следующие три вопроса : 1) « Что нужно исследовать ? », то есть как превратить объект исследования в предмет исследования ; 2) « Как нужно исследовать ? », то есть какого типа методы нужно при этом использовать; 3) « Что ожидать в качестве результата исследования ? ».

Возникает вопрос все ли указанные выше типы и классы академических экономистов совместимы. На мой взгляд нет и выше я привожу таблицу характеризующую возможную совместимость этих типов и классов. А. Маршалл не стал «антропологом/историком» именно потому, что не был «любопытным альтруистом», он понял, что такая деятельность потребует многих лет усилий, прежде чем принесет какие-то результаты. Помогла ему в этом утилитаристская идеология, пришедшая у него на смену христианской вере, которую он покинул. По этой же причине «коммерсант» поставленный перед выбором, который не повлияет на его материальное положение, среди трех методологических направлений также никогда не станет «антропологом/историком». Усилия, которые необходимо делать «антропологу/историку» в своих исследованиях и обучении студентов будучи постоянно вовлеченным в полевые исследования не идут ни в какое сравнение с усилиями «философа/математика», который один раз подготовив свои лекции и практические занятия может повторять их из года в год практически без изменений. Намного меньших усилий требуется также и от «эконометрика/статистика». Современный американский институт экономической науки, который все больше и больше копируется в Европе, не стимулирует реалистичных исследований и по меткому выражению В.С. Автонова, О.И. Ананьина и др. толкает экономистов на подготовку таких статей, которые требуют «минимальной стадии до письменного стола» [Автонов и др. 2008, с. 762].

На Рис. 2 я предлагаю схему, которая иллюстрирует как институт экономической науки оказывает решающее воздействие на ее характер, тип ее продукции и состав сообщества академических экономистов. Рассматривая схему как отражение некоторого динамического процесса мы увидим, что этот процесс достаточно быстро «сходится» к вполне определенному устойчивому состоянию. Таким состоянием для экономической науки на Западе является широко понимаемая неоклассическая экономическая теория.

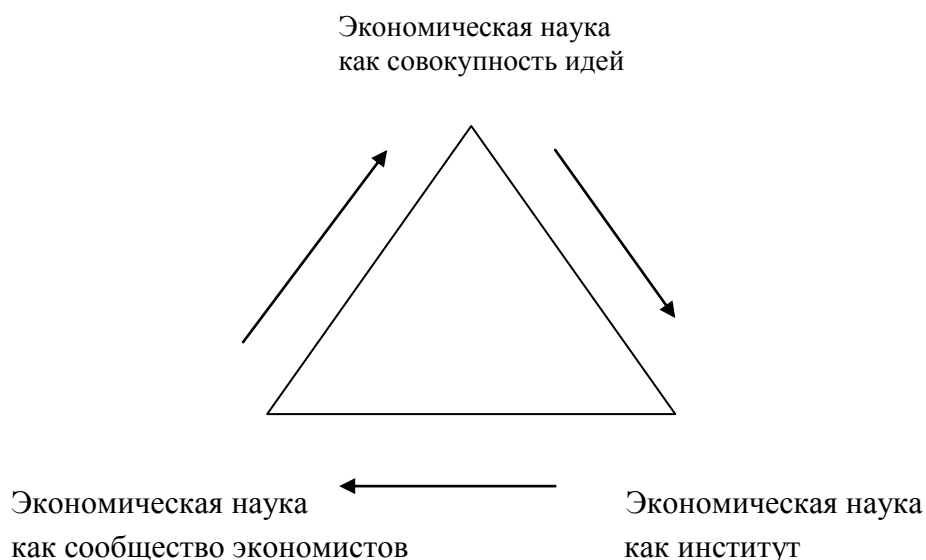

Рис. 2. Треугольник институционального анализа экономической науки

Сообщество академических экономистов состоит из людей окончивших аспирантуру и защитивших диссертацию, на что уходит в западных университетах более пяти лет, и работающих в основном на экономических факультетах университетов. Центральная совокупность идей содержится в обязательных для аспиранта экономических

факультетов этих университетов курсах микроэкономики, макроэкономики и эконометрики. Экономическая наука как социальный институт включает правила, а также идеи и ценности стоящие за этими правилами, определяющие доступ к профессии и оценку профессионалов. В состав правил института экономической науки входят такие как те, которые определяют порядок утверждения учебных планов и программ, метод подбора студентов, правила конкурсов на замещение вакантных должностей преподавателей-исследователей, правила предоставления грантов, правила принятия статей для публикации в научных журналах, порядок публикации учебников и научных монографий, организации научных семинаров, конференций и т.д. Правила эти, по крайней мере основные из них, первоначально всегда являются внешними по отношению к сообществу экономистов, но с его стабилизацией в соответствии с интересами экономической и политической элиты все большее и большее число полномочий по составлению правил и порядку их применения может переходить к самому сообществу экономистов.

Пройдемся по вершинам этого треугольника начав с «сообщества экономистов». Все они участвуют в циркуляции идей, то есть они преподают студентам и пишут статьи и/или книги. Эти идеи проходят через институциональный фильтр (экономическая наука как институт), преподавание проверяется на соответствие учебным планам и программам, рукописи статей и книг либо принимаются к публикации, либо отклоняются, и санкционированные экономисты либо корректируют свое поведение, либо в конечном счете покидают профессию. Идеи порождаемые сообществом экономистов не только фильтруются институтом, но и оказывают на него влияние, например, используемая большинством экономистов методология, которая определяет, что считать «научным», а что нет, или принадлежность большинства экономистов к определенной школе и фиксация ими какие идеи могут оцениваться положительно, а какие нет. Студенты, которые со временем, заменяют выбывших членов сообщества подвергаются тщательному многоэтапному отбору. Этими этапами являются вступительные экзамены и отборочные процедуры для разных ступеней обучения, экзамены в течении процесса обучения и выпускные испытания (экзамены, защиты и пр.). Установленный институт экономической науки канализирует этот процесс и вероятность того, что среди молодых кандидатов участвующих в конкурсах на вакантные должности появится кто-то, кто будет шагать не в ногу достаточно мала, но даже если такой обнаружится, то конкурсная комиссия скорректирует «ошибку» учебного процесса. Существующее положение института экономической науки таково, что на все эти фильтрующие и направляющие воздействия связь науки с действительностью не оказывает никакого влияния. Все это и объясняет явление устойчивости схоластического/теологического характера экономической науки.

5. Социальная функция, методология и обучение

Для Шмоллера, Эли и Коммонса экономическая наука была не чем иным, как инструментом социально-политико-экономических преобразований в своих странах с активным участием государства. В этом и состояла ее социальная функция. Для того, чтобы получить свидетельства о том, какова социальная функция современной экономической науки обращаюсь к поисковым системам интернета. Набираю на <http://www.ya.ru/> «социальная функция экономической науки». Со словом «социальные» всего один результат, а именно статья С.Г. Кары-Мурзы в журнале «Науковедение», № 2 за 2000 год под названием «Социальные функции науки в

условиях кризиса»¹²⁰, но в ней совсем ничего нет об экономической науке. Другие результаты поиска таковы : « нормативная функция экономической науки » ; « идеологическая функция экономической науки » ; « познавательная функция экономической науки » ; « прогностическая функция экономической науки »¹²¹.

Словосочетание « нормативная функция экономической науки » использовалось в статье Фредерика Лебарона « Социология Пьера Бурдьё и экономические науки ». Вот отрывок из нее : « Неоклассическая теория является по многим признакам типичным продуктом схоластической мысли : она предполагает, что обычный агент мыслит так же изошренно и абстрактно, как аналитик, и путает реальность модели и модель реальности <...> Но если бы неоклассическая теория сводилась к схоластической ошибке, или даже к «идеальному типу», плохо адаптированному для интерпретации действительности, более реалистические теории (например, понятие «ограниченной рациональности» Герберта Саймона, институциональная теория рынка, разработанная Т.Б. Вебленом и т. д.) давно бы уже заняли ее место. Однако ее позиция никогда еще не была настолько сильной, особенно в Соединенных Штатах. Основной причиной этого видимого «успеха» является тот факт, что неоклассическая экономическая теория есть воплощение, научная рационализация *illusio* экономического поля, чья власть тем более сильна в обществе, чем более этот *illusio* там распространен. Экономический *illusio* может быть определен как более или менее четко сформулированная вера в необходимость максимизировать свой денежный выигрыш. Неоклассическая теория является ошибочной в той мере, в какой она предполагает наличие у актеров поведения, которого они не могут иметь. В действительности «рациональность» социальных агентов скорее ближе к «рассудочному», чем к чисто рациональному расчету, а действия опираются на практическое чувство, неопределенное чувство ориентации, способное к перемещению и регулированию. Тем не менее, «истинность» неоклассической теории заключается в том, что по сути своей она достаточно верно передает в схоластической форме особый *illusio* экономического поля. Она его «укрепляет», «формализует», «отделяя» «экономическую» рациональность от любой другой логики, с которой она всегда крепко связана. Таким образом, неоклассическая теория формулирует гипотезу существования актора, полностью отдающего себе отчет в своих действиях, целях, предпочтениях, выборе. Она радикализирует имплицитное видение картины, объединяющей действия акторов и стремящейся, в наиболее «рациональных» областях, приблизиться к подобному идеальному типу. Однако идеальный тип никогда не может в полной мере осуществиться в социальной действительности. Здесь становится отчетливо видна чисто *нормативная функция экономической науки*), о которой говорил Ф. Симиан: *она участвует в общей работе по подчинению социального устройства доминирующей логике экономического пространства* (выделено мною. В.Е.). [Лебарон 2005, с. 83 - 85]¹²².

Словосочетание « идеологическая функция экономической науки » выловлено из электронно-версии учебника Н.Е. Титовой « История экономических учений », а именно из того места книги, где ее автор дает русский перевод выдержек из книги Роберта Хейлбронера [Heilbroner 1989]. Вот часть этих выдержек : « Вклад современной *ЭКОНОМИЧЕСКОЙ* науки в расширение наших знаний о социальных процессах не просто разочаровывает, он откровенно скуден <...> Но если экономическая наука настолько уязвима, почему же она пользуется таким престижем? К сожалению, не исключено, что причина этого заключается именно в том, что в своей

¹²⁰ <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ECCE/KARAM.HTM>

¹²¹ Поиск на <http://www.google.fr/> на английском и французском языках вообще ничего не дал.

¹²² www.sociologos.net/textes/Lebaron.htm

современной форме она неисторична, асоциальна и аполитична. Демонстрирующие олимпийское спокойствие теории выгодны в условиях любого социального порядка, но теория, которая сторонится политики и социологии, может рассчитывать на особую благосклонность в рамках того общественного порядка, который гордится своим тесным родством с естественными науками. Природа самой этой привлекательности есть функция *ЭКОНОМИЧЕСКОЙ* науки, которой мы до сих пор не касались. Речь идет о ее *идеологической функции* — не узкой апологетике, сознательно служащей лишь собственным интересам, но *мировоззренческой системе из числа тех, что сопровождают и поддерживают все социальные порядки. Назначение подобных идеологических систем заключается в том, чтобы обеспечить моральную уверенность, которая есть необходимая предпосылка политического и социального душевного покоя как для господствующих, так и для подчинённых элементов любого социального порядка* (выделено мною. В.Е.). Несомненно, что этот душевный покой всегда имеет лёгкий оттенок сомнения или привкус лицемерия, но, в конце концов, социальные порядки всех уровней нуждаются в некотором своде знаний и убеждений, которые можно было бы при случае пустить в ход. В первобытных обществах были свои мифы или толкования природы, в командных системах — свое священное писание. Для капитализма эту функцию выполняет экономическая наука, и хотя это не единственная ее задача, но и выполняет она ее отнюдь не тривиальным образом (Heilbroner, 1989. Ch. 8) .»¹²³ [Титова 1997].

Две вышеприведенные цитаты очень хорошо характеризуют важнейшую, если не единственную, хорошо выполняемую сейчас функцию экономической науки. Что касается *познавательной и прогностической* функций экономической науки, то вот, что о них пишет А. Н. Позднякова (Новосибирский государственный педагогический университет) в статье «О функциональной структуре и содержании экономического образования в вузе»: «Предмет любой общественной науки, куда с полным правом можно отнести экономическую теорию, тесно связан с ее функциями, раскрывающими социальный заказ общества. Именно этот аспект необходимо в первую очередь учитывать при построении программы и содержания учебных дисциплин экономического цикла. Нередко мнение, что главная функция экономической науки - познавательная, предполагающая изучение и объяснение мира, систематизацию накопленных фактов, построение научной картины мирового хозяйства. Но с точки зрения общества существование науки определяется и другими ее функциональными факторами. Само существование научной общественной теории обуславливает прогностическая функция. Общество ждет от экономической теории не только констатации существующего хозяйственного порядка, но прежде всего обоснованного прогноза для своей практической деятельности.» Позволю себе сделать по этому отрывку два замечания. Этот отрывок очень характерен для сегодняшней российской экономической литературы, где «экономическая наука» и «экономическая теория» сейчас рассматриваются чаще всего как синонимы. В соответствии с этим быть ученым-экономистом означает знать экономическую теорию (микро-, макроэкономику), в лучшем случае, несколько теорий, и способствовать их развитию и/или применению для объяснения экономической реальности и разработки экономической политики, а деятельность студента-экономиста сводится к изучению этой теории (этих теорий). Ситуация совершенно немыслимая для таких естественных наук как физика и химия, для которых лабораторно-экспериментальная составляющая играет важнейшую роль, как в исследованиях, так и в обучении. Второе замечание касается также характерного достаточно пренебрежительного отношения к

¹²³ http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/Titova/30.php

познавательной функции. Из текста можно сделать вывод, что понимание того, что происходит сейчас не так важно, а что на самом деле « само существование научной общественной теории обуславливает прогностическая функция ».

Во втором отрывке из этой статьи, который я привожу ниже, ее автор дает оценку с точки зрения прогностической функции неоклассической школы и институционального направления: « На рубеже XX-XXI вв. значительная часть авторов учебных пособий по экономике определяет экономическую теорию как науку об эффективном использовании ограниченных производственных ресурсов в целях удовлетворения неограниченных потребностей людей <...> На современном этапе *прогностическая функция экономической науки* предполагает значительные изменения содержания и структуры экономического образования в вузе, включение в программу экономических дисциплин таких разделов как «Современное состояние, тенденции и перспективы развития мирового хозяйства», «Особенности экономики развивающихся стран», «Глобализация: за и против». В структуре курса экономической теории следовало бы более широко использовать работы авторов социально-институционального направления, посвященные проблемам слаборазвитости и преодолению экономического неблагополучия стран «третьего мира». Представители институционального направления не без основания выступают против идеализации рыночного механизма <...> Критикуя неоклассическую школу как основу современной экономической теории, они предупреждают, что не следует увлекаться абстрактными схемами, математическими моделями и формулами, механически копировать взаимосвязи и эффекты, присущие иной стабильной и давно сложившейся экономике. Выводы и подходы социально-институционального направления могут быть полезны при формировании новой экономической парадигмы, разработке концептуальных положений и методологии экономической науки. »¹²⁴

Наступивший мировой экономический кризис показал еще раз полную несостоятельность господствующей ныне экономической науки. Предупреждения о грядущем кризисе поступали скорее от финансистов с антрополого-историческими вкусами, таких как Билл Боннер и Эддисон Уиггин [Bonner and Wiggin 2006]¹²⁵ или Поль Жорин [Jorion 2007]¹²⁶, но не от академических экономистов. Сообщества академических экономистов стран охваченных кризисом оказались перед его лицом в полной растерянности и были не в состоянии предложить обществам, бизнес-сообществам и правительствам какие-то глубокие идеи по этому поводу. То, что произошло еще раз ставит вопрос, а достойна ли профессия академических экономистов именоваться профессией научных работников. Может их можно назвать *учеными*, потому, что они знают и возможно развивают, какие то определенные схоластические *ученья*, но их никак нельзя назвать исследователями (*researchers*), т.е. теми, деятельность которых направлена на поиск (*search*) знания/понимания о том/того «как оно есть». Это трагическое для общества состояние сообщества академических экономистов происходит из-за того, что академические экономисты нацелены не на

¹²⁴ http://totem.edu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=247&Itemid=30

¹²⁵ Название книги можно перевести так: «Империя долгов. Наступление невиданного (*Epic*) финансового кризиса». Ранее вышедшая книга этих авторов «Судный день американских финансов. Мягкая депрессия XXI века» была уже переведена на русский язык [Боннер и Уиггин 2008].

¹²⁶ В названии этой книги вышедшей на французском языке 11 января 2007 года был поставлен вопрос «К кризису американского капитализма?» и далее в тексте книги дается на него положительный ответ, а также достаточно полно описывается механизм его возникновения: один из последних разделов книги назван «Финансовые пузыри: цены акций и домов». В 2008 году Поль Жорин, француз приживший 12 лет в США, издал еще две книги на французском языке объясняющие механизмы возникновения кризиса [Jorion 2008a], [Jorion 2008b]. Этот автор известен также своей книгой на английском языке посвященной практике инвестирования [Jorion 2003].

познание, то есть, не на изучение и понимание действительности, а на ее идеальное конструирование¹²⁷. Именно *изучение действительности направленное на ее понимание представляет собой социальную функцию любой науки, в том числе и экономической*. И если она хочет быть такой же эффективной в познании, как естествознание, то нужно разобраться какая методология обеспечила естествознанию его успех. К счастью, результаты исследований в области социологии науки, или более обще в области *Science Studies*, могут нам в этом помочь.

Вот уже более полутора веков экономисты считают, что развивают науку имеющую в качестве образца естествознание и прежде всего физику. При этом они используют представления, отраженные в определенном типе дискурса о том что такое наука доставшегося всем нам в наследство от Нового времени¹²⁸. Эти представления вошли в нас вместе с освоенными программами средней, а нередко и высшей школы. Наверное отсчет Нового времени¹²⁹ следует начинать с коперниковской революции, которая знаменует начало постепенного перехода, если использовать терминологию Конта, в стадиях интеллектуальной эволюции человечества от теологической/фиктивной и метафизической/абстрактной к научной/реальной/положительной/позитивной. В терминах введенных Пирсом можно сказать, что наступление Нового времени связано с постепенным отходом от метода авторитета и априорного метода и перехода к научному методу, научному исследованию, под которым и Конт и Пирс понимали такое исследование, которое основано на опыте, наблюдении и эксперименте. Прогресс в исследованиях нередко связан с отбрасыванием ложных дихотомий. Именно коперниковская революция и сделала шаг в этом направлении. Обосновав и развив коперниковскую идею гелиоцентрической системы Галилей по существу отбросил дихотомию земля-небо путем использования понятия пространство. А так как наука для изучения пространства уже существовала, а именно геометрия, то его теория стала математической. Католическая церковь, несмотря на личные симпатии ряда ее высших иерархов по отношению к Галилею,

¹²⁷ Именно против этого восстали французские студенты-экономисты в начале этого века, требуя вывести экономическую науку из «придуманных миров» (*les mondes imaginaires*). К сожалению это движение выродилось в требование устранения монополии мейнстрима и перехода в экономических исследованиях и преподавании к плюрализму. Плюрализм «придуманных миров» не превратит «экономическую науку» в науку. Необходим переход к другой парадигме, которая существовала в прошлом, и эту отброшенную и забытую традицию экономической науки нужно восстанавливать и, исходя из современного состояния знаний в разных, в том числе и в смежных с экономикой научных областях, развивать.

¹²⁸ Понятие «новая история» появилось в европейской историко-философской мысли в эпоху Возрождения как элемент предложенного гуманистами трехчленного деления истории на древнюю, среднюю и новую. Критерием определения «нового времени», его «новизны» по сравнению с предшествующей эпохой был, с точки зрения гуманистов, расцвет в период Ренессанса светской науки и культуры. ru.wikipedia.org/wiki/Новое_время

¹²⁹ Терминология связанная с понятием Нового времени и соотнесение терминов используемых в разных языках не являются полностью устоявшимся. Материалы из Википедии, свободной энциклопедии в интернете, отражают это положение : « Модэрн (англ. *modernity*, эпо́ха модэрна) — понятие, описывающее совокупность условий, при которых нечто (предмет или явление) может быть отнесено к категории современных. Эпоху модерна *очень часто* путают с *современностью* (англ. коррелят: *contemporaneity*). Иногда для преодоления такой путаницы *modernity* переводят на русский как «Современность» (с заглавной буквы). » <http://ru.wikipedia.org/>; “Modernity is a term that refers to the modern era. It is distinct from modernism, and, in different contexts, refers to cultural and intellectual movements of the period c. 1630-1940.” <http://en.wikipedia.org/wiki/Modernity> ; « L'Époque moderne – ou les Temps modernes – couvre en France la période historique allant de la fin du Moyen Âge à la Révolution française, généralement de 1492 à 1792. Il s'agit de la troisième période de l'histoire universelle, selon la division occidentale traditionnelle. Dans cette perspective, l'Époque moderne est celle où triomphent les valeurs de la modernité (le progrès, la communication, la raison). » http://fr.wikipedia.org/wiki/%C3%89poque_moderne

инициировало инквизиторский процесс¹³⁰ против Галилея и вынудило его отказаться от защиты и обоснования гелиоцентрической системы, потому что она подрывала очень важную для церкви дихотомию небесное-земное, которая интерпретировалась как божественное-мирское. Галилей был глубоко верующим католиком и для него его конфликт с церковью был очень болезненным, так как он считал, что наоборот осуществляя свои теоретические построения он прославляет Бога, пытаясь раскрыть Божий замысел создания вселенной¹³¹.

Крупнейшие мыслители Нового времени Декарт и Бэкон разработали учения, породившие новую ложную дихотомию рационализм-эмпиризм. Многие попытки от Гегеля до Поппера порвать с этой дихотомией делались в духе ответа на вопрос «Что первично?», что смягчало, но не устраняло негативные последствия ложности этой дихотомии, породив такие новые дихотомии и «измы», как материализм-идеализм и позитивизм. Обычно «измы» в каждую эпоху несут на себе определенную ценностную окраску, разделяемую членами определенных научных сообществ. Так в настоящее время сообщества экономистов скорее положительно относятся либо к рационализму, и возможно к материализму, но отрицательно к эмпиризму, идеализму и позитивизму. При этом соответствующие термины часто используются уже не как обозначения достаточно сложных доктрин, а как ярлыки навешиваемые по тем или иным причинам научным противникам. Элементами конструкции нововременной (модернисткой) модели научного исследования являются *объект исследования, исследователь и идеи/теории*.

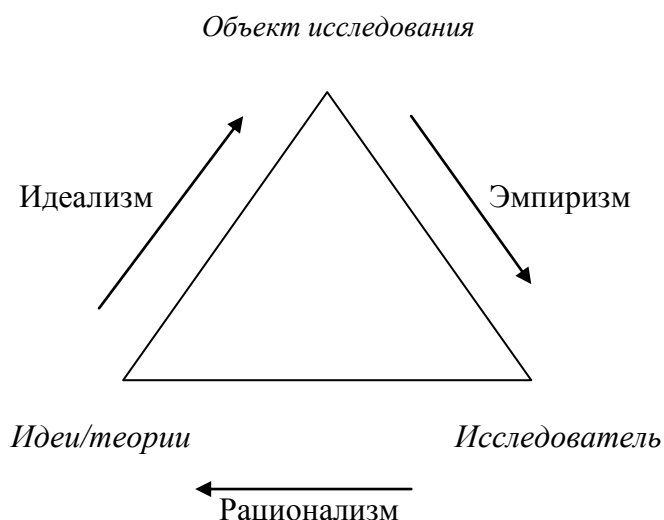

Рис. 3. Нововременная модель научного исследования

¹³⁰ Эта страница в истории Католической церкви явно беспокоила церковных иерархов конца XX века и по решению Папы Иоанны Павла II начала свою работу специальная комиссия, к которой он обратился со следующими словами: «Я надеюсь, что богословы, ученые и историки, вдохновленные идеалами искреннего сотрудничества, изучат дело Галилея более глубоко и тщательно взвесив ошибки, какой бы из сторон они не были допущены, помогут рассеять недоверие, которое в умах многих еще противостоит согласию науки и веры, Церкви и мира», и 31 октября 1992 года на пленарном заседании Ватиканской академии наук в присутствии Коллегии кардиналов и дипломатического корпуса Папа торжественно объявил о завершении работы этой комиссии [Фантоли 1999, с. 4]. «Дело Галилея» волнует не только католиков, см. по этому «делу» вышедшую на русском языке книгу евангелического теолога Чарльза Хаммэля (Charles Hummel) [Хаммэль 2001], которая по-английски называется «*The Galileo Connection: Resolving Conflicts Between Science and the Bible*».

¹³¹ См. биографию Галилея написанную российским автором [Штекли 1972].

Эмпиризм рассматривал связи между этими элементами в таком порядке : « объект исследования » → « исследователь » → « идеи/теории ». Рационализм связывал эти элементы в другом порядке : « исследователь » → « идеи/теории » → « объект исследования ». Контровский позитивизм колебался между этими двумя видениями научного исследования, что позволило Дж.С. Миллю оправдывать нахождение экономической науки в метафизическом/абстрактном состоянии. Ну а идеализм видел последовательность элементов по третьему : « идеи/теории » → « объект исследования » → « исследователь ». Материализм поворачивал направление стрелок в противоположном направлении. Несмотря на все эти отличия, все эти « измы » по существу апеллировали к одной и той же « нововременной » модели научного исследования. Для Нового времени характерно также использование метафор « закон », « механизм » и « организм ». Первая метафора имеет явно религиозное (Ветхий завет) и политическое (абсолютизм, самодержавие) происхождение. Именно эта метафора наряду с понятием причины, сбила мощный потенциал позитивизма. Классическая физика активно апеллировала к механицизму. При своем зарождении (Руссо) политическая экономия использовала метафору организма, но классическая, а затем и неоклассическая версии экономической науки были основаны на метафоре механизма. И наконец, последняя, но по-видимому одна из самых важных черт нововременной модели научного исследования ее индивидуализм, исследователь в этой схеме был *одинок* в поиске *истины, как копии реальности*. Именно эта нововременная модель научного исследования и лежит в основе так называемого научного метода ([Сачков 2003], [Светлов 2008]), который чаще всего представляется в виде гипотетико-дедуктивного метода.

Чарльз Пирс со своим прагматизмом пробил *первую брешь* в нововременной модели научного исследования и сделать это он смог благодаря тому, что по своему образованию и опыту был экспериментатором - естествоиспытателем¹³², то есть по существу его выводы можно рассматривать как результат некоего « включенного наблюдения ». Он рассматривал исследование основанное на наблюдении/эксперименте, как *коллективную деятельность* определенного сообщества исследователей и понятие истины и реальности ставится им в зависимость от этого сообщества : « Так обстоит дело со всяким научным исследованием. Различные умы могут первоначально иметь самые противоположные мнения, однако в процессе исследования какая-то внешняя и чуждая им сила приводит их к одному и тому же заключению. Эта деятельность мысли, которая влечет нас не туда, куда мы хотим , но к предопределенной цели, подобна действию судьбы. Никакое изменение принятой точки зрения, никакой отбор других фактов для изучения, ни даже естественная склонность ума не могут позволить человеку избежать предустановленного мнения. Эта великая надежда воплощена в концепции истины и реальности. Мнение, которому суждено стать общим соглашением исследователей¹³³, есть то, что мы имеем в виду под истиной, а объект, представленный в этом мнении, есть реальное. Вот так я бы стал объяснять реальность » [Пирс 2000а, с. 291, 292]. Что же это за внешняя и чуждая исследователям сила, которая приводит их в процессе исследования к одному и тому

¹³² Свою статью « Что такое прагматизм ? » (1905) Пирс начинает словами : « Автор этой статьи на основании своего собственного обширного опыта пришел к убеждению, что каждый физик, химик, короче говоря, каждый кто смог достичь высот мастерства в любом из направлений экспериментальной науки, наделен умом, до такой степени сложившимся под влиянием жизни в лаборатории, о какой мало кто подозревает <...> С интеллектом тех, чье образование в основном почерпнуто из книг – и разительно отличается таким образом от полученного им самим, - он никогда не сможет стать внутренне близким, хотя бы и находился с ними в приятельских отношениях » ([Пирс 2000а с. 296]. [Пирс 2000b, с. 155]). Перевод исправлен мной (В.Е.) по оригиналу [Peirce 1998 p. 331].

¹³³ Здесь перевод скорректирован по [Пирс 2000б, с. 151].

же заключению? Сейчас вместе с Брюно Лятуром можно сказать, что эта сила есть сила «сопротивления» объекта исследования и эту силу в принципе неизбежно *одинаково* ощущают все члены научного сообщества вовлеченного в экспериментальное взаимодействие с ним. Именно одинаковость этого сопротивления и ведет исследователей к общему соглашению. А сопротивляется объект тому, что о нем утверждают члены сообщества исследователей. Утверждают они это с помощью определенных понятий и Пирс по существу говорит о сопротивлении, хотя и не использует этого слова, сказав, что «он сформулировал теорию («прагматизм») о том, что *понятие (conception)*, то есть рациональный смысл (*rational purport*), того или иного слова или выражения, состоит исключительно в его возможном отношении к жизненному поведению (*conduct of life*)» ([Пирс 2000a, с. 298], [Пирс 2000b, с. 156])¹³⁴»

Далее решающий вклад в разрушение современной модели научного исследования внесли Т. Кун со своим пониманием научных революций [Кун 2002] и П. Фейербенд своим выступлением *против отождествления научности с особым научным методом*, то есть совокупностью правил, управляющих деятельностью науки: «Процедура, осуществляемая с соответствующими правилами, является научной; процедура, нарушающая эти правила, ненаучна» [Фейербенд 2007, с.18]. Наконец, социальный конструктивизм [Бергер и Лукман 1995] предоставил тот строительный материал, с помощью которого можно было уже построить новую, значительно более реалистичную, чем современная, модель научного исследования. Безусловно большую роль в определении очертаний новой модели научного исследования сыграли саморефлексии таких выдающихся исследователей, как Нильс Бор и его ученик Вернер Гейзенберг. Ниже приведенные высказывания Гейзенберга могут помочь экономисту понять должны ли иметь место эмпирические исследования на базе теории или эмпирические исследования для создания теории. Единственную поправку, которую экономист должен сделать к совершенно великолепным рассуждениям Гейзенберга о науке связана с динамичностью социально-политико-экономических процессов. Экономическая наука должна поставлять обществу знания относительно этих процессов основывающихся на их постоянном мониторинге, причем собираемая при этом информация в значительной степени является качественной, а не количественной. Сформулированные понятия и теории будут неизбежно верны только для изучаемого места и только для определенного отрезка времени. Это происходит от того, что *источниками социально-политико-экономических закономерностей* (по-французски: *les régularités*) являются правила (по-французски: *les règles* с тем же корнем, что и *les régularités*), которым следуют акторы, а эти правила могут быть разными в разных национальных и других сообществах и правила эти, особенно неядровые, могут достаточно быстро меняться. Социально-политико-экономические закономерности могут быть ни детерминированными, ни вероятностными, а только, если можно так выразиться, сценарными, так как поведение акторов не полностью определяется правилами, и проявления их воли играет в этих процессах важную роль.

По существу Гейзенберг пришел к идее конструктивизма, утверждая, что «науку делают люди», к идее социального характера научной деятельности, говоря, что «естественные науки опираются на эксперименты, они приходят к своим результатам в беседах людей, занимающимися ими и совещающихся между собой об истолковании экспериментов» [Гейзенберг 2006, с. 277]. Именно Бор и Гейзенберг развенчали современную догму о том, что присутствие исследователя не должно влиять на результаты эксперимента: «Мы не можем вести наблюдения, не внося помеху в наблюдаемый феномен, и влияние квантовых эффектов на инструменты наблюдения само по себе вызывает неопределенность в

¹³⁴ Перевод исправлен мной (В.Е.) по оригиналу [Peirce 1998 p. 332].

наблюдаемом феномене <...> Но не следует здесь видеть нарушение феномена наблюдением ; лучше говорить о невозможности объективизировать результат наблюдения так, как это происходит в классической физике » (Ук. соч., с. 379, 380). Гейзенберг видел релятивистскую опасность в конструктивистском и социальном взгляде на науку : « Если даже и здесь речь идет не об истине, а борьбе интересов, то стоит ли тогда ею заниматься » (Ук. соч, с. 322). Его личный опыт исследователя помог ему разрешить кажущееся противоречие между субъективным и в тоже время объективным характером науки : « Когда мы, как это всегда на первых порах приходится делать в теоретической физике, подытоживаем в формулах данные экспериментов, достигая таким путем феноменологического описания природных процессов, то мы ощущаем, что изобрели эти формулы, более или менее удачно, но изобрели. Но когда сталкиваешься с очень общими закономерностями, какие в конечном счете фиксируются в аксиоматике, то все выглядит совершенно иначе. Тогда перед нашим умственным взором вырисовывается структура, которая и без нас всегда уже существовала и которая совершенно явно не человеческих рук дело. » (Ук. соч, с. 374).

Можно сказать, что все уже было готово для того, чтобы предложить в явном виде новую модель научного исследования, которая бы, в отличии от нововременной, действительно бы отражала научно-исследовательские практики. Однако этого не произошло до тех пор, пока научными практиками не стали серьезно заниматься *антропологи/историки*. Наверное первым антропологом осмелившимся изучать современную экспериментальную физику, а именно « Мир физики высоких энергий », так называлась его книга, был Шарон Трэуик [Traweek 1988]. За ним последовали другие, в том числе и уже упоминавшиеся Карин Кнорр Цетина и Брюно Лятур, однако именно последний является истинным автором новой модели. Причем, что очень важно, построил он ее не как философ/математик, читая книжки и предлагая свои абстрактные построения на базе априорного метода, а как антрополог/историк. В течении двух лет Брюно Лятур и его соавтор Стив Вулгар изучали деятельность лаборатории нейроэндокринологии в одном из калифорнийских научно-исследовательских институтов. Лаборатория была выбрана Лятуром прежде всего потому, что ей руководил американец французского происхождения, да к тому же уроженец той же французской провинции, что и Лятур. Однако такой « ненаучный » выбор оказался очень успешным, в частности потому, что наблюдаемые исследования были оценены Нобелевской премией по медицине 1978 года для руководителя лаборатории Роже Гиймена. Книга Лятура и Вулгара под названием «Лабораторная жизнь. Социальное конструирование научных фактов»¹³⁵ [Latour and Woolgar 1979] вышла вскоре после этого присвоения. Затем антрополог/историк Лятур провел историческое исследование открытия Луи Пастером микробов. Изучая работу Пастера и его учеников между 1870 и 1914 годом Лятур показывает, как в этот период бактериология и французское общество преобразовались вместе.

На Рис. 4 я даю мою версию модели научного исследования предложенной Брюно Лятуром¹³⁶. Как видно модель Лятура не имеет ничего общего с нововременной моделью изображенной на Рис. 3. Его исследования, равно как и исследования других специалистов в *Science Studies* показывают, что реальные практики экспериментальной науки не следуют сейчас и *никогда не следовали в прошлом* нововременной модели. В этом смысле « мы никогда не были нововременными » (*Nous n'avons jamais été modernes*) или менее коряво по-русски « Нового времени не было »¹³⁷, имеется ввиду

¹³⁵ Для издания 1986 года Лятур убрал из подназвания книги « Социальное конструирование научных фактов » слово « социальное », а для французского издания этой книги 1988 года это подназвание было заменено на « Производство научных фактов ». Этим самым Лятур хотел подчеркнуть, что *субъективность научной деятельности не меняет объективный характер ее результатов*. Именно в этом на мой взгляд и состоит основная заслуга Лятура, как методолога науки.

¹³⁶ Мне кажется, что схема отраженная на Рис. 4 очень точно отражает идеи Лятура, хотя ответственность за эту мою интерпретацию, несу конечно только я.

¹³⁷ Именно такое название « Нового времени не было » получила одна из центральных методологических книг Лятура изданная на русском языке [Лятур 2006b].

не было для научных практик. Эта модель позволяет полностью поменять дискурс относительно науки и научного исследования поворачивая его в сторону «как оно есть» от совершенно бесплодного направления «как должно быть». Ведь именно *реальная* наука как она была в прошлом начиная с Галилея с его телескопом и как она есть сейчас в частности в Европейском центре ядерных исследований в Женеве с его Большим адронным коллайдером, обеспечила нам то, что обычно называется плодами научно-технического прогресса. Нередко можно слышать упреки экономистам, я и сам каюсь грешен, что они следуют естественнонаучной традиции и не учитывают специфики своего объекта исследования. Но на самом деле не о естественнонаучной традиции, а нововременном дискурсе о естественнонаучной традиции, а сама традиция и определенный дискурс о ней, это – вещи разные. По настоящему следовали этой традиции только новая немецкая историческая школа и висконсинский институционализм. Если бы большинство экономистов действительно следовали этой традиции, то возможно человечество не имело бы столько неприятностей в XX веке, а России бы точно удалось бы избежать двух национальных катастроф, в начале и в конце века, и сейчас перед лицом кризиса русское общество находилось бы в менее растерянном положении.

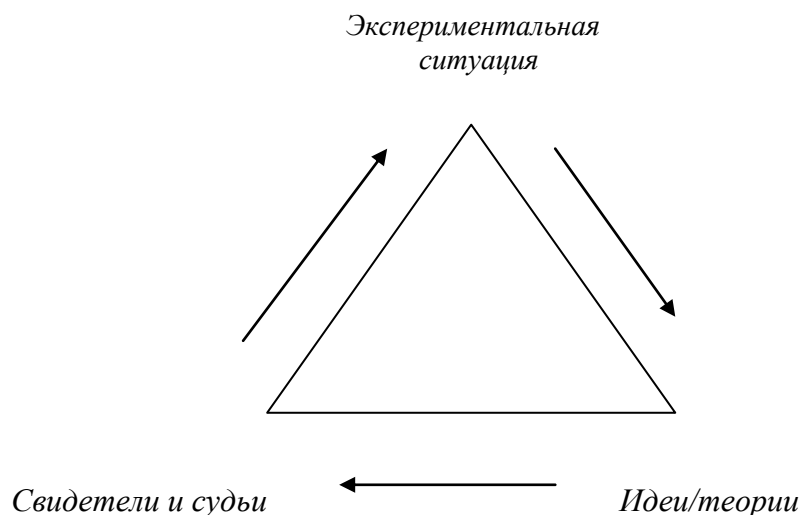

Рис. 4. Новая модель научного исследования

Модель Лятура отбрасывает все дихотомии, «измы» и метафоры сопровождающие нововременную модель. В ней объект исследования не отделен от исследователя, как это имело место в нововременной модели, а образует вместе с исследователем и его «инструментами» *экспериментальную ситуацию*. Идеи и теории генерируемые экспериментальной ситуацией оцениваются определенным сообществом, в составе которого условно можно выделить свидетелей и судей. Разница между первыми и вторыми состоит в том, что свидетели только высказывают свое мнение относительно идей/теорий, а судьи кроме этого, возможно опираясь на мнение свидетелей, принимают решения, которые оказывают самое непосредственное влияние на судьбу, как идеи/теорий, так и будущего экспериментальной ситуации. Большая часть членов научного сообщества поставляет только свидетелей, свидетелями могут быть также представители некоторых сегментов общества, так или иначе затронутых порождаемыми идеями/теориями. Среди судей присутствуют не только облеченные властью члены научного сообщества, но и профессиональные политики. В этом месте

читатель может воскликнуть : « А где же здесь научная объективность ? Эта модель есть не что иное как воплощение релятивизма ». На это я отвечаю : « Дорогой читатель, подожди судить скоро. Я еще не сказал здесь о самой главной черте лятуровской модели научного исследования ». Эта черта, уже неоднократно упоминаемая мною в этой статье, есть лятуровское понимание научной объективности связанное с сопротивляемостью объекта исследования исследователю.

Несколько видоизменяя фразу предложенную О.В. Хархординим, редактором перевода книги « Нового времени не было », для характеристики этого центрального лятуровского положения можно сказать, что *основное свойство объекта исследования, это отметить фантазии ученых о нем*. Вот, что по этому поводу применительно к общественным наукам пишет сам Лятур : « К сожалению, несмотря на то, что эти вездеходы « научной методологии » делают обществоведов внешне похожими на настоящих ученых, они оказываются фальшивой и дешевой имитацией, как только мы возвращаемся к нашему определению объективности как способности объекта достойно противостоять тому, что о нем сказано. Если мы потеряем эту способность объекта влиять на научный результат (чем гордятся сторонники количественных методов), мы потеряем и саму объективность. » [Лятур 2006а, с. 353]. Именно такая сопротивляемость и позволила представителям Новой немецкой исторической школы и Висконсинского институционализма придти к пониманию социально-политико-экономических процессов в их странах и разработать на этой основе предложений и законодательных актов для решения так называемого « социального вопроса » в конце XIX и начале XX веков.

Применение лятуровской методологии с ее обязательным сопротивлением объекта идеям исследователя о нем я проиллюстрирую на примерах из собственного исследовательского опыта. Начну с самого простого варианта этой методологии, которую Ричард Эли называл *look and see*. Если это выражение понимать буквально, то в этом случае мы имеем дело с *этнографическое исследованием*, при котором исследователь ограничивается наблюдением, необязательно вступая в вербальный контакт с акторами. С 1975 по 1984 год я посещая различные предприятия и учреждения был невольным свидетелем различных проявлений централизованного планирования и распределения ресурсов. Нужно сказать, что информацию о том, как реально функционирует советская экономика было не так то просто раздобыть : учебники и монографии содержали информацию не о том, как все происходит на самом деле, а как должно быть. А так как реальное планирование и распределение ресурсов происходило не по учебникам и даже не по методикам, то акторы ощущая нечто вроде чувства вины, а иногда и просто опасности, не очень то этой информацией делились. Однако кое что можно было понять и исходя из простого наблюдения. Так посещая Госплан СССР, я увидел, что работа в нем происходит не только, и может быть не столько в кабинетах, сколько в коридорах, которые были в его здании, которое сейчас занято Думой, очень широкими и в которых были установлены длинные столы с многочисленными стульями. За этими столами всегда можно было увидеть массу людей работавших с объемной документацией разложенной на столах. Можно было догадаться, что это люди с мест, которые защищают в кабинетах планы для своих предприятий, а потом получив замечания выходят из кабинетов, чтобы их скорректировать. Эти сцены дали мне понимание того, что на самом деле советское планирование и распределение ресурсов не было таким уж централизованным. Важнейшими параметрами функционирования советской экономической системы были объемы производства и так называемые фонды, то есть право на покупку, а на самом деле получение ресурсов у предприятия производителя, так как деньги под фонды всегда выделялись. Однажды прибыв накануне Нового Года в город Липецк на Новолипецкий металлургический завод я вдруг обнаружил, что гостиницы города переполнены, чего я не наблюдал раньше при своих многочисленных посещениях этого завода. Осведомившись я узнал, что они набиты так называемыми толкачами жаждущими отоварить не используемые пока фонды на стальной лист выпускаемый заводом. Прибыл я в город 30 декабря, а через два дня эти драгоценные фонды, документы дающие право на получение этих вожделенных остро дефицитных ресурсов, превращались в простые бумажки. Стальной лист важно было получить не только для использования в собственном производстве, но и как « валюту » для бартерного обмена на действительно нужные предприятию ресурсы.

Сцена коридора Госплана в любой рабочий день и липецкой гостиницы в последние календарные дни года дают нам ключ к пониманию функционирования советской экономической системы. Если эти сцены дополнить информацией липецкой газеты о том, что секретарша начальника

отдела сбыта завода была арестована милицией на городском рынке при продаже польской косметики, а при обыске на ее квартире был обнаружен целый склад этой косметики, то картина функционирования советской экономической системы будет полной. Секретарша могла ускорить или замедлить подписание документов на отправку стального листа потребителю и это могло быть решающим для его реального получения, особенно при приближении конца года, отсюда и дары толкачей. Мои посещения Госплана и заводов были связаны с моей работой по построению специального испытательного стенда (имитационной игры) предназначенного для сравнительного анализа влияния различных хозяйственных законодательств на функционирование экономики, созданию которого я посвятил 6 лет, с 1980 по 1986 год, причем 2 последних года практически исключительно на построение компьютерных программ. Правила имитационной игры были моделями хозяйственных законодательств и для их построения я изучал реальное советское хозяйственное право, а также нормативные документы по реформе хозяйственного механизма в Венгрии, которая предусматривала отказ от многих элементов централизованного планирования. Знание относительно хозяйственного законодательства и практики его применения или неприменения, которое я почерпнул из бесед с работниками предприятий и учреждений позволило мне произвести подробный, резко критический анализ предлагаемого комиссией возглавляемой А.Г. Аганбегяном проекта Закона о предприятии¹³⁸.

Создаваемый мною стенд (имитационная игра) предназначался для того, чтобы служить технической и методической основой проведения лабораторных экспериментов. Для того, чтобы выдержать очень высокую интенсивность работы по созданию стенда, последние два года я практически был прикован к компьютеру отлаживая машинные программы, нужно было быть очень мотивированным и я был им, так как считал, что с помощью моего стенда можно наконец будет глубоко разобраться почему же советская экономическая система хромает, а с, другой стороны, опробовать различные проекты по ее реформированию. Двигало мной также чувство соревновательности, так как в ЦЭМИ целый отдел Е.Г. Ясина был нацелен на создание стенда (имитационной игры) с теми же целями. Играло свою роль в моей мотивированности и ощущение, что я являюсь первооткрывателем нового направления в экономической науке – институционалистского моделирования, сейчас я это направление назвал бы *лабораторной экспериментальной институциональной экономикой*. Проведение экспериментов на моем стенде требовало достаточно больших ресурсов, прежде всего времени минимум десятка актеров¹³⁹, а так же многотерминальный компьютер, игра была интерактивной, и помещения примыкающего к залу с терминалами. Исследовательские эксперименты должны были быть достаточно длительными, квартал моделировался за полдня, а для того, чтобы делать какие-то выводы нужно было проиграть функционирование экономики в течении нескольких лет. Я был убежден, что как только мой стенд будет готов, многие научные, учебные и некоторые административные учреждения захотят у себя проводить эксперименты на его основе или участвовать в них. Однако каково же было мое удивление и разочарование, когда практически никто не выразил желания в этом участвовать. Е.Г. Ясин всячески стимулировал меня оформить докторскую диссертацию, для которой по его мнению у меня уже все было сделано, но помочь в организации экспериментов не пожелал. Я же наоборот считал, что стенд создается для того, чтобы его использовать, то есть проводить исследовательские эксперименты и если он не используется, то это означает, что шесть лет моей жизни потрачены впустую. Какое то время я был просто в шоке, но подумав, что все это из-за того, что мой стенд слишком сложен, эксперименты на нем имитировали функционирование национальной экономики, я решил сделать более простой стенд, эксперименты на котором были бы намного дешевле. При этом конечно о народнохозяйственном уровне нечего было и думать, но в тоже время мне требовался объект более-менее замкнутый с точки зрения управленческих воздействий, так как в противном случае эксперименты с ним теряли бы смысл.

Мой выбор пал на районный агропромышленный комплекс и я стал изучать сельское хозяйство, пищевую переработку и другие отрасли комплекса. Сотрудник Т.И.Заславской в Новосибирском Академгородке В.Д. Смирнов стал моим гидом в моем путешествии в эту новую для меня область. Он стал моим гидом и не только фигурально взяв меня с собой в экспедицию на Алтай. Вернувшись в Москву нужно было выбрать конкретный сельский район, который мог бы служить прототипом для моей будущей имитационной игры и им стал Переславский район Ярославской области. Близкое знакомство с районом началось в 1988 году и быстро привело к решению, что вместо построения стенда для проведения *лабораторных экспериментов*, я буду проводить с этими же целями в этом районе *натурный эксперимент*. И эксперимент будет состоять в попытке фермеризации этого района. Этот эксперимент длился с моим участием до 1991 года и значение его для моего формирования как экономиста-экспериментатора трудно переоценить. Это было мое первое исследование действием (*action research*). Здесь я в полной мере ощущал на себе лятуровское «сопротивление объекта исследования»

¹³⁸ См. мою совместно с Т.И. Заславской статью в газете « Советская Россия » от 24 марта 1987 года.

¹³⁹ В отличие от Вернона Смита я предполагал участие в своих экспериментах не студентов, а реальных руководителей, которые должны принести в эксперимент свой опыт, ценности и неформальные правила.

тому, что я о нем думаю. Попытки изменить объект исходя из моего его понимания приводили к его неожиданным реакциям, которые будучи осмысленными *давали либо изменения, либо приращения в его понимании*. В частности, мною достаточно скоро было отброшено общепринятое понимание колхозов/совхозов как предприятий, они были просто цехами в предприятии «район», где руководителем был первый секретарь райкома КПСС. Явления и закономерности с которыми сталкивался я в течении двух лет эксперимента в Переславском районе потом через несколько лет воспроизводились в массовом порядке по всей России. Своим опытом полученным в ходе эксперимента я делился с читателями газеты «Известия»¹⁴⁰, а также сотрудничая в комиссиях Президиума Верховного Совета СССР по разработке «Закона о кооперации» и «Основ земельного законодательства Союза ССР и союзных республик». Когда в 1990 году был опубликован проект Земельного кодекса РСФСР этот опыт позволил мне сделать его резко критический анализ¹⁴¹.

В конце 1991 года Академия народного хозяйства, где я работал профессором на кафедре агробизнеса, посылает меня учиться в одну из французских школ бизнеса. После ее окончания в 1994 году я, перед тем как начать свою работу в проекте финансируемым Европейской комиссией по приватизации продовольственной торговли в городе Минске, решаю пройти стажировку в фирме Auchan. Учитывая мою будущую работу в Минске меня интересуют в первую очередь источники эффективности этого сетевого торгового предприятия. В рамках этой стажировки я получаю возможность проведения включенного наблюдения и углубленных интервью с работниками разных подразделений этой фирмы. Я открываю для себя, что действительно вклад в экономическую эффективность фирмы вносят определенные элементы организации, например такие, как сотрудничество с производителем по совместной разработке новых продуктов или делегирование ответственности по заказам на самый низкий уровень управленческой иерархии, однако я увидел здесь и другое. А именно, что процветание Auchan во Франции непосредственно связано с высоким уровнем безработицы в этой стране. Предлагая низкую заработную плату фирма является временным приютом для безработных, которые работают в ней продолжая искать более подходящую для себя работу, отсюда высокая текучесть рабочей силы и соответственно приспособленный для этого раздутый отдел кадров. Центральная фигура в гипермаркетах Auchan, менеджеры секций, являются объектов жестокой эксплуатации. За достаточно низкую заработную плату в 7000 франков¹⁴² в месяц такой работник имеет 12 - 14 часов рабочий день и 6 дневную рабочую неделю. Менеджеров согласных на подобные условия фирма выращивает сама из способных рабочих, как правило избегая принимать на эти должности людей с управленческим образованием. Другим важнейшим источником экономической эффективности является силовые отношения с поставщиками. Я мог воочию наблюдать их присутствуя на переговорах менеджеров фирмы с руководителями предприятий производителей. Используя свое олигопольное положение фирма своей контрактной политикой ставит большое количество своих поставщиков на грань разорения. Увидев, что работники гипермаркета не очень то беспокоятся о высоком уровне потерь скоропортящихся продуктов, таких как овощи и фрукты, потерь, которых достаточно легко было бы избежать, я узнал, что это связано с тем, что оплачивается фирмой только проданная продукция. Значительные объемы товара выбрасывались, например, достаточно дорогостоящая клубника, но фирму это не очень беспокоило. Источником эффективности фирмы является также нередко достаточно сомнительная с моральной точки зрения политика навязывания товаров покупателю, в которых он может быть и не очень нуждается. По крайней мере мое включенное наблюдения заставило меня начать сомневаться в навязываемом фирмой мифе о ее ожесточенной борьбе за интересы покупателя.

После переславского опыта мне удастся провести еще раз исследование действием в рамках проекта финансируемого Европейской комиссией посвященного экспериментальной приватизации североказахстанских совхозов (1995 – 1997)¹⁴³. Это исследование имело для меня решающее значение для окончательного понимания природы явления «Советское сельское хозяйство». Именно там я понял игнорируемую всеми, в том числе как советскими/российскими, так и западными экономистами аграрниками действительную природу личных подсобных хозяйств (ЛПХ), как прямого продолжения дореволюционных крестьянских хозяйств. Центральная роль этих хозяйств в жизни сельского населения определила сохранение коллективистских форм, а выпадения партии из системы управления при таком сохранении неизбежно достаточно быстро приводило к полной деградации сельского хозяйства, что и наблюдалось на всем пост-советском пространстве. Изучая ряд характеристик районов Акмолинской (бывшей Целиноградской) области, я пришел к выводу, что размер колхоза/совхоза в определенном районе определяется не какими-то соображениями технико-экономической эффективности, а таким

¹⁴⁰ В 1989 году в этой газете были опубликованы мои две статьи.

¹⁴¹ См. мою статью в газете «Сельская жизнь» от 30 сентября 1990 года.

¹⁴² Около 1000 евро.

¹⁴³ Результаты этих исследований были опубликованы в [Yefimov 1997].

количеством хозяйств в районе, руководитель которого (в прошлом первый секретарь райкома) был бы в состоянии управлять, а это зависело прежде всего от размера района и его коммуникационной сети.

Участие в двух других проектах, также финансируемых Европейской комиссией, позволили провести два обследования сельской местности Волжского региона (1999 – 2000)¹⁴⁴, которые были посвящены явлению высокой степени устойчивости институциональных структур советского типа и механизмов приспособления их к изменившимся экономическим и политическим условиям¹⁴⁵. Методом используемым в этих обследованиях был метод углубленных бесед-интервью. Интересно, что результаты двух небольших обследований сельскохозяйственных предприятий, которое я провел в 2007 году в Южном Казахстане и Восточной Украине, не противоречат результатам моих предыдущих исследований. Закljučая этот рассказ о моих исследованиях, я хочу подчеркнуть, что только благодаря сопротивлению о котором говорит Лятур удалось выявить фундаментальные закономерности функционирования изучаемых объектов, которые ускользали от глаз как консультантов, так и научных работников не использующих экспериментальных методов. Понимание или непонимание такого типа закономерностей определяет во многом успех или неуспех разработки и осуществления институциональных преобразований. Материалы на русском и английском языках по моим исследованиям в России я регулярно передавал в Министерство сельского хозяйства и Министерство экономического развития Российской Федерации. После того, как в 2002 году я передал в Европейскую комиссию мое обобщающее исследование¹⁴⁶ по аграрным институциональным преобразованиям в России содержащее критическую оценку российской реформы с указаниями на негативную роль в ней международных организаций, западных правительств и консультантов меня перестали включать в состав экспертов проектов финансируемых Комиссией, которые осуществляются в странах СНГ.

Лятуровская методология позволяет коренным образом изменить взгляд на экономическую науку и радикально изменить ее дискурсы. Прежде всего это касается институциональной экономики. Как известно само название «институциональная экономика» было предложено Уолтоном Хамилтоном (*Walton H. Hamilton*) в 1918 году на заседании Американской экономической ассоциации. Ровно год до этого президентом этой ассоциации был Джон Коммонс. Хамилтон назвал в качестве ее предмета институты, как определенные социальные договоренности (*arrangements*), соглашения (*conventions*) связанные с мыслительными привычками (*habits of thought*). В качестве метода институциональной экономики он назвал «исторический» или «генетический». Хамилтон оказался очень прозорливым оценивая будущее такой институциональной экономики: «История экономической науки подсказывает, что выживание определенной доктрины зависит от ее способности соответствовать мыслительным привычкам времени. Если следующее десятилетие запросит формальную теорию ценности, которая избегает обсуждения того, что представляет собой существующий экономический порядок, то институциональная экономика потерпит неудачу. Если же это десятилетие потребует понимания нашего отношения к миру в котором мы живем, она выживет» [Hamilton 1974]. Очевидно, что она не выжила именно по этой причине.

И вот в 80-е и 90-е годы Оливер Уильямсон и Дуглас Норт, вытащив на поверхность Роналда Коуза запускают так называемую Новую институциональную экономику, резко искажающую хамилтоновский замысел и полностью противоречащую исходным идеям на которых она произросла принесенных в США Ричардом Эли из Германии. Эли в США, как и Каннингем в Англии называли эту рожденную в новых немецких исследовательских университетах науку «новой» в противовес классической и неоклассической версии этой науки. С этой точки зрения, что полностью согласуется с новой лятуровской методологией науки, новая институциональная экономика, или, как ее сейчас называют в России, новая

¹⁴⁴ Результаты опубликованы в [Yefimov 2003].

¹⁴⁵ Это исследование входило в более широкое рассмотрение явления устойчивости русской аграрной институциональной системы, которое включало в себя и изучение аграрной институциональной истории, о чем я уже упоминал выше.

¹⁴⁶ Это был текст на французском языке моей докторской диссертации защищенной в Женевском университете.

институциональная экономическая теория, совсем не является «новой», так как соответствует *старой* неоклассической версии экономической науки с ее старой нововременной методологией. По другому можно сказать, что в Новой институциональной экономической теории (*New Institutional Economics*) произошел *возврат* к классической парадигме неоклассики и с этой точки зрения она принадлежит скорее «старой» экономической науке, а не «новой». Правильнее было бы назвать эти два вида институционализма не старый и новый, а так как это сделали американские политологи, а именно Исторический институционализм (*Historical Institutionalism*) и Институционализм рационального выбора (*Rational Choice Institutionalism*) и в этом случае все встанет на свои места. Такого типа терминологические изменения необходимо сделать в дискурсе тех, кого не устраивает придание прилагательным «новая» ложного ореола новаторства направлению, которое обрета колоссальное влияние, на самом деле тянет сообщество академических экономистов в схоластику и светскую теологию. В отличие от институционализма Эли-Коммонса-Хамилтона в «новой институциональной экономической теории» практическая значимость, как критерий оценки научных результатов, не имеет большого веса, как и вообще в той системе ориентиров, которыми руководствуются многие экономисты [Ананьин 2005 с. 206]. Эмпирические, особенно полевые, исследования рассматриваются в сообществах экономистов, как занятие недостойное для «высококвалифицированных ученых», а если уж они и участвуют в решении каких-то практических задач, то как носители каких-то уже готовых теорий, а не с целью создавать теории имеющие практическую значимость.

Исторический институционализм, о котором речь шла выше, может рассматриваться как некая *рамочная социальная теория*. Специализация науки при исследовании в рамках исторического институционализма определяется тем, где мы делаем акцент на экономике, политике или социальных вопросах. Именно акцент, но при этом сохраняется возможность понимания и взаимодействия представителей разных специальностей. Часто требуемая междисциплинарность, о которой много говорят, не реализуется на практике из-за того, что, с одной стороны, налицо непонимание представителями разных специальностей друг друга по причине использования совершенно по-разному определяемых понятий, а с другой стороны, из-за их принадлежности к разным сообществам, институционально никак не связанным друг с другом. Ссылки на публикации представителей других дисциплин не только не приветствуются, но и могут вызвать отрицательные реакции своего сообщества. Каждый, кто осмелится осуществить междисциплинарное исследование в рамках двух дисциплин рискует сесть между двух стульев и быть отброшенным (не принятым) обоими сообществами, со всеми вытекающими для этого исследователя отрицательными последствиями. На мой взгляд исторический институционализм как рамочная теория может решить по крайней мере первую из указанных проблем междисциплинарного сотрудничества. Воплощая две традиции (немецкой исторической школы и исходного, идущего от Ричарда Эли и Джона Коммонса, американского институционализма) исторический институционализм может помочь восстановить эти взятые из прошлого традиции для того, чтобы экономическая наука действительно стала наукой. Для того, чтобы исторический институционализм нашел достойное место в экономической науке, необходимы глубокие преобразования института экономической науки, а сообщество академических экономистов должно кардинально пересмотреть видение своей профессии. Разработка стратегии и тактики реформы российской экономической науки должна также осуществляться на основе идей исторического институционализма, в том числе приняв во внимание *path*

dependence. Важнейшей частью этой реформы должна стать реформа экономического образования в высшей школе.

Аутизм, то есть потеря связи с реальностью, как характерная черта доминирующего сейчас направления экономической науки, о котором говорили французские студенты-экономисты в 2000 году, проистекает от априорно-абстрактного, неэкспериментального характера этой науки, хотя слово наука применять в этом случае *уже некорректно*. Аутизм, как отсутствие реакций на сигналы из внешнего мира, или по другому, отсутствие обратной связи является важной чертой экономического образования в высшей школе. Протест французских студентов вызвал в то время много шума и Министр национального образования социалист Жак Ланг поручил Жану-Полю Фитусси, одному из столпов французского экономико-академического истеблишмента, провести изучение отечественных и иностранных практик преподавания экономических наук в высшей школе и подготовить доклад содержащий «размышление, позволяющее установлению таких условий обучения, которые бы без потери научного богатства и строгости способствовало бы улучшению дебатов в обществе». В этом запросе нет упоминания о том, против чего собственно выступали французские студенты, а именно против «вымышленных миров» (*les mondes imaginaires - imaginary worlds*), в которые их погружают курсы микро-макроэкономики. Они требовали выхода (*sortons, to escape*) из этих миров и приближения экономического образования к реальности. Запрашиваемый доклад был достаточно быстро подготовлен и опубликован под претенциозным названием «Высшее образование в области экономических наук под вопросом» [Fitoussi 2001]. В аналитической части доклада аутический характер преподаваемых экономических дисциплин науки в нем даже не упоминался, а рекомендательная часть включала предложения по некоторой реструктуризации преподавания тех же дисциплин и меры типа повышения заработной платы преподавателей. Доклад несколько пожурил чрезмерное использование математики, против которого выступали студенты, но был далек от того, чтобы считать, как считает Роберт Каттнер (*Robert Kuttner*) применительно к американскому экономическому образованию¹⁴⁷, что «экономические факультеты выпускают поколение ученых идиотов, блестящих в известной лишь посвященным математике, однако оторванных от реальной экономической жизни»¹⁴⁸.

По существу такой вывод подтверждают два обследования аспирантского экономического обучения в США проведенные американским профессором экономики Дэвидом Коландером. Первое из них было проведено около двадцати лет тому назад [Colander and Klamer 1990] и «обрисовывало не очень лестную картину аспирантского экономического образования», «это была картина профессии заблудившейся в чистой теории и технических тонкостях с малым вниманием к идеям», «экономическая наука имела дело с умственными играми, а не с реальными проблемами экономики» [Colander 2007, p. 8, 9]. Второе обследование было проведено совсем недавно и внимательное изучение его материалов [Colander 2007] показывает, что ситуация мало в чем изменилась. Обнародование результатов первого обследования имело своим результатом создание Американской экономической ассоциацией специальной

¹⁴⁷ Роберта Каттнера, американского журналиста, писателя и экономиста, вряд ли можно считать плохо информированным. Он закончил Калифорнийский университет (Беркли) и Лондонскую школу экономики. Каттнер является одним из основателей и соредатор журнала "The American Prospect". Беркли).

¹⁴⁸ Цитируется по [Colander 2007, p. 9].

комиссии *COGEE*¹⁴⁹, результаты работы которой, как позже и доклад Фитусси, также были опубликованы [Kueger et al. 1991]. Перед комиссией стояла двуединая задача: выяснить, что происходит в экономическом образовании и как применяются результаты научных исследований на практике. Комиссия пришла к выводу, что экономическое образование вооружает докторантов хорошими математическими навыками и инструментами анализа, однако не дает понимания сути экономических проблем и институтов, а также не учит тому, как практически применять приобретенные навыки и инструменты. В докладе указывалось, что «вызывает озабоченность степень, в какой аспирантское экономическое образование оказалось чрезвычайно оторванным от реальных экономических проблем». Комиссия выяснила, что завышенные требования к знанию математики и статистики являются зачастую непреодолимым барьером для творчески мыслящих экономистов, в то время как докторские степени могут достаться физикам или математикам, не способным ориентироваться в простейших экономических вопросах. Складывается парадоксальная ситуация: чтобы получить степень доктора экономики, совсем не обязательно в ней разбираться¹⁵⁰. Именно в этом и исповедовался в своей статье Ариэль Рубинштейн.

Доклад *COGEE* и доклад Фитусси по своему духу очень схожи, рекомендации их нацелены не на кардинальный отход от априорно-абстрактного подхода, который нам завещал Дж.С. Милль, а на создание иллюзии, что «недостатки будут устранены и дальше все будет хорошо». Это подтверждает мысль о том, что *экономическая наука не может быть реформируема изнутри. Изменения должны быть привнесены извне.* Общество должно решить готово ли оно содержать армию экономистов-теологов, выполняющих задачу представления и интерпретации определенных социальных проектов или лучше использовать эти ресурсы на содержание экономистов-исследователей, которые принесут ему понимание самого себя, на основе которого можно было бы разрабатывать и осуществлять реалистические социально-экономические реформы. По моему мнению для этого необходимо внести следующие изменения институционального характера:

1. Поменять образ науки вообще и экономической науки в частности в обучении молодежи начиная со средней школы. Отказаться от образа нововременной модели научного исследования в пользу новой (лятуровской) модели, в том числе отбросить ее метафоры, дихотомии и «измы» ;
2. Поменять правила рекрутирования в профессию нацелив их на образ ученого экспериментатора-исследователя, а не математика/философа или схоласта/теолога. В связи с этим роль математики, на разных этапах отбора, в том числе на вступительных экзаменах, должна быть уменьшена, а роль экспериментальных наук увеличена. Создать условия для увеличения вероятности попадания в профессию «любопытных альтруистов» ;
3. Разделить в университетах экономические кафедры нацеленные на экономическую науку с ее экспериментальным характером и кафедры экономической философии, связанные с социально-политико-экономическими проектами ;
4. Для того, чтобы экономическая наука выполняла свою социальную роль *науки*, а не теологии, необходимо настроить экономическое образование не на обучение теориям, в настоящее время в большинстве своем чисто схоластическим, а на познание социально-политико-экономических реалий. Методология и методы исследования должны быть в центре процесса обучения, но методология лятуровского типа, а методы не столько количественные, сколько качественные, связанные с прямым контактом с акторами.

¹⁴⁹ *Commission on Graduate Education in Economics*

¹⁵⁰ www.institutiones.com/general/600-formalizaciya-macroeconomici.html

Экономист должен перестать быть «математиком/философом», а должен стать «антропологом/историком», использующим, если это необходимо количественные, в том числе и статистические, методы, и на это и должна быть нацелена его подготовка в высшем учебном заведении. Практические занятия с компьютером должны быть связаны не с манипулированием моделями-баснями, а с освоением способов использования компьютера в экономических исследованиях, в том числе, и может быть прежде всего, для поиска информации об изучаемом объекте.

5. Лекции должны играть только вводно-ориентационную роль, а основная масса аудиторных занятий должна проходить в виде семинаров. На семинарах студентам предлагается не пересказывать услышанное на лекциях и прочитанное в книгах, а либо выступать в дебатах по тому или иному вопросу, либо участвовать в разборе конкретных ситуаций (*case studies*). Последние в бакалавриате должны носить в основном чисто учебный характер, а в магистратуре учебно-исследовательский, при котором преподаватель вовлекает студентов в процесс своих собственных исследований.

6. Важным направлением образования получаемого на экономических факультетах университетов должно быть доведение до студентов знаний относительно институциональной структуры экономики и экономического права¹⁵¹ в прошлом и настоящем, в России и зарубежом. Экономическая история должна изучаться прежде всего как институциональная эволюция, а история экономической мысли, с одной как сопровождающая эту эволюцию, а с другой стороны как институциональная история самой экономической науки.

7. Необходимо изменить институциональные и дискурсивные практики относительно академической свободы. Преподаватель-исследователь должен ориентироваться не только на свое научное сообщество, но прежде всего на нужды общества в котором он живет. Ученый-исследователь должен быть социально ангажированным, а не социально безразличным. Для любопытных альтруистов это является скорее стимулирующим, а не тормозящим фактором в их исследовательской работе. Выбор направлений исследования должен определяться не тем, что делает большинство, а напрямую связан с необходимостью решения жгучих проблем общества. Оценка результатов исследований должна происходить исходя из того вклада, которое они вносят в их решение.

Применительно к естествознанию в России имеется колоссальный опыт организации экспериментальных исследований и подготовки специалистов для таких исследований. Одним из примеров может служить организация Московского физико-технического института (МФТИ, «Физтех»). Один из инициаторов его создания ученик Э. Резерфорда¹⁵², П.Л. Капица¹⁵³, так сформулировал принципы «системы Физтеха»¹⁵⁴:

¹⁵¹ Не путать с хозяйственным правом, которое сейчас ассоциируется с предпринимательским правом.

¹⁵² Эрнест Резерфорд (*Ernest Rutherford*) (1871-1937) — британский физик новозеландского происхождения. Известен как «отец» ядерной физики, создал планетарную модель атома. Лауреат Нобелевской премии по химии 1908 г. <http://ru.wikipedia.org/> Книга Д. Данина посвященная биографии этого величайшего физика-экспериментатора двадцатого столетия была в мои студенческие годы моей любимой книгой.

¹⁵³ Пётр Леонидович Капица (1894, 1984), физик, академик (1939), член Президиума АН СССР (с 1957), дважды Герой Социалистического Труда (1945, 1974). Лауреат Нобелевской премии по физике (1978). Дважды лауреат Сталинской премии (1941, 1943). <http://ru.wikipedia.org/>

¹⁵⁴ <http://ru.wikipedia.org/>

1. подготовка студентов по специальности проводится непосредственно научными работниками базовых институтов на новом техническом оборудовании этих учреждений;
2. подготовка в базовых институтах предусматривает индивидуальную работу с каждым студентом;
3. каждый студент должен участвовать в научной работе, начиная со второго-третьего курса;
4. при окончании института студент должен владеть современными методами теоретических и экспериментальных исследований, иметь достаточные инженерные знания для решения современных технических задач.

Как известно среди преподавателей МФТИ было семь нобелевских лауреатов, а сам Капица за 10 лет до Чернобыля в докладе «Глобальные проблемы и энергия», прочитанном в Стокгольмском университете, предупреждает о грозящей опасности¹⁵⁵. Россия нуждается в экономистах, если так можно выразиться, капицевской породы, которые смогли бы предсказывать такие вещи, как последствия реформ 90-х годов прошлого или кризис начала этого века и помогать политикам и обществу в целом по их предотвращению, а если это невозможно по смягчению их протекания и их последствий.

Висконсинский университет во времена Эли и Коммонса строго следовал идеям двух ректоров Берлинского университета Гумбольдта и Шмоллера. Сейчас в России нередко можно услышать, что гумбольдтовская модель университета устарела. Университет все чаще рассматривают как предприятие поставляющее на рынок образовательные услуги/ресурсы [Геворкян 2005], а студента как потребителя этих услуг/ресурсов. Здесь безусловно сказываются реальное «орыночевание» высшего образования в России, как следствие недавнего трагического для российского общества периода, следование сегодняшней американской модели университета¹⁵⁶, а также феномен проникновения в мировоззрение россиян «рыночной религии», о которой речь шла в первом разделе статьи, и которая все и вся заставляет видеть через призму неоклассической экономической теории. Все это толкает академических экономистов тяготеть к типу «коммерсанта», а не «любопытного альтруиста», однако в нынешних условиях только последний способен работать как «антрополог/историк». Выход из тупика только один : создание «гумбольдтовских» условий для тех коллективов академических экономистов, которые будут работать по

¹⁵⁵ Рассказав об аварии на американской АЭС «Браунс Ферри», он отмечает: «Авария показала, что математические методы расчетов вероятности такого рода происшествий неприменимы, поскольку, как было в данном случае, не учитываются вероятности того, что происходит из-за ошибок в поведении людей». Пытается напечатать этот доклад в журнале «Наука и жизнь», который выходил тогда трехмиллионным тиражом. Редакция статью отвергает, объясняя свой отказ нежеланием «пугать людей». Капица передает свой президенту Академии наук и директору Института атомной энергии А. П. Александрову. <http://ru.wikipedia.org/>

¹⁵⁶ Модель эта уже получила свое название : академический капитализм [Slaughter and Rhoades 2004]. Достаточное большое число американских авторов пишущих о высшем образовании видят большие опасности этой модели. Так, бывший декан Гарвардского колледжа Гэри Льюис в своей книге ставит вопрос, а вообще есть ли будущее у такой модели [Lewis 2007]. Названия книг двух других американских авторов говорят сами за себя : « Университет Инк. Корпоративная коррупция высшего образования » [Washburn 2005] ; « Будущее высшего образования. Риторика, реальность и риски рынка » [Newman et al. 2004]. Чтение этих книг приводит к выводу, что высшее образование должно быть в значительной степени государственным и нацелено на общенациональные интересы, которые не сводятся к подготовке работников для работодателей и выполнению исследований по заказу частных компаний и на деньги частных фондов.

Коммонсу. Сделать это может только сильная политическая воля озабоченная национальными интересами России.

-----ooOoo-----

Цель этой статьи состоит в том, чтобы убедить экономистов, тех, кто сейчас задействован в профессии, а также будущих академических экономистов-исследователей, отбросить методологию, которая досталась нам от Нового времени, которую разделяют как ортодоксальное, так большая часть неортодоксальных направлений в нашей дисциплине. Хотя Новое время и связано с развитием науки о природе, то что по-английски и называется *science*, однако нужно четко осознавать, что тип мышления порожденный Научной революцией стартовавшей в 1543¹⁵⁷ году и тип мышления связанный с Новым временем не одно и тоже. Столкновение этих двух типов мышлений проявилось в уже упоминавшемся выше споре между Робертом Бойлем и Томасом Гоббсом¹⁵⁸. Бойль на заседаниях Лондонского королевского общества для содействия успехам естествознания демонстрировал своим коллегам по обществу и приглашенной публике свои опыты. Напомню, что лозунгом общества было и остается выражение «Ничего на словах». Гоббс критиковал исходную установку членов этого общества, а именно их веру в возможность постижения универсальных законов природы посредством систематических экспериментальных исследований. В принципе, Гоббс не исключал полезности и даже истинности отдельных экспериментов, однако полагал, что познание универсальных законов природы должно основываться на универсальных же законах математики и логики, восходя затем от них к конкретным явлениям. Между тем в лаборатории, считал Гоббс, мы видим демонстрацию каких-то явлений, а затем их интерпретацию, достигнутую на основе соглашения группы людей и претендующую на выявление истины. Члены общества объясняли, что их соглашения не имеют ничего общего со сговором, их знание носит принципиально публичный характер, в чем они предлагают убедиться всем желающим. Ученые поясняли, что, достигая соглашения, они пользуются хорошо известными принципами судопроизводства: один свидетель - не свидетель; выслушиваться должны все свидетельства; в случае сомнений расследования необходимо продолжить; члены сообщества, как и судьи, должны быть людьми с незапятнанной репутацией; не допускается умолчание о неудачных экспериментах и т.д. Кроме того, общество регулярно публикует отчеты, включающие подробные описания проведенных опытов и использованных инструментов, а также мнения всех участников обсуждения. Эти отчеты содержат только факты, изложенные так, чтобы любой желающий мог повторить описанные опыты.

В первые же годы работы Королевского общества сформировался один из важнейших принципов экспериментального естествознания - универсальная воспроизводимость любого эксперимента. Читая письменные отчеты об опытах, человек постепенно приучался (как и их авторы) начинать исследования не с философских размышлений о сущности изучаемых субстанций и даже не с гипотез о природе веществ, а с анализа устройства инструментов и способов их применения при исследовании данных явлений. Таким образом, читатель (и исследователь) постоянно имел дело не с гипотетическими сущностями, а с конкретными, хорошо известными (например, воздушный насос) или легко представимыми (отчеты содержали множество

¹⁵⁷ В этом году вышла книга Николая Коперника «Об обращениях небесных сфер», в которой провозглашался отказ от господствовавшей в течение почти полутора тысяч лет геоцентрической системы Птолемея.

¹⁵⁸ Изложение спора я заимствую из [Менцин 1993].

подробных рисунков) устройствами, превращавшимися в лаборатории в основной источник получения знаний о природе¹⁵⁹. Гоббс стоял за априорную теорию « эфира » предложенную Декартом, а Бойль на основании своих опытов не оставил от нее камня на камне. Большая часть ученых — последователи корпускулярной теории — с восторгом восприняли идеи Бойля. Многие из его идейных противников тоже вынуждены были признать открытия ученого, в их числе и физик Христиан Гюйгенс, сторонник идеи существования эфира. Бойль сделал ряд открытий, но так и не смог дать правильного объяснения горению, так как, подобно многим ученым того времени, считал, что в огне содержится особый элемент « теплород ». Теория теплорода была отвергнута в результате данных естествоиспытателей, что послужило опорой для принятия теории молекулярной физики в середине XIX века.

А теперь представим себе, дорогой читатель, в каком бы мире мы жили, если бы точка зрения Гоббса на « эфир », да и на научный метод вообще, была бы признана правильной, а Бойля ошибочной, если бы процесс экспериментального исследования с тех пор и до наших дней не продолжался бы и теории типа « эфира » и « теплорода » продолжали бы свое хождение. Это был бы совсем другой мир, мир без машин и техники, которая нас окружает, потому что попытки создания их, если бы такие предпринимались, на основе теорий « эфира » и « теплорода » были бы обречены на неудачу. Однако экономическая наука практически только и состоит из такого типа теорий, то есть теорий априорного типа, а не тех, которые вытекают из опыта, объясняются и подтверждаются им. Не удивительно, что экономическая « наука » вызвала столько несчастий на земле. Наверное, Россия является страной, которая в XX веке пострадала от экономической науки больше, чем какая то ни было другая. В начале века основываясь на марксовой теории классовой борьбы находящей свое обоснование в экономической теории прибавочной ценности/стоимости, большевики погрузили страну в хаос, чекистский террор и жесткую эксплуатацию и ограбление основной части народа (крестьянства), процесс, который был недалек от геноцида собственного народа. В конце века основываясь на либеральной идеологии, « научным » обоснованием которой является неоклассическая экономическая теория, « реформаторы » погрузили страну в хаос, бандитский террор и ограбление страны горсткой приближенных к власти олигархов. По мнению С.Ю. Глазьева глубокое разрушение научно-промышленного потенциала страны и деградация социальной сферы произведенное в результате навязанной России от имени экономической « науки » псевдореформы также может быть охарактеризовано как геноцид [Глазьев 1998].

Вместе со всем народом в тяжелом положении оказалось и сообщество отечественных академических экономистов. Для того, чтобы выжить одни члены этого сообщества стали стремиться включиться в « международное научное сообщество », другие предлагать образовательные услуги, массовый спрос на которые возник со стороны действующих и потенциальных предпринимателей и их работников, а третьи стали делать и то и другое. Зарубежные фонды и международные организации канализовали процесс преобразования экономического образования в России в сторону копирования такого образования на Западе. Инновационный проект развития образования (ИПРО) инициированный Всемирным банком имел в качестве одного из результатов включение в учебные планы задействованных в проект вузов таких курсов как микроэкономика, макроэкономика и эконометрика [Жилина 2006, с 84]. С нуля с помощью проекта финансируемого Европейской комиссией был создан

¹⁵⁹ Именно так, следуя этой традиции естествознания, документируется исследования проводимые обществоведами использующими качественные методы, что в принципе дает возможность каждому желающему повторить и/или проверить результаты исследований.

Государственный университет Высшая школа экономики, который играет важную роль в распространении западной модели экономического образования [Suspitsyna 2005]. В настоящее время этот процесс продолжается, причем предпочтение отдается копированию американской модели преподавания экономики [Жилина 2006, с 92]. Большая часть российского образования в России является платным и родители охотно платят вкладывая свои деньги в будущее детей. По-видимому они не ошибаются, так как « выпускники экономических вузов по-прежнему остаются самыми популярными на рынке труда – на их долю приходится свыше 40% спроса » [Семеко 2006, с 138]. Конечно предприятиям нужны бухгалтера, финансисты, маркетологи, менеджеры по продажам и тому подобные работники, но кто, где и как готовит экономистов-исследователей? Вот вопрос, ответ на который по-видимому определит будущее российской экономической науки. Если и их подготовка пойдет по нынешним американским учебным планам, то совершенно определенно можно сказать, что в этом случае российская экономическая наука не сможет успешно выполнять свою социальную функцию. В этой статье я рассказал историю о другом американском опыте, когда на основании идей Вильгельма Гумбольдта и Густава Шмоллера, возник висконсинский институционализм (*Wisconsin Institutionalism*) и связанная с ним висконсинская идея (*Wisconsin Idea*). Президент США Теодор Рузвельт охарактеризовал то, что делалось в Висконсине, как « лабораторию экспериментального законодательства нацеленного на обеспечение социального и политического улучшения положения всего народа » [Roosevelt 1912, р. 2]. Может быть однажды один из Президентов России сможет сказать нечто подобное о российском университете, который отважится встать на путь указанный этими двумя великими немцами.

Литература

Августин (Архимандрит), *Руководство к основному богословию*. Минск : Харвест. 2001.

Автономов В. и др. *История экономических учений*. М. : ИНФРА-М, 2008.

Ананьин О. *Структура экономико-теоретического знания. Методологический анализ*. М. : Наука, 2005.

Ананьин О. « Философия и методология экономической науки ». В (Лебедев, 2006, с. 353 -436).

Ананьин О. (ред.) *Искусство экономики : Методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях*. М. : Наука. 2007.

Андрефф В. « Постсоветская приватизация в свете теоремы Коуза : транзакционные издержки и управленческие затраты », « Российская приватизация на переломе : некоторые нерешенные вопросы транзакционных издержек и управленческих затрат в постсоветских экономиках ». Главы II.4 и II.5 [Олейник, 2005], с. 438 – 553.

Беккер Г. *Избранные труды по экономической теории. Человеческое поведение. Экономический подход*. М. : ГУ ВШЭ. 2003.

Белановский С.А. *Глубокое интервью*. М. : Никкколо-Медиа. 2001.

Бергер П. и Т. Лукман. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М. : « Медиум ». 1995.

Боголюбов А. Н. *Роберт Гук (1635—1703)*. М.: Наука, 1984.

Боннер У. И Э. Уиггин. *Судный день американских финансов. Мягкая депрессия XXI века*. Челябинск : Социум. 2008.

Бредемайер К. *Искусство словесной атаки*. М. : Альпина Бизнес Букс. 2005.

Бредемайер К. *Черная риторика. Власть и магия слова*. М. : Альпина Бизнес Букс. 2006.

Бреннан Дж. и Дж. Бьюкенен. *Причина правил. Конституционная политическая экономия*. Санкт-Петербург : « Экономическая школа ». 2005.

Буайе Р. *Теория регуляции. Критический анализ*. М : Издательство РГГУ. 1997.

Вавилов С.И. *Исаак Ньютон*. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1945.

Вахштейн В. (ред.) *Социология вещей*. М. : « Территория будущего ». 2006.

Гальперин И.Р. и Э.М. Медникова, *Большой англо-русский словарь. В двух томах*. М. : « Русский язык ». 1987.

Геворкян Е.Н. *Рынок образовательных ресурсов: аспекты модернизации*. М. : « Маркет ДС Корпорейшн ». 2005

Гейзенберг В. *Избранные философские работы*. СПб. : « Наука ». 2006.

Глазьев С. *Геноцид*. М. : Издательство « Терра ». 1998

Дмитриев Г.Д. *Анатомия американского университета*. М. : « Народное образование ». 2005.

Дюркгейм Э. *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. М. : Канон. 1995.

Ефимов В.М. « К теории управленческих имитационных игр » // *Динамическая и вероятностная оптимизация экономики*. Новосибирск : « Наука ». 1978. с. 132 – 174.

Ефимов В.М. « Игровая имитационная модель для исследования проблем хозяйственного механизма » // *Экономика и математические методы*, № 4, 1986. с. 651 – 661.

Ефимов В.М. *Имитационная игра для системного анализа управления экономикой*. М. : « Наука ». 1988.

Ефимов В.М. «Предмет и метод интерпретативной институциональной экономики» // *Вопросы экономики*. № 8, 2007а. с. 49 – 67.

Ефимов В.М. «Спор о методах и институциональная экономика» // *Экономический вестник Ростовского Государственного Университета*, № 3, том 5. 2007б. с. 18 – 36.

Ефимов В.М. «Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы» // *Мир России*, № 1, 2009. с. 74 – 116.

Жид Ш. и Ш. Рист. *История экономических учений*. М. : Экономика. 1995.

Жилина И.Ю. «Трансформация содержания курсов экономических дисциплин в ходе реформирования высшего образования» // В [Макашева 2006], с. 72 – 98.

Карлин С. *Математические методы в теории игр, программировании и экономике*. М. : Издательство «Мир». 1964.

Касьян А.А. *Идеология и наука. Дискуссии советских ученых середины XX века*. М. : Прогресс-Традиция. 2008.

Кейнс Дж.М. Альфред Маршалл, 1842 – 1924. // А. Маршалл. *Принципы экономической науки*. Т. I. М. : Прогресс. 1993. с. 5 – 55.

Конт О. *Дух позитивной философии*. Ростов н/Д : «Феникс». 2003.

Кун Т. *Структура научных революций*. М. : Издательство АСТ. 2002.

Кузьминов Я. и М. Юдкевич «Академическая свобода и стандарты поведения» // *Вопросы экономики*, № 6, 2007, с. 80 – 93.

Латур Б. «Когда вещи дают отпор : возможный вклад «исследований науки» в общественные нвуки» // Вахштейн В. (Под ред.) *Социология вещей*. М. : «Территория будущего». 2006а. с. 342 – 266.

Латур Б. *Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии*. СПб. : Европейский университет. 2006б.

Лебарон Ф. «Социология Пьера Бурдьё и экономические науки» // *Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН*. М. : Праксис. 2005. с. 79 – 90.

Лебедев С.А. (ред.). *Философия социальных и гуманитарных наук*. М.: Академический проект. 2006.

Леонтьев В. «Теоретические допущения и ненаблюдаемые факты» // *США : экономика, политика, идеология*. № 9, 1972.

Макашева Н.А.(Отв. ред.). *Экономическая наука и экономическое образование в переходный период*. М. : ИНИОН РАН. 2006.

Мак-Ким Д.К. *Вестминстерский словарь теологических терминов*. М. : Издательство « Республика ». 2004.

Менцин Ю.Л. « Лаборатория и парламент (У истоков современной политической культуры Запада) » // *Вопросы истории естествознания и техники*, № 4, 1993.

Милль Дж.С. *Огюст Конт и позитивизм*. М. : ЛКИ. 2007.

Милль Дж.С. *Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии*. М. : ЭКСМО. 2007.

Московский А. « Институционализм : теория, основа принятия решений, метод критики » // *Вопросы экономики*, № 3, 2009. с. 100 – 124.

Мосс М. *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*. М. : « Восточная литература » РАН. 1996.

Назаров В.Н. *Введение в теологию*. М. : Гардарики. 2004.

Нефедова Т. *Сельская Россия на перепутье. Географические очерки*. М. : Новое издательство. 2003.

Нефедова Т., Дж. Пэллот. *Неизвестное сельское хозяйство, или зачем нужна корова*. М. : Новое издательство. 2006.

Новикова С.С. *Социология: история, основы, институционализация в России*. - М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000.

Нуреев Р.М. *Теория общественного выбора*. Schmidt V. A. М. : ГУ ВШЭ. 2005.

Окрепилов В.В. (ред.) *Лауреаты Нобелевской премии по экономике. Том I (1969 – 1982)*. СПб. : Наука. 2007.

Олейник А. (ред.) *Институциональная экономика*. М. : ИНФРА-М. 2005.

Парсонс Т. *О структуре социального действия*. М. : Академический проект. 2000.

Пирс Ч.С. *Избранные произведения*. М. : Логос. 2000а.

Пирс Ч.С. *Начала прагматизма*. СПб. : « Алетейя ». 2000б.

Полани М. *Личностное знание: На пути к посткритической философии*. М. : 1985.

Радаев. В.В. *Захват российских территорий. Новая конкурентная ситуация в розничной торговле*. М. : ГУ ВМШ. 2007.

Радаев. В.В. « Экономические империалисты наступают ! Что делать социологам. // *Экономическая социология*, т. 9, № 3, 2008, с. 25 – 32.

Рубинштейн Ар. « Дилеммы экономиста-теоретика » // *Вопросы экономики*, № 11, 2008, с. 62 – 80.

Самуэльсон П. и У. Барнетт (ред.) *О чем думают экономисты. Беседы с нобелевскими лауреатами*. М. : Сколково. 2009.

Сапир Ж. *К экономической теории неоднородных систем. Опыт исследования децентрализованной экономики*. М. : ГУ ВШЭ. 2001.

Сачков Ю.В. *Научный метод. Вопросы и развитие*. М. : УРСС. 2003.

Светлов В.А. *История научного метода*. М. : Академический проект. 2008.

Семяко Г.В. « Основные тенденции в сфере подготовки кадров экономистов в России (1990 – 2005) ». // В [Макашева 2006], с. 129 – 147.

Семенова В.В. *Качественные методы : Введение в гуманистическую социологию*. М. : Добросвет. 1998.

Смит А. *Теория нравственных чувств*. М. : Республика. 1997.

Смит В. *Экспериментальная экономика*. М. : ИРИСЭН-Мысль. 2008.

Сокал А., Брикмон Ж. *Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна*. М.: «Дом интеллектуальной книги», 2002.

Сонин К., И. Хованская и М. Юдкевич. « Построение исследовательского университета : структура финансирования и условия найма профессоров ». *Вопросы экономики*, № 12, 2008. с. 72 – 83.

Степин В.С. *Философия науки. Общие проблемы*. М. : Гардарики. 2006.

Страус А. И Д. Корбин. *Основы качественного исследования. Обоснованная теория. Процедуры и техники*. М. : УРСС. 2001.

Титова Н.Е. *История экономических учений: Курс лекций*. — М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС. 1997.

Фантоли А. *Галилей : в защиту учения Коперника и достоинства Святой Церкви*. М. : « МИК ». 1999.

Фейербенд П. *Против метода. Очерк анархистской теории познания*. М. : Издательство « Хранитель ». 2007.

Фихте И. *Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение*. Минск : Харвест. 2000.

Флигстин Н. « Поля, власть и социальные навыки : критический анализ новых институциональных течений ». // *Экономическая социология. Новые подходы к институциональному и сетевому анализу*. М. : РОССПЭН. 2002. с. 119 – 156.

- Фридман М. *Капитализм и свобода*. М. : Новое издательство. 2006.
- Фридмен М. « Методология позитивной экономической науки » // THESIS. 1994. Вып. 4. с. 20 - 52.
- Хайек Ф.А. *Дорога к рабству*. М. : Новое издательство. 2005.
- Хаммель Ч. *Дело Галилея. Есть ли точки соприкосновения науки и богословия ?* М. : « Триада ». 2001.
- Шаститко А.Е. *Новая институциональная экономическая теория : особенности предмета и метода*. М. : ТЕИС. 2003.
- Штекли А. *Галилей*. М. : « Молодая гвардия ». 1972.
- Шлейермахер Ф. *Герменевтика*. СПб : « Европейский Дом ». 2004.
- Штейнберг И. *Качественные методы. Полевые социологические исследования*. СПб. : Алетейя. 2009.
- Шумпетер Й.А. *История экономического анализа*. Т. 1. М. : Экономическая школа. 2004.
- Amable B. et S. Palombarini. *L'économie politique n'est pas une science morale*. Paris : Raison d'Agir. 2005.
- Baritono R. [Beyond Politics : The Politico-Institutional Crisis in the Late-Nineteenth – and Early-Twenty-Century United States]. Bologna: Il Mulino, 1993. (in Italian)
- Bauman Z. *Intimations of Postmodernity*. London : Routledge. 1992.
- Béland D. « Néo-institutionnalisme historique et politiques sociales : une perspective sociologique » // *Politique et Sociétés*, vol. 21, n° 3, 2002, p. 21-39.
- Berelowitch A. et M. Wiewiorka. *Les Russes d'en bas*. Paris: Seuil. 1998.
- Billaudot B. *Régulation et croissance. Une macroéconomie historique et institutionnelle*. Paris: L'Harmattan. 2001.
- Blaug M. *Great Economists before Keynes*. London: Whitesheaf Books Ltd. 1986.
- Bonner B. and A. Wiggin. *Empire of Debt. The Rise of an Epic Financial Crisis*. NY: John Wiley & Sons, Inc. 2006
- Bothorel J. et Ph. Sassier. *La grande distribution. Enquête sur une corruption à la française*. Paris : Bourin éditeur. 2005.
- Boyer R. et Y. Saillard (eds.) *Théorie de la régulation. L'état des savoirs*. Paris : La Découverte. 1995.

- Braud Ph. *Sociologie politique*. Paris : L.G.D.J. 1998.
- Braybrooke M. and K. Mofid. *Promoting the Common Good. Bronging Economics & Theology Together Again*. London: Shephard-Walwyn (Publishers) Ltd.
- Brinton M.C. and V. Nee. *Yhe New Institutionalism in Sociology*. Stanford, California: Stanford University Press. 1998.
- Bryant A. and K. Charmaz. *Thhe Sage Handbook of Grounde Theory*. Thousand Oaks: Sage Publications. 2007.
- Bruhns H. (ed.). *Histoire et économie politique en Allemagne de Gustave Schmoller à Max Weber*. Paris : Editions de la Maison des sciences de l'homme. 2004.
- Bruner J. *Acts of Meaning*. Cambridge: Harvard University Press. 1990.
- Burt E.A. *The Metaphysical Foundations of Modern Science*. NY : Dover Publications. 2003.
- Caillé A. « Présentation » // *Revue du MAUSS*, No 30, 2007.
- Callon M. et B. Latour « "Tu ne calculeras pas!" - ou comment symétriser le don et le capital » // *MAUSS n°9, Le capitalisme aujourd'hui*, Paris : La Découverte, 1997.
- Charle Ch. et J. Verger. *Histoire des universités*. Paris: PUF. 2007.
- Charmaz K. *Constructing Grounded Theory. A Practical Guide Through Qualitative Analysis*. Thousand Oaks: Sage Publications. 2006.
- Cléro J.-P. et Ch. Laval. *Le vocabulaire de Bentham*. Paris : Ellipses. 2002.
- Coats A.W. *The Sociology and Professionalization of Economics. British and American economic essays Volume II*. London and New York: Routledge. 1993.
- Colander D. and A. Klammer *The Making of an Economist*. Boulder, Colorado : Westview. 1990.
- Collander D. *The Making of an Economist, Redux*. Princeton and Oxford: Princeton University Press. 2007.
- Commons J.R. *Myself. The Autobiography of John R. Commons*, reprinted Madison: The University of Wisconsin Press, 1964.
- Commons J.R. et al. *History of Labour in the United States. (four volumes)*. NY: Augustus M. Kelley Publishers, 1966.
- Commons J.R. *Social Reform & the Church*. NY: Augustus M. Kelley Publishers, 1967.
- Commons J.R. *Institutional Economics. Its Place in Political Economy*. New Brunswick: Transaction Publishers, 1990.

- Craig D.V. *Action Research Essentials*. San Francisco, California: John Wiley & Sons. 2009.
- Cunningham W. « The Relativity of Economic Doctrine » // *The Economic Journal*. Vol. 2, No. 1, 1892a. p. 1 – 16.
- Cunningham W. « The Pervasion of Economic History » // *The Economic Journal*. Vol. 2, No. 3, 1892b. p. 491 – 506.
- Cunningham W. « Why had Roscher so little influence in England ? » // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. November, 1894.
- Cunningham W. *The Gospel of Work: Four lectures on Christian Ethics*. Cambridge : Cambridge University Press. 1902.
- Cunningham W. *The Moral Witness of the Church on the Investment of Money and the Use of Wealth*. Cambridge : Cambridge University Press. 1902.
- Degnbol-Martinussen J. *Policies, Institutions and Industrial Development. Coping with Liberalisation and International Competition in India*. New Delhi: Sage Publications. 2001.
- Denis H. *Histoire de la pensée économique*. Paris : Presses Universitaires de France. 2008.
- Denzin N.F. and Y.S. Lincoln, (eds.), *Handbook of Qualitative Research*, Thousand Oaks: Sage Publications. 2005.
- Dey I. *Grounding Grounded Theory. Guidelines for Qualitative Research*, London: Academic Press. 1999.
- Durkheim E. *Pragmatisme et sociologie*. Paris.: Vrin. 1955.
- Edelman G. M. *Second Nature. Brain Science and Human Knowledge*. New Haven and London : Yale University Press. 2006.
- Eliaeson S. *Max Weber's Methodologies*. Cambridge : Polity Press. 2002.
- Ely R.T. *Social Aspects of Christianity, and other Essays*. NY: Thomas Y. Crowell & Company Publishers. 1889.
- Ely R.T. *Ground under our Feet*. NY: Macmillan. 1938.
- Ely R.T. *The Past and the Present of Political Economy*. Marston Gate, UK: Elibron Classics. 2005.
- Fitoussi J.-P. *L'Enseignement supérieur des sciences économiques en question*. Paris: Fayard. 2001.
- Foley D.K. *Adam's Fallacy. A Guide to Economic Theology*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press. 2006.

Foss N.J. and G. Garzarelli. "Institutions as knowledge capital: Ludwig M. Lachmann's interpretative institutionalism" // *Cambridge Journal of Economics*. May 2007.

Friedman M. "Methodology of Positive Economics", in Milton Friedman, *Essays in Positive Economics*, Chicago: The University of Chicago Press, 1953. p. 3 - 43.

Frobert L. *Le travail de François Simiand (1873 – 1935)*. Paris : Economica. 2000.

Fullbrook E. (ed.) *The Crisis in Economics. The post-autistic economics movement: the first 600 days*, London: Routledge. 2003.

Fullbrook E. (ed.) *A Guide to What is Wrong with Economics*. London: Routledge. 2004.

Fullbrook E. (ed.) *Real World Economics: A Post-autistic Economics Reader*. London: Anthem Press. 2007.

Fullbrook E. (ed.) *Pluralist Economics*. London & New York : Zed Books. 2008.

Galiani F. *Dialogues sur le commerce des blés*. Paris : Fayard. 1984.

Gillard L. et M. Rosier (sous la direction de). *François Simiand (1873 – 1935). Sociologie – Histoire – Economie*. Paris : Editions de archives contemporaines. 1996.

Gislain J.-J. and Ph. Steiner. "American Institutionalism and Durkheimian positive Economics: Some Connections. // *History of Political Economy*, Vol. 31, No 2, 1999, p. 273 – 296.

Greenwood D.J. and M. Levin *Introduction to Action Research. Social Research for Social Change*, Thousand Oaks: Sage Publications. 1998.

Grimmer-Solem E. *The Rise of Historical Economics and Social Reform in Germany 1864 – 1894*. Oxford : Clarendon Press. 2002.

Johnson-Laird Ph. *Mental Models. Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness*. Cambridge, Massachusetts : Harvard University Press. 1983.

Johnson-Laird Ph. *How We Reason*. Oxford, New York : Oxford University Press. 2006.

Jorion P. *Investing in a Post-Enron World*. NY : McGraw-Hill. 2003.

Jorion P. *Vers la crise du capitalisme américain ?* Paris : La Découverte. 2007.

Jorion P. *L'implosion. La finance contre l'économie. Ce que révèle et annonce la « crise des subprimes »*. Paris : La Découverte. 2008a.

Jorion P. *La crise. Des subprimes au séisme financier planétaire*. Paris : La Découverte. 2008b.

Hall P.A. and R.C.R. Taylor. "Political Science and the Three Institutionalisms" // *Political Studies*. Vol. 44, No 5, 1996. p. 936 – 957.

Hamilton W.H. *Industrial Policy and Institutionalism. Selected Essays*. Clifton, USA : Augustus M. Kelley Publishers, 1974.

Harter L.G. *John R. Commons: His Assault on Laissez-Faire*. Corvallis: Oregon State University Press. 1962.

Harter L.G. “The Legacy of John R. Commons” // *Journal of Economic Issues*, Vol. 1, No.1/2 (June), 1967, p. 63 – 73.

Heilbroner L Robert. *Behind the Veil of Economics: Essays in the Worldly Philosophy*. W. W. Norton & Co.,1989.

Hodgson G.M. *How Economics forgot History*. London and New York: Routledge. 2001.

Humboldt (von) W. « Sur l’organisation interne et externe des établissements scientifiques supérieurs à Berlin (1809 ou 1810) » // *Philosophies de l’université. L’idéalisme allemand et la question de l’Université*. Paris : Payot. 1079. p. 319 – 329.

Kaufman J.-C. *L’entretien compréhensif*. Paris: Armin Colin. 1996.

Knorr Cetina K. “Epistemic Cultures: Farms of Reason in Science” // *History of Political Economy*, No 1, v. 23, 1991, p. 105 – 122.

Knorr Cetina K. *Epistemic Cultures. How the Sciences Make Knowledge*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 1999.

Krueger, A. O. et al. “Report of the Commission on Graduate Education in Economics.” // *Journal of Economic Literature*. Vol. XXIX, No 3 (September). 1991. pp. 1035–1053.

Latour B. and S. Woolgar. *Laboratory Life. The Social Construction of Scientific Facts*. Losangeles, London: Sage. 1979.

Latour B. *Nous n’avons jamais été modernes. Essai d’anthropologie symétrique*. Paris : La Découverte. 1997.

Latour B. *Pasteur : guerre et paix des microbes*. Paris : La Découverte. 2001.

Latour B. *Changer de société. Refaire de la sociologie*. Paris : La Découverte. 2006.

Latour B. *L’espoir de Pandore. Pour une version réaliste de l’activité scientifique*. Paris : La Découverte. 2007.

Latour B. et V.A. Lépinay. *L’économie, science des intérêts passionnés. Introduction à l’anthropologie économique de Gabriel Tarde*. Paris : La Découverte. 2008.

Lecours A. (Ed.). *New Institutionalism. Theory and Analysis*. Toronto: University of Toronto Press. 2005.

Lewis H.L. *Excelence Wiyhout a Soul. Does Liberal Education Have a Future?* New York : Public Affairs. 2007.

- McCarthy Ch. *The Wisconsin Idea*. New York : Macmillan. 1912.
- McCloskey D.N. *The Rhetoric of Economics*. Madison, Wisconsin : The University of Wisconsin Press. 1985.
- McCloskey D.N. *Knowledge and Persuasion in Economics*. Cambridge: Cambridge University Press. 1994.
- Ménard C. (ed.) *Institutions, Contracts and Organizations. Perspectives from New Institutional Economics*, Cheltenham : Edward Elgar. 2000.
- Ménard C. « Methodological Issues in New Institutional Economics », *Journal of Economic Methodology*, January, 2001.
- Mill J.S. *System of Logic Ratiocinative and Inductive Being a Connected View of the the Principles of Evidence and the Methods of Scientific Investigation*. London: Longmans. 1886.
- Mill J.S. « On the definition and method of political economy ». // D.M. Hausman (Ed.) *The Philosophy of Economics. An Anthology*. Cambridge: Cambridge University Press. 1994.
- Mill J.S. *Autobiography of John Stuart Mill*. Rockville, Maryland: Arc Manor. 2008.
- Mirowski Ph. “The Philosophical Bases of Institutional Economics” // *Journal of Economic Issues*, Vol. XXI, n° 3, September, 1987. pp. 1001 – 1038.
- Nau H.H. and Ph. Steiner. “Schmoller, Durkheim, and Old European Institutional Economics” // *Journal of Economic Issues*, Vol. XXXVI, No 4, 2002, p. 1005 – 1024.
- Nelson R.H. *Economics as Religion. From Samuelson to Chicago and Beyond*. University Park: The Pennsylvania State University Press. 2001.
- Newman F. et al. *The Future of Higher Education. Rhetoric, Reality, and the Risks of the Market*. San Francisco, California: Jossey-Bass. 2004
- North D.C. and R.P. Thomas. *The Rise of the Western World. A New Economic History*. NY : Cambridge University Press. 1973.
- North D.C. *Structure and Change in Economic History*. New York, London: W.W. Norton. 1981.
- North D.C. “Understanding institutions”, in (Ménard, 2000), p. 7 – 10.
- North D.C. *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton and Oxford : Princeton University Press. 2005.
- Paillé P. et A. Mucchielli. *L’analyse qualitative en sciences humaines et sociales*. Paris: Armin Colin. 2005.
- Paillé P. (sous la direction de). *La méthodologie qualitative. Postures de recherche et travail de terrain*. Paris: Armin Colin. 2006.

- Peirce C.S. *The Essential Peirce. Selected Philosophical Writings, Vol. 1*, Bloomington: Indiana University Press, 1992.
- Peirce C.S. *The Essential Peirce. Selected Philosophical Writings, Vol. 2*, Bloomington: Indiana University Press, 1998.
- Peirce C.S. *Pragmatisme et pragmatisme. Œuvres I*. Paris : Les Editions du CERF, 2002.
- Pouch T. *Les économistes français et le marxisme. Apogée et déclin d'un discours critique (1959 – 2000)*. Rennes : Presses Universitaires de Rennes. 2001.
- Poupart J. et al. *La recherche qualitative. Enjeux épistémologiques et méthodologiques*. Boucherville (Quebec): Gaëtan Morin. 1997.
- Rader B.G. *The Academic Mind and Reform. The Influence of Richard T. Ely in American Life*. University of Kentucky Press. 1966.
- Rauschenbush P.A. & E.B. Rauschenbush. *Our "U.C." Story (1930 – 1967)*. Madison, Wisconsin. 1979.
- Reason P. and H. Bradbury (eds.), *Handbook of Action Research.*, Thousand Oaks: Sage Publications. 2006.
- Roosevelt T. Introduction to the book [McCarthy 1912].
- Rousseau J.-J. *Discours sur l'économie politique*. Paris : Vrin. 2002.
- Rutherford M. « Wisconsin Institutionalism : John R. Commons and his Students » // *Labor History*, 2006, 47 (May), p. 161 – 188.
- Sapir J. *Quelle économie pour le XXIe siècle ?* Paris : Odile Jacob. 2005.
- Schlabach T.F. “An Aristocrat on Trial : The Case of Richard T. Ely “ // *The Wisconsin Magazine of History*, Vol. 47, No. 2 (Winter), 1963 – 1964. p. 149 – 159.
- Schmidt V. A. *From State to Market? The Transformation of French Business and Government*. Cambridge : Cambridge University Press. 1996.
- Schmidt V. A. *The Futures of European Capitalism*. Oxford : Oxford University Press. 2002.
- Schmidt V. A. “Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse” // *Annual Review of Political Science*. Vol. 11, 2008. p. 302 – 326.
- Schmoller G. *Historisch-ethnische Nationalökonomie als Kulturwissenschaft*. Marburg: Metropolis-Verlag. 1998.
- Simiand F. *Critique sociologique de l'économie. Textes présentés par Jean-Christophe Marcel et Philippe Steiner*. Paris : Presses Universitaires de France. 2006.

Simons R.G. *Competing Gospels. Public Theology and Economic Theory*. Alexandria, Australia: E J DWYER. 1995.

Shapin S. and S. Schaffer. *Leviathan and the Air-Pump. Hobbes, Boyle, and the Experimental Life*. Princeton University Press. 1985

Shapin S. *A Social History of Truth. Civility and Science in Seventeenth-Century England*. Chicago and London: The University of Chicago Press. 1994.

Skocpol T. „Why I am a Historical Social Scientist”// *Extensions: Journal of the Carl Albert Congressional Research and Studies Center* (Fall 1999) pp. 16-19.

Slaughter Sh. And G. Rhoades. *Academic Capitalism and the New Economy. Markets, State, and Higher Education*. Baltimore and London: The John Hopkins University Press. 2004.

Staropoli et S. Robin “Experimental economics to inform New Institutional Issues”. // *New Institutional Economics Textbook*, Glachant J.M, Brousseau E. (Eds.). Cheltenham, Glos, UK: Edgar Elgar. 2008.

Steimo S., Thelen K. and F. Longstreth (Eds.) *Structuring Politics. Historical Institutionalism in Comparative Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press. 1992.

Steuart J. *An Inquiry into the Principles of Political Economy*. L. : A.Miller and T.Cadell. 1767. (Полный текст книги доступен на сайте www.marxists.org.)

Stringer E.T. *Action Research*, Thousand Oaks: Sage Publications. 1999.

Suspitsyna T. *Adaptation of Western Economics by Russian Universities. Intercultural Travel of an Academic Field*. New York and London : Routledge. 2005.

Tarde G. *Psychologie économique*. Paris : Félix Alcan. 1902 (в двух томах)
(Полный текст книги доступен на сайте <http://classiques.uqac.ca>)

Thomas W.I. and F..Znaniecki. *The Polish Peasant in Europe and America*, 2 vols., New York: Knopf. 1926.

Traweek Sh. *Beamtimes and Lifetimes. The World of High Energy Physicists*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 1988.

Tribe K. *Historical Schools of Economics: German and English*. .Keele Economics Research Paper No 2, Keele University. 2002.

Washburn J. *University Inc. The Corporate Corruption of American Higher Education*. New York : Basic Books. 2005

Weber M. *Max Weber Selected Works 1908 – 1932*. New York: Meredith. 1989.

Wieviorka M. *Neuf Leçons de Sociologie*. Paris : Robert Laffont. 2008.

Whalen Ch. J. “John R Commons and John Maynard Keynes on Economic History and

Policy: The 1920s and Today” // *Journal of Economic Issues*, Vol. 42, 2008.

Yefimov V. “On the nature of management simulation games”// *Economicko-Matematicky Obzor (Review of Econometrics)*, Vol. 15, N° 4, Prague: Academia, 1979. p. 403 - 416.

Yefimov V. “Gaming-simulation of the functioning of economic systems”// *Journal of Economic Behavior & Organization*, Vol. 2, N° 2, 1981. p. 187 - 200.

Yefimov V. “Approche institutionnelle de l'analyse de la transition” // *Revue d'études comparatives Est-Ouest*. Paris : C.N.R.S., N° 2, 1997. p. 99 - 119.

Yefimov V. « Structures sociales en Russie, cellules et réseaux » // *Nouveaux Cahiers de l'IUED*, Collection Enjeux, N° 12, Paris & Geneva : PUF, 2001a., p.29 - 52.

Yefimov V. « Continuité et recomposition des régimes agraires russes dans le siècle » // *Economie et Société, Série « Développement, croissance et progrès », « Développement – III », n° 9-10*, Paris : ISMEA., 2001b., p.1439 - 1473

Yefimov V. *Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie*. Paris. : l'Harmattan. 2003.